

**Ирина Масленицына
Николай Богодзяж**

**РАДЗИВИЛЛЫ -
НЕСВИЖСКИЕ
КОРОЛИ**

(Исторические миниатюры)

Минск
Издательство "Триоль"
1997

ББК 84(4Бел)
Б 74 УДК 882(476)—3

И. Масленицына, Н. Богодзяж
Радзивиллы — Несвижские короли. — Мн.: Изд-во "Триоль", 1997.
— 224 с.; илл.

ISBN 985-6445-01-9

Книга И. Масленицыной и Н. Богодзяжа представляет собой исторические миниатюры о судьбах представителей несвижской ветви могущественного магнатского рода Радзивиллов. Книга будет интересна не только для специалистов в области истории, но и для широкого круга читателей, интересующихся прошлым Беларуси.

ББК 84(4Бел)

ISBN 985-6445-01-9

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРАХ

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой исторические миниатюры, в которых рассказывается об истории Беларуси посредством восприятия деятельности представителей могущественного магнатского рода Радзивиллов, а точнее, его несвижской ветви. Несвижские Радзивиллы занимали важнейшие государственные, административные и военные должности в Великом княжестве Литовском. Они имели огромные земельные владения в Беларуси, в том числе города и местечки: Несвиж, Мир, Геранены, Клецк, Щучин и множество деревень. Радзивиллы выставляли значительное собственное войско в армию Великого княжества Литовского. Практически представители этого магнатского рода, благодаря своему могуществу, являлись некоронованными правителями государства.

Исторические миниатюры Ирины Масленицыной и Николая Богодзяжа окажутся интересными не только и не столько для специалистов в области истории, но для широкого круга читателей. Выбранному жанру хорошо соответствует язык произведения — легкий, не перенасыщенный научными и специальными историческими терминами. При этом в рассказах о персонажах, помещенных в книгу, все известные авторам сведения о них изложены образно и с достоверностью.

Помогает этому то, что один из авторов, Ирина Масленицына имеет журналистское образование. Много лет занималась она драматургией, имеет десять исторических пьес, две из которых "Крыж Ефрасінні Полацкай" и "Абеляр и Элоиза" премированы на конкурсах, организованных Союзом театральных деятелей Беларуси.

Николай Богодзяж — историк по образованию, имеет немалый опыт работы в археологических экспедициях, в последние годы занимается профессиональной журналистикой.

Оба автора творчески сотрудничают с 1993 года. Результатом их совместной деятельности явилась книга исторических очерков "Слава і няслаіе", изданная в 1995 году. Ими же написаны и находятся в издательствах также энциклопедический справочник "Жанчыны ў гісторыі Беларусі" и книга "Венок женских судеб. Десять веков белорусской истории". Каждый из авторов имеет и самостоятельные работы. У И.Масленицыной в 1996 году в библиотечке журнала "Маладосць" вышла книга "Легенды". Ею подготовлены к печати в разных белорусских издательствах книги "Млын на сямі колах. 80 легенд Беларусі", "Рэха каханьня", "Кавалеры і дамы Беларускага Рэнэсанса". Н.Богодзяж является составителем и одним из авторов сборника "Праз смугу стагоддзяў". В издательстве "Народная асвета" запланирован выпуск его книги "Сыны зямлі беларускай".

Издаваемая сейчас книга адресована тем, кто интересуется средневековым периодом истории Беларуси, жизнью и деятельностью ее видных представителей.

**Доктор исторических наук, профессор Г.В.Штыхов
27.06.1997 г.**

ВСТУПЛЕНИЕ

В начале XVI столетия в белорусских и польских хрониках впервые среди самых влиятельных магнатских родов Великого княжества Литовского были названы Радзивиллы. С этого времени их вес в политической, экономической и культурной жизни страны становился все большим и большим. Пока, наконец, их не стали называть современники "некоронованными королями Литвы и Беларуси".

И неудивительно, ибо этот род в период своего расцвета имел во владении более трети территории Беларуси. Десятки городов, сотни местечек, неисчислимое количество деревень. Много имений было у Радзивиллов в Литве, Польше, на Украине.

Этот широкоразветвленный род дал известных государственных деятелей, дипломатов, придворных, литераторов и музыкантов. На протяжении целого ряда столетий находился он у самого трона. Вначале в Великом княжестве Литовском, потом в Речи Посполитой и, наконец, в Российской империи. Неоднократно заключал браки с представителями правящих династий. Несколько раз Радзивиллы сами чуть не становились правителями государства. Разумеется, рядом с ними действовали и другие магнатские роды: Олельковичи, Гаштольды, Острожские, Сапега. Они взлетали к вершинам власти, некоторое время удерживались там и откатывались назад. А Радзивиллы уверенно держали свои позиции.

Старшей ветвью этой династии была Несвижская. Многие ее представители вписали свои имена в историю как нашего, так и целого ряда соседних народов. Славились Несвижские Радзивиллы не только своими деяниями, но и богатствами. И одним из главных их сокровищ было их родовое гнездо, город, который благодаря им стал второй, неофициальной столицей государства. Радзивилловский Несвиж называли "маленькой Варшавой" и даже "маленьким Парижем".

Самые знаменитые, самые влиятельные, самые богатые. Те, которые могли сказать прямо в глаза своему монарху и сюзерену: "Ты, король, в Кракове высший, но я в Несвиже главный".

Многое они оставили нам в наследство. Замки и дворцы, произведения искусства, которые были изготовлены на их мануфактурах, собственные дневники и сборники своих же литературных произведений, партитуры опер, сочиненных ими, библиотеки и картинные галереи. А еще они оставили после себя множество легенд, преданий, тайн и неразгаданных загадок. И одна из них, как ни странно, связана с происхождением их рода.

Ведь вот что удивительно. Большинство дворянских родов прекрасно знают свою родословную (или официальную ее версию). А у Радзивиллов и здесь не как у других. Известно несколько вариантов начала биографии рода. Так, например, автор "Хроники Литовской и Жамойтской", на страницах которой, кстати, впервые упоминается эта фамилия, называет отцом первого Радзивилла одного из жмудских князей, Монтвида. В изданной в XVIII веке в несвижской типографии книге портретов Радзивиллов как родоначальник проходит литовский же князь Войшунд. М.Стрыйковский в своей "Хронике" приводит предание, в котором имя Радзивилл получил внебрачный сын легендарного верховного литовского языческого жреца Криве-Кривейты, Лидейко. Получил за то, что посоветовал ("порадзил") Великому князю Литовскому Гедимину основать город на том месте, где славный князь увидел во сне воющего волка. Кстати, в память об этом вещем сне город и получил будто бы свое название "Вильно" (от литовского "вилк" — волк). "Порадзил" Лидейко построить Вильно, оттого и "Радзивил". Кстати, в XIX веке вышеупомянутое предание то ли из "Хроники" Стрыйковского, то ли от народных сказителей, сохранявших в памяти множество произведений народной эпической прозы, узнали белорусско-польские (так как, будучи белорусами, писали они в основном на польском языке) поэты Ян Чечот и Адам Мицкевич. Они использовали красивый сюжет в своих произведениях. Так предание о происхождении рода Радзивиллов попало в четвертую книгу поэмы А.Мицкевича "Пан Тадеуш" и в балладу Я.Чечота "Радзивилл, или основание Вильно". Есть и еще один вариант начальной генеалогии рода. По нему Радзивиллы ведут свое происхождение от некоего римского патриция, который по неизвестным причинам вынужден был покинуть родину и нашел убежище в далеких варварских дебрях на берегу холодного Балтийского моря. Интересная и привлекательная гипотеза! Но серьезно к ней относиться все-таки трудно. Скорее всего "изобрел" ее даже не какой-либо остроумный, желающий придать себе в глазах общества еще большую значимость представитель рода, а кто-то из лстивых приближенных Радзивиллов. Существует также версия, что Радзивиллы происходили из Ошмян. Кстати, об этом упоминал даже один из самых известных представителей этой династии — Миколай Черный.

Впрочем, каково бы ни было происхождение рода и какой бы национальности ни был его далекий основатель, несвижские Радзивиллы крепко осели в своих белорусско-литовских владениях. Укрепились в них, при помощи браков породнились с местными

ближними и дальними магнатскими родами и почувствовали себя детьми этой земли.

Бурной и драматичной была их история. Было в ней все: возвышенная любовь и предательства, пышные балы и кровавые битвы, громкие победы и поражения.

В этой книге вы узнаете о судьбах представителей первых четырех поколений Несвижских Радзивиллов, людях, чья эпоха была названа их потомками рыцарской.

Это далекое, суровое и романтическое время невольно завораживает нас, сегодняшних. Не потому ли мы так любим легенды и предания, связанные с ним, и знаем их так много о Радзивиллах XV—XVII столетий. Что же касается действительных фактов их биографий, то здесь мы не всегда можем похвастаться своей осведомленностью. Да и в исторических работах до последнего времени о Несвижских Радзивиллах, как и о многих других прославленных персонажах нашей истории, говорилось крайне скудно и обрывочно.

Цель этой книги — восстановить справедливость и вернуть утраченную было память. О жизни первых "несвижских королей", их деяниях, любви, надеждах, увлечениях, об удивительных, почти невероятных историях, о тайнах и загадках этого старинного магнатского рода и поведает она.

ДРУГ КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА

Погожим летним днем 1511 года в ворота замка князя Петра Кишки въехали два конных рыцаря. Один из них был молод и красив. Золотистые кудри спадали ему на плечи. Взгляд глубоких васильковых глаз был по-юношески насмешлив, над верхней губой золотился лихо закрученный ус. Другой переживал пору мужской зрелости. Широкоплечий и могучий, он напоминал героя старых преданий. Пушистая черная борода, в которой будто бы случайно запутались серебряные нити седины, прикрывала верхнюю часть груди. Первые мелкие морщинки собрались в уголках глаз. Взгляд рыцаря был пронизательно-оценивающим.

Две сестры хозяина замка, Ганна и Барбара, выбежали на балкон посмотреть, как выходит навстречу гостям, раскрыв им дружеские объятия, Петр Кишка.

— Я знаю, кто это такие, — прошептала на ухо Ганне рыжеволосая улыбчивая Барбара. — Младший — Ежи Радзивилл. Меня прочат за него замуж. А старший — его брат Януш Бородач. Он получил такое прозвище потому, что еще юношей отрастил бороду почти что по пояс. Теперь она у него немного короче, но все равно внушительная.

Встретившись случайно взглядом с Янушем Радзивиллом, Ганна вздрагивает и опускает глаза.

— Он, конечно же, женат? — спрашивает она у своей всезнающей сестры,

— Да. На княжне Богдане Лукомской. У него — две взрослых дочери.

Вздохнув, Ганна поворачивается, чтобы уйти. Но оказывается не в силах заставить себя сделать хотя бы шаг или глянуть вниз, туда, где, — она знает, она чувствует это, — смотрит на нее восхищенным взглядом могучий рыцарь с длинной пушистой бородой...

Вскоре после этих событий произошло обручение молодого Ежи Радзивилла и Барбары Кишки. В следующем году у них родился сын-первенец Миколай. Рыжеволосый, как мать.

Ганна приехала на его крестины. И — вновь встретила тут с рыцарем, смутившим год назад ее покой. Они почти не разговаривали. Януш Бородач был в трауре по внезапно скончавшейся жене. И только время от времени Ганна ловила на себе его красноречивые взгляды.

В конце этого года, сразу же по прошествии положенного приличиями срока траура, Януш прислал своих сватов к запавшей ему в сердце Ганне.

Их брак сыграл чрезвычайно важную роль в истории рода Радзивиллов. Ибо именно в качестве Ганниного наследства приобрели они Несвиж, город, который стал вскоре считаться их родовым гнездом, "столицей" их "королевства".

Почти что во всех исторических статьях, посвященных Радзивиллам, Януш Бородач упоминается как первый в роду владеец Несвижа (это, кстати, не совсем верно, а почему — станет понятно дальше). Но обычно, кроме факта женитьбы его на Ганне Кишке, читатель ничего более о нем не узнает. Как будто бы не было в биографии Януша ничего, достойного внимания, и ничем, кроме того, что своим браком поспособствовал присоединению к и так довольно большим владениям рода Несвиж, он не прославился.

Тем не менее, Януш Радзивилл для своего времени был довольно значительной политической фигурой и интереснейшей личностью. Пытаясь выправить ошибку многих наших предшественников, незаслуженно "забывших" о Бородаче, мы решили рассказать в этой книге все то, что заинтересовало нас самих, когда мы из разных источников по крупицам извлекали факты его биографии.

Итак, Януш Бородач. Он родился в 1474 или 1475 году. Хронисты не пришли к единому мнению, определяя дату. Это был уже второй сын в семье воеводы виленского Миколая Радзивилла и княжны Софьи, дочери Слонимского князя Яна Манивида. Всего у этой пары родилось пятеро детей: четыре мальчика и девочка. Маленькие "княжата" были очень дружны и с самого раннего детства привыкли заступаться друг за друга. Эта добрая традиция в век, когда нередко первенство признавалось не за тем, кто прав, а за тем, кто силен, помогла им позднее утвердиться и достигнуть высокого положения в обществе.

Нам неизвестно, в каком году юный Януш был представлен ко двору короля Польского, Великого князя Литовского Казимира Ягеллона, так же, как и то, когда он познакомился и близко сошелся с одним из сыновей короля, Александром. Но архивные данные позволяют утверждать, что в год смерти Казимира, 1492, королевич уже называл его другом.

Александр Казимирович был на тринадцать или около того лет старше Януша Радзивилла. Но, в принципе, они принадлежали к одному поколению молодых, энергичных, демократически настроенных представителей высших слоев общества сильно

связанных между собой политически и экономически государств, Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Это поколение, пришедшее на смену своим более консервативным предшественникам, сделало все, чтобы на наших землях тоже началась эпоха Возрождения. Цвет молодого белорусского рыцарства того времени собрался вокруг королевича Александра. Это не было случайностью. Летописи и хроники донесли до нас обаятельнейший образ этого сына Казимира Ягеллона. Он был блестяще образован. С увлечением читал труды греческих и римских философов, старательно изучал работы прославленных историков Древнего мира и Раннего средневековья, прекрасно разбирался в искусстве, любил поэзию и знал много стихов наизусть. В совершенстве владел несколькими языками, в том числе и белорусским (тогда его называли "литвинским"). Но самым большим достоинством Александра Казимировича было его умение ценить людей не по богатству и титулам, а по заслугам и по уму. В юношеской компании, в которой королевич любил проводить время, были и молодые магнаты, и небогатые шляхтичи, и даже кое-кто из простолюдинов, как, например, певец белорус Чурилко. Не любя шумных пиров, Александр устраивал для своих друзей теплые товарищеские встречи, где игралась тихая приятная музыка, пилось хорошее виноградное вино и звучали пылкие речи о подвигах, о рыцарском долге, о славе. Сначала старший брат Януша, Миколай, а потом и он сам стали завсегдатаями таких вечеров. Кроме братьев Радзивиллов близкими друзьями королевича считались тогда еще очень молодые князья Константин Острожский и Михал Глинский, в будущем прославленные полководцы Великого княжества Литовского, а также будущий известный политик граф Альбрехт Гаштольд.

1492 год оказался решающим в жизни Александра. Внезапно заболел и умер его отец, который был монархом сразу двух государств. Престолы освободились. В Королевстве Польском магнаты решили объявить новым королем третьего сына Казимира, Яна Ольбрахта (старший, Владислав, в это время уже был королем чешским и венгерским, второй, Казимир, умер молодым). У Александра же, четвертого сына почившего государя, появилась возможность стать Великим князем Литовским. Начитанного, рассудительного, милостивого (так называли его хроники) королевича охотно поддержали в его исканиях о великокняжеском венце самые влиятельные магнаты Литвы и Беларуси. И, к большой радости всех его друзей, 20 июля 1492 года на гродненском сейме он был объявлен государем Великого княжества Литовского.

В этом же году произошло важное событие и в жизни юного Януша Радзивилла. Восемнадцатилетний рыцарь женился на сестре друга, Альбрехта Гаштольда, шестнадцатилетней Альжбете. Брак был заключен по взаимной симпатии. Молодые присутствовали на коронации Александра в Виленском кафедральном соборе и, затаив дыхание, слушали проникновенные слова нового Великого князя Литовского, который торжественно поклялся "рядить и судить своих подданных не по римскому, или чешскому, или немецкому обычаю, но по правдивому литовскому и Витовтовому обычаю". А вечером на балу, данном по случаю коронации в Виленском великокняжеском замке, Радзивилл и его молоденькая жена были "самой веселой парой". С Альжбетой Янушу суждено было прожить вместе десять лет, занять трех сыновей и двух дочек-близнецов и... поставить в родительском склепе пять маленьких гробиков. Но тогда в 1492 году он, счастливый муж, не мог, конечно же, даже представить себе такой печальный исход. Януш радовался жизни, молодости, своей женитьбе, коронации друга.

В головах коронованных особ также возникают мысли о возможности семейного счастья. И Александр, теперь уже Великий князь, стал подумывать о женитьбе. Самые влиятельные из его подданных предложили ему сватать единственную дочь Великого князя Московского Ивана III, Елену. По слухам, девушка была очень красива. Союз Александра с Еленой был бы благоприятным и с политической точки зрения. С Москвой у Великого княжества Литовского были давно уже испорчены отношения. Они оспаривали друг у друга права на приграничные территории, в разные периоды истории входившие в состав то западного, то восточного соседа. В год восшествия на литовский великокняжеский престол Александра в воздухе в очередной раз запахло войной с Московией. Иван III заявил: "Ано не то одна наша отчина, кои гароды и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные гароды, которые он (Александр — Авт.) за собою держит к Литовской земле, с Божьєю волею из старины от наших прародителей наша отчина". В связи с этим Александр решил серьезно обдумать предложение магнатов Великого княжества Литовского и посвататься к Елене Ивановне.

Но политические события вдруг стали развиваться так стремительно, что он просто не успел этого сделать. Сначала с обеих сторон посылались взаимные нарекания, потом — зазвенело оружие. Война тянулась два года. Великое княжество Литовское преследовал ряд неудач. Когда стороны решили все-таки прийти к миру, Литве пришлось уступить Москве земли в верховьях Оки, а также Вязьму, Дорогобуж и другие города восточной Смоленщины. Но

Александр, как и все его близкое окружение, понимал, что мирный договор окажется всего лишь временной передышкой в борьбе с сильным соперником, если не скрепить его все-таки браком с Еленой. Так и порешили.

В 1495 году в Москву прибыли сваты во главе с другом Александра и Януша Альбрехтом Гаштольдом. Им удалось найти взаимопонимание с Иваном III, и вскоре после первых смотрин невесты, во время которых она своей яркой внешностью и смиренностью произвела на литвинов сильнейшее впечатление, состоялся интересный старинный обряд "предварительного брака". От имени жениха Гаштольд в храме дал брачную клятву Елене и надел ей на палец обручальное кольцо. Когда поезд с молодой двинулся в Вильно, вперед был послан с радостной вестью гонец.

Взволнованный Александр попросил друзей помочь ему подготовиться к встрече невесты. Решено было, что навстречу Елене Ивановне будут посланы четыре представителя самых уважаемых магнатских родов Великого княжества Литовского. Двое мужчин и две женщины. Причем, один мужчина и одна женщина будут католического (как у жениха) вероисповедания, а другие двое — православного (как у невесты). Выбор пал на православных Константина Острожского и молоденькую жену графа Альбрехта Гаштольда княжну Софью Верейскую (она, кстати, по матери приходилась Елене Ивановне кузиной), а также на католиков Михала Глинского и жену Януша Радзивилла, Альжбету.

Александр мечтал сразу же ввести молодую жену в круг своих друзей и выбрать ей достойных, одного с ней возраста подруг. Умышленно послал своим сватом в Москву Гаштольда, женатого на родственнице Елены. С этой же целью назначил Софью Гаштольд и Альжбету Радзивил для торжественной встречи. Александр мечтал о нежной, понимающей его жене-друге, такой, какими уже обзавелись Гаштольд и Януш Бородач.

Ему не повезло. Елена не смогла стать достойной спутницей Александра и государыней Великого княжества Литовского. Рассчетливый и хитрый Иван III, отправляя единственную дочь к мужу, постарался внушить ей страх и отвращение к своим будущим подданным-католикам. Он очень хотел, чтобы Елена осталась православной. Тогда через нее можно было бы влиять на настроение православных белорусских магнатов, которых в Великом княжестве Литовском было большинство, и настраивать их против Александра. Дочери, конечно, всех тонкостей политики Иван III объяснять не стал, но прочитал ей перед отъездом целую лекцию на тему: что надо

делать, чтобы не погубить свою бессмертную душу. Из его слов следовало, что в первую очередь ни в коем случае нельзя менять свою веру, как бы на этом не настаивали во враждебной Московии Литве. "И хотя будет тебе, дочка, про то и до крови пострадати, и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила", — эффектно закончил свое поучение Иван III. Напуганная Елена собиралась в Вильно со слезами на глазах. Не успокоили несчастную и митрополиты Макарий и Фома, которые должны были сопровождать ее. Всю дорогу они трагическим шепотом пересказывали ей жития святых мучеников и мучениц, которые согласились принять страшную смерть, чтобы только не изменить своей вере. Эти святые отцы устроили настоящий скандал и при венчании Елены с Александром в кафедральном соборе Вильно. Во время обряда, который проводил уважаемый в народе католик-архиепископ, они вдруг выступили вперед и начали петь православные молитвы, заглушая его. Макарий и Фома также настояли на праве держать венец невесты и благословлять ее. Таким образом, весь обряд венчания выглядел подозрительно как с точки зрения католиков, так и с точки зрения православных. Возмущенные друзья Великого князя Литовского посоветовали ему выдворить поскорее из Вильно русских митрополитов, которые "запугали до смерти" его жену. И Александр скоро нашел для этого повод. Неукротимые Макарий и Фома были уличены в шпионаже в пользу Ивана III и выдворены. Но счастья это Великому князю Литовскому не принесло. Елена по-прежнему дичилась его и не раскрывала ему навстречу своей души. По-прежнему боялась. И вела себя в виленском дворце Великого князя не как жена и хозяйка, а как пленница либо заложница.

Видя своего коронованного друга несчастным, Януш Радзивилл очень переживал за него, обвиняя в этом Елену. Впрочем, кроме сочувствия, он ничем не мог помочь своему государю. Зато он очень помогал Великому князю Литовскому и советом, и делом в решении некоторых важных государственных вопросов, особенно в области экономики. В 1495 году Александр назначил Януша Радзивилла наместником вилюйским, а в 1499 году маршалкам господарским¹.

В 1496 году вместе с уже немолодым отцом и братьями Миколаем, Альбрехтом и Ежи Януш сосватал свою сестру Анну мазовецкому князю Конраду III. Этим Радзивиллы оказали большую услугу своей державе. Дело в том, что Конрад долгое время был союзником Ивана III. И даже всего за полгода до Александра сватался

¹ Маршалок господарский — государственное должностное лицо, ведающее делами экономики

к Елене Ивановне. Конрад III имел намерение, объединившись с прусским магистром и заручившись поддержкой Москвы, "стать соединою" на "Казимировых детей" (это значит, Александра и Яна Ольбрахта — Авт.). Этот замысел мазовецкому князю не удался. Но он еще оставался серьезным противником Великого княжества Литовского. И когда Радзивиллы отдали в жены вдовому, бездетному Конраду Анну, Александр праздновал это событие, как большую политическую победу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы союз дочери и сестры с князем Мазовии был невыгоден и самим Радзивиллам. Это был первый брак представителя их рода с коронованной особой. Авторитет Радзивиллов резко поднялся. О них заговорили в Европе. Впрочем, долго радоваться удачному браку сестры Янушу не пришлось. Через несколько месяцев после ее свадьбы умерла их мать, Софья Манивид. А отец очень скоро женился на другой женщине, Софье Заславской, с которой впоследствии прижил еще дочь Софью. Возможно, именно обида за мать, памяти которой так поспешно изменили, поспособствовала некоторому отчуждению, отдалению Януша от легкомысленного родителя. Но с братьями, особенно со старшим Миколаем и самым младшим Ежи (Альбрехт стал священником и реже общался со своими близкими), Януш продолжал жить душа в душу.

Но в 1500 году в их относительно спокойное житье вторглась война.

В Москву просочилось известие, что "католики в Вильно принуждают Елену Ивановну сменить веру". И Иван III решил использовать этот непроверенный слух как повод для объявления новой войны. С самого начала обстоятельства сложились неудачно для Великого князя Литовского. Его войско 14 июля 1500 года потерпело серьезное поражение на берегах реки Ведроши. Попал в плен главнокомандующий Константин Острожский, ряд представителей высшей знати страны. Весь обоз и вся артиллерия были захвачены противником.

Миколай Радзивилл участвовал в этой битве и по свидетельству хроник "мужественно бился с малой горсткой своих воинов". Ему повезло. Он не погиб и избежал плена. О том, где был во время этой печально известной битвы Януш Бородач, ничего не известно. Но можно предположить, что тут же, на кровавой Ведроши, рядом с братом. Ибо Януш был рыцарем, хорошо знающим свой долг, и в то лето ему минуло 26 лет.

Радзивиллы, как и многие их современники, незаслуженно возложили ответственность за поражение войска на Елену Ивановну.

Несчастливая женщина, оказавшаяся в этой ситуации просто жертвой, до конца своей жизни вынуждена была во время официальных приемов, балов и охот невольно чувствовать на себе неприязненные взгляды этих друзей ее мужа.

В 1501 году в Кракове умер брат Александра Ян Ольбрахт. И Радзивиллы сразу же подключились к элекционной (выборной) компании. Януш и Миколай возглавили официальное посольство Александра в Польшу и вели там переговоры с магнатами о возможности избрания их господина также и польским королем. У Александра был сильный конкурент в лице старшего брата, короля Венгрии и Чехии Владислава. Дипломатические таланты Радзивиллов оченьгодились. Поляки согласились короновать Александра при условии еще более тесного сближения Королевства Польского и Великого княжества Литовского. В частности, они настаивали, чтобы у этих двух государств был отныне и всегда единый правитель, и чтобы законы и договоры, принятые одной страной, были обязательными для другой. На сейме в польском городе Петрикове посольству Великого княжества Литовского пришлось согласиться с требованиями польских магнатов. Почти все литвины, входящие в посольство, называли себя не только верными подданными, но и друзьями Александра. Они любили его и верили в его способности правителя. Поэтому пошли на все, чтобы второй короной расширить его власть и влияние в Европе.

По окончании сейма послы Александра вместе с польской делегацией выехали в город Мелник, где с нетерпением ожидал результатов переговоров Великий князь.

Поляки объявили ему о его избрании королем. И после непродолжительной радостной паузы вдруг ... подсунили ему на подпись некий новый, ранее не оговаривавшийся документ. Януш Бородач заволновался, и оказалось, не напрасно. Хитрые магнаты Королевства Польского все-таки опасались дать неограниченную власть над собою человеку, все близкое окружение которого было литвинским. Будучи тесно связанными между собой исторически, политически и экономически, Королевство Польское и Великое княжество Литовское все-таки оставались во многих сферах жизни конкурентами. Магнаты и шляхта этих государств иногда "дрались в кровь" за главенство в политике. Итак, поляки боялись усиления авторитета своих соседей, литвинов. В документе, который они подсунили Александру, оговаривались новые условия его правления, по которым государственная власть в Польше переходила к сенаторскому совету, где король был только председателем. Даже

отвечать за свои поступки сенаторы могли только перед сенаторским судом, то есть, королю они почти что и не подчинялись.

Януш Бородач стал уговаривать Александра не подписывать документа, который, собственно, перечеркивал все их надежды на усиление его власти. Тем более, что поляки отказались короновать Елену Ивановну, требуя, чтобы она предварительно стала католичкой. Уж лучше для Александра, считал Януш, быть только Великим князем Литовским и полностью править страной, чем титуловаться: король Польский, Великий князь Литовский, и во всем зависеть от самых влиятельных своих подданных.

Но польские послы, очевидно, были неплохими психологами. Они правильно просчитали, что Великий князь, явственно увидев почти что рядом с собой блеск королевской короны, не будет слишком сопротивляться их воле. И Александр, действительно, подписал грамоту. Самое странное, что в эйфории от предстоящей коронации пребывал не только Великий князь, но и многие из его окружения: Михал Глинский, Альбрехт Гаштольд, Миколай и Ежи Радзивиллы. Только Януш Бородач, кажется, по-настоящему обеспокоился. Впрочем, он все-таки сопровождал Александра в Краков и участвовал в его коронации. Он намеревался находиться рядом со своим властительным другом и постараться оберечь его от каверз хитрых польских панов, которых — он был уверен — будет немало. Но в следующем, 1502 году, личное горе отдалило его на время от государственных дел. Двадцатидевятилетний Януш овдовел. Еще более усугубила его переживания необходимость судиться с давним другом и родственником Альбрехтом Гаштольдом за наследство Альжбеты. Они поздней помирились, но неприятный осадок в душе все-таки остался.

Когда через год после этого Януш вернулся ко двору Александра, там уже все было иначе. Михал Глинский, один из их тесной дружеской компании, решил оттеснить всех остальных на второй план и стать даже не главным, но единственным поверенным в делах короля и Великого князя, единственным его советчиком. Обладая очень властной натурой, он преуспел в своих стремлениях, перессорив одних друзей с Александром и охладив отношения с ним других.

Александр был нездоров. Не будучи никогда особо крепким физически, теперь он словно был раздавлен тяжестью двух корон. Поляки жестоко интриговали против него, литвины теряли доверие. Неугомонный тесть опять объявил войну, и почти одновременно с ним на территорию Великого княжества Литовского вторглась орда крымских татар. Ради собственных амбиций оттолкнув от Александра

всех, кто любил его, Михал Глинский неуклонно приближал своего сюзерена к гибели. И Януш Радзивилл поспешил прямо сказать ему об этом. Искренний разговор ни к чему не привел, если не считать того, что Глинский записал в свой обширный список личных врагов еще и Януша. Больной, измученный духовно, Александр тоже не прислушался к голосу старого друга. И Януш удалился в свои имения, покинув на время большую политику. Он женился вторично, на Богдане Лукомской. В отличие от первого, этот брак был династическим. Жена подарила Янушу двух дочерей. Он назвал их в честь своих сестер, Анной и Софьей. В 1505 году получил от короля староство Слонимское и с увлечением занялся его управлением, начав с построения замка в самом Слониме. В эти несколько лет много радости приносило ему также общение с сестрой Анной, которая, похоронив Конрада III, стала регентшей Мазовии при несовершеннолетних сыновьях. Умная и рассудительная, эта женщина сочла необходимым привлечь к решению дел, которыми ей приходилось заниматься как мазовецкой княгине, своих опытных в вопросах государственной важности братьев. Януш часто выручал сестру, давая ей полезные советы. И скоро коронованные соседи Анны стали весьма уважительно отзываться о ее мягком, но уверенном стиле правления, мудрой экономической политике и удачной дипломатии.

Летом 1906 г. тридцатитысячное войско крымских татар в очередной раз нарушило границы Великого княжества Литовского. Его привели сыновья хана, Битли-Гирей и Махмат-Гирей. Двадцать тысяч обложили Слуцк, остальные двинулись в глубь страны. Повинуясь кинутому Александром кличу, магнаты и шляхта собрали десяти тысячное войско, возглавил которое Глинский.

Считая, что во время всеобщей опасности недостойно и даже преступно заниматься выяснением личных отношений, Бородач вместе с братом Ежи поспешил встать под его знамена.

Войско Великого княжества Литовского встретилось с татарским у Клецка, на реке Лань. Они оказались на разных берегах. Воины начали перестреливаться через реку. Под градом стрел было бы очень сложно наладить переправу, если бы Януш Радзивилл вместе со шляхтичем Рачкой не отогнал татар от берега с помощью двух привезенных им аркебуз².

Принимал участие и в яростной сече, разгоревшейся после того, как воины Великого княжества смогли переправиться на другой берег. В битве под Клецком татарское воинство было наголову

² Аркебуза — ручное огнестрельное оружие, слегка модифицированная ручная бомбарда.

разбито. Эта великая победа принесла славу всем участникам битвы. Но более других — Глинскому, который, — этого не могли отрицать даже самые ярые его противники, — показал себя исключительно талантливым полководцем и отважным воином. Но судьба его уже была предрешена на небесах, слишком многих заставил он ненавидеть себя...

В конце августа 1506 года Януш был неожиданно вызван в Вильно. Король и Великий князь умирал и хотел перед своим уходом из жизни проститься со всеми друзьями. Януш успел к ложу умирающего и принял его последний вздох. Бородач был одним из тех магнатов, что подписывали как свидетели завещание короля и Великого князя.

Вместе с Александром ушла в небытие эпоха раннего белорусского Возрождения, эпоха молодости самых прославленных героев белорусского средневековья, эпоха благородных стремлений, больших надежд и тяжелых разочарований.

Новый правитель Королевства Польского и Великого княжества Литовского младший брат Александра Сигизмунд I Старый (он получил такое прозвище, потому что надел корону и великокняжеский венец, будучи уже довольно немолодым человеком) решил использовать дипломатические способности Януша Бородача, отправив его в начале 1507 года с посольством в Москву. Там Радзивилл сообщил о выборах нового короля и Великого князя Литовского и предложил Василию III, который сменил на престоле своего отца Ивана III, заключить с Сигизмундом I мирный договор. Миссия Янушу не удалась. Василий III был настроен воинственно и мечтал не просто присоединить к своему государству соседние территории, но и провозгласить себя Великим князем Литовским вдобавок к титулу Государь всея Руси.

Вскоре, кстати, правителю Московии представился для этого и прекрасный случай. Князь Глинский, пользовавшийся в последние годы жизни Александра множеством привилегий, впал у Сигизмунда в немилость. Многочисленные враги оклеветали его, а бывшие друзья, оскорбленные его высокомерием, помочь оправдаться отказались. В отчаянии Глинский поднял мятеж. Он начался с жестокой расправы с главным клеветником Яном Заберезинским. С отрядом верных воинов Глинский 2 февраля 1508 года ворвался в поместье врага и убил его. Голову убитого насадили на копьё и в таком виде долго возили по окрестностям. Пронесли голову несчастного Заберезинского также и по улицам Гродно, когда мятежники туда вступили. После Гродно Глинский предпринял попытку захватить столицу Великого княжества Литовского Вильно. Но его штурм был отбит.

Возмущенные Радзивиллы поклялись, что помогут королю и Великому князю справиться с мятежом, приобретающим все большую опасность. И занялись сбором войска. Сигизмунд же, пытаясь выиграть время, объявил о своей согласии пойти с Глинским на переговоры. Король велел спросить, с кем бы из магнатов князь-мятежник согласился обсуждать условия мира. И фаворит Александра назвал имя Альбрехта Гаштольда, который вел себя последнее время наиболее нейтрально. Но Сигизмунд тут же сделал вывод, что граф Гаштольд является тайным сторонником Глинского. Его арестовали. Узнав об этом, Михал Глинский понял, что переговоров не будет.

К армии же короля и Великого князя с каждым днем присоединялись все новые вооруженные отряды. Понимая, что шансов на победу в одиночку нет, князь-мятежник Глинский переходит на службу к Великому князю Московскому, объявив, что будет бороться за права православных и против католиков.

Василий III послал на помощь Глинскому своих воевод с войском. Мятеж литвинского магната перерос в войну между двумя державами. Но, к счастью для Сигизмунда I, воеводы московского государя действовали на удивление нерешительно. В результате, Государь Московии не получил не только литовского великокняжеского венца, но и даже новых земель. Глинский же вынужден был навсегда покинуть родину, бежав в Москву.

После подписания мирного договора с Василием III Януш Бородач был вторично отправлен послом в Москву. Там он добился освобождения последних пленных, которых удерживал у себя Великий князь Московский. А также, верный клятве, данной Сигизмунду I Старому, потребовал выдачи Михала Глинского, которого как изменника ожидал суровый королевский суд. Василий III отказался. Глинский обрел надежного защитника в лице Великого князя Московского. Теперь его жизни, во всяком случае в ближайшее время, опасность не угрожала.

Но этого нельзя было сказать об Альбрехте Гаштольде, невольной жертве амбиций Глинского. Находящемуся под арестом графу предъявили обвинения в измене и подстрекательстве к мятежу. В отчаянии он обратился к Янушу Радзивиллу, как раз получившему повышение по службе — виленское воеводство, как другу и родственнику с мольбой о помощи. Тем более, что среди главных обвинителей несчастного оказались отец Бородача и старший брат, Миколай.

Януш хорошо знал, отчего его близкие так настроены против Гаштольда. Земли Альбрехта соседствовали с землями Миколая Радзивила. Соседями оба магната были неуживчивыми. И постоянно

доставляли друг другу множество мелких неприятностей. Сейчас, воспользовавшись сложной ситуацией, в которой оказался Гаштольд, Миколай взял в союзники престарелого отца и решил поквитаться с соседом, вспомнив все их мелкие бытовые дразги. Янушу это было противно. Он прекрасно знал, что Альбрехт непричастен к мятежу, потому что как раз в то время, когда Глинский готовил его, и потом, когда пролилась первая кровь, Гаштольд, ничего не подозревающий и веселый, гостил у Януша в Слониме. Никаких писем к нему туда не приходило, и тайных гонцов от мятежников не было. Бородач мог бы поклясться в этом перед любым судом. Но, к сожалению, в деле, связанном с изменой, слова чести пусть даже такого авторитетного человека, как Януш Радзивилл, было мало. Требовались веские доказательства. Чтобы раздобыть их, Януш дважды вынужден был ездить в Краков. Только в 1511 году ему удалось с помощью канцлера коронного³ Криштофа Шидловецкого найти документ мятежников, который доказывал невиновность Альбрехта. Это был обширный список участников и сочувствующих. Гаштольд получил свободу и был полностью реабилитирован. Но Бородачу довелось в полной мере испытать на себе раздражение старшего брата (отец уже умер в 1510 году). Хотя Сигизмунд I, освободивший Гаштольда, и велел Миколаю Радзивиллу прилюдно подать ему руку, Альбрехт так и не снискал благосклонности своего недавнего обвинителя. И еще на протяжении десяти лет Бородач с досадой наблюдал, как чинят неприятности мелкие и крупные, поджигают замки, убивают слуг, грабят крестьян, пытаются отсудить друг у друга владения его брат и его шурин. Он старался не вмешиваться в их распри и не вникать во все перипетии этой отвратительной соседской войны. Но ему было очень неприятно.

В начале 1512 года крымский хан Менгли-Гирей, отец разбитых под Клецком Битис-Гирея и Махмат-Гирея, желая отомстить за поражение, привел на Подолье и Вольнь сорокотысячную армию. Король призвал своих подданных к оружию. А Константин Острожский, не дожидаясь подхода главного войска княжества, ибо время играло большую роль в ходе событий, выступил навстречу врагу со своими хоругвями⁴. Сразу же присоединиться к нему смогли немногие, в основном магнаты, имевшие имена на Вольни: Михал Вишневецкий, Анджей Зборажский, Александр Чарторыйский. Но

³ Канцлер — высшее гражданское должностное лицо. В Польше (Короне) был канцлер коронный, в Великом княжестве Литовском — канцлер великий литовский.

⁴ Хоругвь — (от монгольского оранга) знак, знамя:

1. Древнее название флага войска или отдельного подразделения.

2. Войсковая единица в армиях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой

Януш Бородач и его брат Ежи быстро собрали своих людей, первый — в Слониме, второй — в Гродно. И успели влиться в войско Острожского.

Впрочем, под командованием последнего оказалось только три тысячи. Но это были опытные и отчаянно смелые люди. Острожский повел войско в сторону Вишневец, где находились главные силы неприятеля — почти 30 тысяч воинов. По дороге им пришлось вступить в бой с большим отрядом крымчаков, который они благополучно разбили.

Ночью 28 апреля хоругви волынские и литвинские подошли к Вишнеvcу, где, к радости всех, догнало их тридцатитысячное войско из Польши. Наутро Острожский, построив воинов так, чтобы в центре выступала Волынская шляхта и хоругви Радзивиллов, а с левого фланга — поляки, повел людей в бой.

Это кажется невероятным, но отважные шесть тысяч Острожского разбили тридцатитысячную армию татар. Крымчаки просто не выдержали напора воодушевленных святой целью воинов-христиан. Сам хан в ужасе бежал с поля боя. С новой победой вернулся Януш Радзивилл домой.

В этом же 1512 году Бородач овдовел вторично и вскоре ввел в свой дом новую хозяйку, Ганну Кишку. Начало их семейной жизни немного омрачило известие о смерти в январе 1513 года вдовы Александра Елены Ивановны. Она умерла в Браславе во время банкета, устроенного в честь ее приезда. Януш никогда не питал к этой женщине теплых чувств, потому что она не смогла сделать счастливым его сюзерена и друга. Но он очень осуждал и тех, кто после смерти Александра подверг Елену Ивановну гонениям и притеснениям. Ей даже не дали возможности покинуть ставшую негостеприимной страну и вернуться на родину. И это было сделано по инициативе того же Миколая Радзивилла. Он задержал бывшую свою государыню на границе и потребовал прежде отдать все богатства, подаренные ей Александром и нажитые за время, пока она была правительницей Великого княжества Литовского. Елена хорошо представляла себе, что вернувшись в Московию без средств к существованию могла рассчитывать только на то, что брат Василий III под видом заботы о сестре поместит ее в какой-нибудь приличный монастырь. А ведь она еще была молода и не хотела хоронить себя заживо. Елена Ивановна не согласилась расстаться с богатствами и вернулась в свой замок. И вот через год после этого умерла. Смерть была странной. Поползли слухи, что Елену отравили по приказу Миколая Радзивилла. И слухи эти били рикошетом по чести Януша

Бородача, который коварство, измену и предательство считал самыми ужасными преступлениями.

Впрочем, Миколай отрицал перед братом свою причастность к смерти вдовы Александра. Иначе разрыв их отношений был бы самым меньшим, на что решился бы Януш. Тем более, что смерть Елены Ивановны подтолкнула Василия III к новой войне с Великим княжеством Литовским.

Янушу довелось вновь облачиться в доспехи, чтобы вести свои хоругви теперь уже биться с московитами.

8 сентября 1514 года Бородач принял участие в главной битве этой войны — под Оршей, которую литвины блестяще выиграли. Имея в распоряжении тридцатитысячное войско, Острожский смог разбить восьмидесятитысячную армию противника, захватив в плен 46 воевод, князей и бояр, полторы тысячи боярских детей и еще 8 тысяч воинов происхождением пониже.

В 1515 году два события, радостное и тревожное, вновь сблизили Януша с братом Миколаем. Сначала у Бородача появился долгожданный сын. И счастливый отец пригласил старшего брата вместе с двумя младшими на крестины в имение тещи Несвиж, где Ганна благополучно разрешилась от бремени. Младенцу дали имя, которое по традиции доставало всем старшим сыновьям Радзивиллов, Миколай. Но не успели отгреметь здравицы по поводу появления на свет наследника Януша, как пришло письмо от сестры Радзивиллов из Мазовии. Анна попала в сложную ситуацию и просила у братьев совета и помощи. Виною всему был ее любовник, некий Анджей Желинский из средней шляхты. Мазовецкая княгиня-регентша так влюбилась в него, что позволила ему занять главное место не только в своем сердце, но и в государстве. Другой человек, возможно, повел бы себя в такой ситуации мудро и осмотрительно, чтоб не навредить своей возлюбленной. Но Анджей Желинский не обладал особенным умом, имея при этом безмерные амбиции.

Он мечтал о славе и богатстве и, вероятно, надеялся, что сможет со временем жениться на Анне и занять мазовецкий престол. Он окружил себя верными рыцарями и сделал все возможное, чтобы его приверженцы получили важные служебные должности в княжестве. Все эти выдвиненцы Желинского использовали свои должности для личного обогащения — брали взятки, открыто грабили, бесчинствовали, угрожая расправой недовольным. Люди боялись жаловаться своей княгине на ее любовника. Но терпение их, в конце концов, кончилось.

В 1515 году старший сын Анны Радзивилл стал совершеннолетним. И мазуры потребовали у княгини-регентши передать ему власть. Вооруженная шляхта собралась под замком в Макове, где в это время жила Анна с детьми, и направила к ней своих делегатов. Сестра Радзивиллов отказалась уступать престол сыну, сославшись на его молодость и отсутствие опыта. И тогда шляхта взорвалась шквалом обвинений. Мазуры высказали все, что думали о фаворите своей княгини, обличили его во множестве злодеяний, прямо в лицо бросая упреки Анне, и, наконец, высказали суждение, что она не хочет передавать власть сыну, потому что собирается сделать своим мужем и мазовецким князем Желинского. Анна сочла себя оскорбленной. Она заперлась с детьми и фаворитом в маковском замке и теперь оттуда взывала о помощи.

Братья отреагировали быстро. Они помогли Анне составить письмо к Сигизмунду I Старому с просьбой оградить ее от злобы взбунтовавшихся подданных.

Следует сказать о том, что мазовецкие князья считались в то время вассалами польских королей. Но тем не менее Мазовия была самостоятельным государством и жила по своим законам. Только в самых критических ситуациях мазовецкие властители вспоминали о том, что имеют сюзеренов. Анна Радзивилл оказалась в этом достойной преемницей своих предшественников на престоле.

Получив письмо княгини почти одновременно с петицией мазовецкой шляхты, которая просила короля разобраться во всем объективно, Сигизмунд I оказался в трудном положении. Он симпатизировал Анне как разумной и обаятельной женщине. Но правда была явно не на ее стороне. Решить же спор в пользу бунтовщиков он, как и всякий монарх, опасался. Король объявил, что дело потребует детального разбирательства. Разбирательство это тянулось почти два года. За это время Анна, не без помощи братьев, и в частности Януша, постоянно напоминавшего своим примером, какими чертами должен обладать настоящий рыцарь, поняла, чего стоит на самом деле ее любовник, и простилась с ним. Тем не менее, подданные все равно продолжали требовать ее отхода от власти. Возможно, надо было уступить им. Но княгине не хотелось признавать себя побежденной.

И тогда взгляд ее остановился на Сигизмунде I Старом, который недавно похоронил свою жену, венгерскую принцессу Барбару Заполню. Видя, что король симпатизирует ей, Анна решила, что может зажечь в его сердце пламя любви.

И не только же себя могла она предложить Сигизмунду, но и свое княжество, которое могло бы, наконец, войти в состав Королевства Польского.

Честолюбивые планы Анны поддержал ее брат Миколай и стал активно способствовать их претворению в жизнь. Вместе с популярным в Польше священником Яном Ласским он предложил ее кандидатуру на сейме, где решался вопрос о повторной женитьбе Сигизмунда. Януш, который очень любил сестру, плана этого не одобрил и не поддержал. Он считал, что Анна унижает себя, бросаясь в объятия мужчины только ради собственного возвышения. Да и королю не принесет чести брак с женщиной, еще совсем недавно ставившей на карту свой княжеский венец ради бесстыдного любовника. Уж более уместным было бы предложить Сигизмунду I в жены честную и скромную девушку, дочь Анны Софью. Януш даже предлагал свои услуги в деле устройства судьбы племянницы.

Впрочем, король оказался совсем не простачком. Поняв, какие чувства двигают поступками Анны, он решительно отклонил ее кандидатуру и вскоре женился на итальянской герцогине Боне Сфорца.

Как одна из самых влиятельных дам, подданных Сигизмунда, Анна Радзивилл принимала участие в церемонии встречи невесты короля в Кракове весной 1518 года, поздравляла ее. И глотала слезы зависти и обиды. Она хотя и не любила Сигизмунда, но ей было нестерпимо больно, что он отдал предпочтение другой женщине.

Сразу после своей женитьбы Сигизмунд I Старый разрешил мазовецкий конфликт, отдав власть в княжестве сыновьям Анны Станиславу и Яну. Их провозгласили князьями-соправителями. Провожая плачущую сестру в Мазовию, Бородач утешал ее, напоминая, что мать может остаться при правящих сыновьях у власти, если будет для них действительно мудрой советчицей. А в уме Анны Януш не сомневался. Но просил быть поосмотрительней... Смутные предчувствия тревожили Бородачу. Он почти физически ощущал приближение какой-то серьезной опасности для их семьи.

И, действительно, чья-то злая рука уже крепко держала нити жизней и Анны, и Миколая, и их брата — священника Альберта, и самого Януша, раздумывая над тем, которую оборвать раньше.

В 1519 году скоропостижно скончался Альберт. К этому времени он был уже епископом, очень уважаемым в народе человеком, которого за его доброту и отзывчивость называли "отцом бедных". Медики, которые осматривали тело покойного, поставили диагноз — "смерть от излишнего переутомления".

В марте 1522 года в своем замке в Макове отошла в небытие Анна. Она совсем не жаловалась на здоровье и перед смертью была бодрой и веселой.

Следующим был Миколай. И хотя на его похоронах уже шептались об отравлении, но признаков яда в его организме врачи не обнаружили.

А в мае 1522 года неожиданно почувствовал себя плохо и Януш. Он понял, что пришел его черед, и решил достойно подготовиться к смерти. Никого конкретно обвинить в ней он не мог.

Убийца, явно вознамерившийся подрубить под корень родовое древо Радзивиллов, действовал неожиданно ловко. Действие ядов было таким незаметным, что смерть его жертв казалась естественной. Требовать тщательного расследования в связи с ухудшением своего физического состояния Януш не мог. Врачи, не подтвердившие, что смерть Альберта, Анны и Миколая была насильственной, не обнаружили бы признаков яда и в его организме. Противоядия он не знал. Бородач составил завещание, поручив быть душеприказчиком своим самому королю. Согласно завещанию все, что имел Януш Радзивилл, доставалось его жене и детям: дочерям от Богданы Лукомской, Анне и Софье, и сыновьям от Ганны Кишки, Миколаю и Янушу. Бородач просил короля проследить, чтобы никто не обидел его семью и не отобрал наследство.

Через полмесяца он умер, так и не узнав, кто его убийца. Раздумывая сегодня над тем, кому нужна была смерть Януша, его братьев и сестры, приходит в голову только одно имя: Бона Сфорца. Эта красивая, властная и коварная женщина яркой разрушительной кометой ворвалась в историю Королевства Польского и Великого княжества Литовского. С первого же дня своего нахождения тут она стала всеми дозволенными и недозволенными способами добиваться абсолютной власти. Не было, наверное, в нашей истории более противоречивой личности. Она одарила своего мужа и короля пылкой страстью. Но скоро подчинила его своей воле так, что подданные стали открыто возмущаться его "подкаблучным" положением. Она возводила храмы и замки, строила школы и больницы, способствовала освоению пустошей и развитию садоводства. Но при этом противозаконными конфискациями и несправедливыми судебными процессами с подданными расширяла свои собственные владения.

Королева Бона поощряла искусства и науки, внося этим в придворную жизнь государств, монархии которых стала, ренессансные обычаи и мировоззрение. Но она же ввела в своих державах и чудовищную моду на тайные отравления. Самых

активных своих противников, самых злейших врагов эта женщина устраняла со своего пути при помощи отравы. В среде средневековой итальянской знати приготовление ядов и противоядий было своего рода модой, зловещим увлечением. И герцогиня-итальянка Бона Сфорца владела этим мастерством в совершенстве. Неизвестно, скольких людей отправила она на тот свет до того, как стала королевой Польской и Великой княгиней Литовской.

Радзивиллы — первые известные нам ее жертвы. Точно причину ненависти королевы к этому роду установить трудно. Но можно предполагать, что в первый же день своего замужества познакомившись с Анной, оценив по заслугам ее красоту и ум и узнав, что именно эта женщина была ее соперницей в борьбе за сердце Сигизмунда I и корону, Бона серьезно испугалась. Ведь в случае, если отношения итальянской герцогини с польским королем не сложатся, эта женщина может очень легко и очень кстати вновь "оказаться под рукой" у Сигизмунда. Тем более, что за спиной у Анны стояла такая сила! Четыре могущественных и влиятельных брата, постоянные советники короля. Возможно, чтобы обезопасить себя, Бона Сфорца и решилась на преступление. Только младший в роду, Ежи Радзивилл, по неизвестным нам причинам избежал безвременной гибели, но, возможно, королева покушалась и на его жизнь. Ибо в 1519 году внезапно и без всякой на то причины, не болея, скончалась его жена Барбара.

Бородач умер в расцвете сил. Ему не было еще пятидесяти. Последнее дело, предпринятое им, суждено было доводить до конца его вдове Ганне. А дело это касалось Несвижа.

Теща Януша Софья Монтигирд, последняя в своем роду, умирая в 1518 году, завещала все свои имения сыну, Петру Кишке, обделив вниманием дочерей, Ганну и Барбару. Но в Великом княжестве Литовском существовал старинный обычай. Если последним представителем угасающего дворянского рода была женщина, то по ее смерти все ее дети (как сыновья, так и дочери) имели равные права на часть "материнского" наследства. Жена Бородача давно мечтала получить во владение Несвиж, город, где родился ее первенец. И Януш от ее имени начал судебный процесс против Петра Кишки. К иску Януша и Ганны присоединились также Ежи и Барбара. Судебное разбирательство длилось долго. Через год после его начала умерла Барбара. Еще через три — сошел в могилу Януш. Ганна и Ежи довели процесс до конца, и справедливость восторжествовала. Благодаря этому, старший сын Януша Бородача и Ганны, Миколай, стал первым в роду Радзивиллов владельцем Несвижа.

АТЛАНТ КАЛЬВИНИЗМА

Как-то вечером по гулким коридорам биржанского замка Ежи Радзивилла, за свои славные подвиги на поле брани прозванного Геркулесом, прокатились чьи-то вопли, шум борьбы, грохот опрокидываемой мебели. Владелец замка, его жена и незадолго до этого приехавшая гостя, вдова старшего брата Ежи Януша Бородача Ганна, вместе с целой толпой слуг вбежали в комнату, откуда доносились эти странные звуки. И увидели двух подростков, которые, сцепившись, катались по полу и яростно молотили друг друга кулаками. В забияках узнали рыжеволосого сына Геркулеса Миколая и его тезку, симпатичного юного брюнета, сына Ганны. Дружными усилиями дерущихся удалось растащить. Взъерошенные, красные, пыхтящие, мальчишки норовили вырваться из рук взрослых, чтобы снова кинуться друг на друга. Ежи рассмеялся: "Вот сцепились два петуха, рыжий да черный". Потом с деланной суровостью обратился к сыну: "Тебе не стыдно бить младшего?". На этот вопрос ему неожиданно ответил племянник: "Он меня не бил, а показывал приемы борьбы". Ганна с улыбкой польстила хозяину: "У вашей милости такой сильный сын. Не иначе он, когда вырастет, станет гетманом". Геркулес не остался в долгу: "Ежели мой сын Миколай станет гетманом, то ваш Миколай будет канцлером. Он уже сейчас умеет ловко выдавать свою слабость за силу". В этот момент учитель рыжеволосого хозяйского сына, который прибежал вместе со всеми, с иронией заметил, обращаясь к хозяевам: "Хорошо, что ваши милости хоть не в короли своих деток метят". И все засмеялись.

Бывает так, что случайные шуточные предсказания вдруг обретают силу пророчества и сбываются. Трудно объяснить это, не веря в сверхъестественное. И тем не менее...

Кто бы мог предположить, что пройдут годы, и рыжий сын Ежи Радзивилла действительно займет высшую военную должность в Великом княжестве Литовском, станет гетманом "большой булавы"⁵. А его двоюродный брат получит главный государственный пост канцлера. Мало того, найдется в их семье и будущий монарх. А точнее, монархиня. Младшая сестра рыжего Миколая, кузина Миколая черноволосого Барбара станет Великой княгиней Литовской

⁵ Гетман — командующий войсками. В Великом княжестве Литовском, так же как и в Королевстве Польском было по два гетмана. Главнокомандующими в обоих государствах были гетманы "большой булавы" или иначе гетман великий литовский в княжестве и гетман великий коронный в Польше. Вторыми по старшинству в армиях этих стран были гетманы "полевой булавы" или польные (от слова поле, пограничье). Первоначально обязанностью польных гетманов была охрана границ.

и королевой Польской. Впрочем, мы еще ничего не сказали о том, как юный кузен рыжего Миколая появился в замке Ежи Радзивилла.

В 1322 году черноволосый Миколай утратил отца. На плечи матери легло сразу же множество забот, от которых она была защищена любящим мужем. Больше всего сил, времени и денег отнимал судебный процесс, который они с покойным Янушем начали против ее брата, Петра Кишки, из-за наследства. Единственным, кто мог ей теперь помочь в этом деле, подсказать, поддержать, был младший брат мужа Ежи, последний оставшийся в живых из четырех братьев Радзивиллов. Его помощь была возможна еще и потому, что он сам вел судебный процесс против Петра Кишки как муж второй сестры последнего, ныне покойной Барбары.

Ганна и Ежи в это время были очень близки духовно. Они часто встречались то в ее, то в его имениях. Обсуждали семейные дела, разрабатывали планы совместных действий на суде. Их дружеские отношения сохранились и после того, как они выиграли судебный процесс, и даже когда Ежи женился второй раз. Но их подраставшие дети почти не встречались и не имели еще возможности подружиться.

Однажды летом, года через два-три после смерти мужа, Ганна привезла с собой в замок Ежи старшего сына. Увидев своего кузена, чистенького, аккуратного, наследник Ежи, подвижный сильный мальчишка, на руках и коленках которого не заживали ссадины и синяки, сразу пожелал довести до сведения гостя, кто из них главный.

— Ты будешь слушаться меня во всем, потому что я старше тебя, — безапелляционно заявил рыжий Миколай кузену, улучив момент, когда взрослых рядом не было.

Но гость не растерялся.

— Нет, — сказал он, — мой отец был старше твоего, так что подчиняться будешь ты мне.

Вполне естественно, что дальнейшее выяснение отношений продолжалось посредством кулаков и, возможно, окончилось бы не только синяками, но и кровью, не вмешайся в дело родители.

Интересно, что яркое сравнение юных драчунов с разномастными бойцовскими петухами, пришедшее на ум Ежи Радзивиллу, не пропало даром и не забылось. Именно с этого момента к их одинаково звучащим именам добавились остроумные прозвища — Черный и Рыжий.

Позднее двоюродные братья помирились и прекрасно ладили. Плечом к плечу выступали они и в политической борьбе, и в личной жизни. Однако часто вспоминали драку, которой озаменовали свое знакомство. Не от этого ли кое у кого из современников сложилось

мнение о том, что Миколай Черный и Миколай Рыжий терпеть не могли друг друга? Это утверждение и сейчас еще кочует по работам многих исследователей.

В 1528 году мать Миколая Черного вновь вышла замуж за Станислава Яновича. Детей от первого брака она должна была передать под опеку ближайшему родственнику мужа. Ежи согласился стать опекуном Миколая и его младшего брата Януша. Но король Польский, Великий князь Литовский в память о заслугах своего верного подданного Януша Бородача решил взять его детей под свою опеку. Так четырнадцатилетний Миколай оказался при королевском дворе в Кракове.

Заметим, что хотя образование молодого Радзивилла ограничилось только тем объемом знаний, который он получил дома, оно было весьма основательным. Кроме польского языка Миколай владел литвинским. Знал латынь — язык науки и религии всей Западной Европы тех времен. Правда, по его собственному заверению, в недостаточной степени. Однако эта "недостаточная степень" была такой, что позволяла ему позднее читать трактаты на латыни и вести приватные беседы со многими государственными деятелями во время своих политических вояжей. На формирование взглядов, привычек, мировоззрения Миколая Черного оказала большое влияние атмосфера, которая царилла в то время при польском королевском дворе и вообще в Европе — атмосфера Ренессанса.

В Кракове он познакомился с сыном и наследником короля Сигизмундом Августом. И вскоре подружился с ним, несмотря то, что был старше королевича на пять лет. Этой дружбе способствовала, скорее всего, полная несхожесть, даже противоположность их характеров. Радзивилл отличался настойчивостью, решительностью. Уже тогда проявилась его прямо-таки магическая способность влиять на людей. А Сигизмунда Августа его мать, королева Бона, воспитывала в послушании и беспрекословном подчинении ее воле. Юный королевич увидел в Миколае Радзивилле пример для подражания и потянулся к нему всей душой. Они пронесли свою дружбу через всю жизнь. Даже по прошествии многих лет, уже зрелый, солидный мужчина, Сигизмунд Август в самых сложных ситуациях государственной политики и личной жизни обращался за советом к Черному как к старшему товарищу.

А в тот год, когда Миколай Радзивилл оказался в Кракове, его нового друга торжественно короновали в Вильно. Вручили меч и шапку Великого князя Литовского. Девятилетний Сигизмунд Август номинально стал соправителем своего отца в этом государстве.

Осуществила эту акцию королева Бона. У нее были далеко идущие цели. Так как ее муж Сигизмунд I Старый являлся элекционным (выборным) королем, не было никакой уверенности, что их сын после смерти отца станет преемником. Подданные имели право выбрать королем другого. Но Сигизмунда I Старого они уважали. И значит, стоило попробовать, пользуясь авторитетом отца, добиться еще при его жизни элекции сына и сделать Сигизмунда Августа соправителем. Причем, было безразлично, какое государство, Королевство Польское или Великое княжество Литовское признает его своим монархом. Ибо существовал некий документ, который по настоянию польских магнатов подписал при своей коронации еще Александр. Он гласил, что королем Польским и Великим князем Литовским может быть только один и тот же человек.

Оценив ситуацию, Бона Сфорца решила, что легче будет добиться желаемого в Великом княжестве Литовском. Выбирая надежных союзников, королева даже забыла временно о своем страстном желании искоренить род Радзивиллов. Она пообещала Ежи Радзивиллу пост каштеляна⁶ города Тракай в награду за помощь. Не догадываясь, что именно польская королева является виновницей смерти его старших братьев, сестры и, возможно, даже жены, Ежи согласился стать ее союзником. И во многом благодаря его стараниям малолетний королевич стал Великим князем Литовским.

После этого поляки просто вынуждены были избрать его и королем Польским. 26 февраля 1530 года Сигизмунд Август был коронован в королевском замке на Вавеле (в пригороде Кракова). Но и после этого юный король и Великий князь продолжал находиться под маменькиной опекой. Единственным временем, когда он, пожалуй, мог чувствовать себя свободным от ее "недремлющего ока", были часы, которые он проводил с Миколаем Черным. Впрочем, в последний год своей жизни при краковском дворе, 1532, Радзивилл часто уезжал в Великое княжество Литовское. Там подолгу жил у дяди. Окончательно же перебрался в родные места после того, как стал совершеннолетним и избавился от опеки Сигизмунда I Старого. Сразу после этого он вступил во владение имениями, перешедшими ему в наследство от отца.

В 1533 году умерла его мать. Наследство Ганны было поделено между детьми от обоих ее браков. Миколай и его брат Януш получили город Несвиж с окрестностями, Олыку и Лахву.

⁶ Каштелян — военный комендант крепости, города. Каштелянство — исполнение обязанностей каштеляна.

В декабре этого же года Миколай пережил еще одно потрясение. Королева Бона отобрала у Ежи Радзивилла, который совсем недавно так помог ей, его гродненские владения. Пышный замок дяди, в котором Черный так любил бывать, она сразу же начала переделывать и перестраивать в стиле ренессанса.

Впрочем, обижены королевой в это время были многие представители правящих кругов Великого княжества Литовского. Бона использовала любой повод, чтобы прибрать в свои руки те владения и магнатов, и средней, и даже мелкой шляхты, на которые у них по какой-то причине не оказалось документов.

В 1535 году Черный получил первое боевое крещение. На границах с Великим княжеством Московским, несмотря на перемирие, давно было неспокойно. Обе стороны вели тяжбу за приграничные волости. Нередко происходили вооруженные стычки. Дело шло к очередной войне. Она началась в 1534 году. Войска вдовы Василия III Великой княгини Московской Елены Глинской (она приходилась племянницей Михаалу Глинскому) захватили и разорили Оршу, Копысь, Шклов, Рогачев. Сожгли Туров, Брагай. Их отогнали. В свою очередь войска Великого княжества Литовского в 1535 году направились в Северскую землю, включавшую в себя юг современной Беларуси и север Украины. Возглавил поход гетман великий литовский Ежи Радзивилл. Одним из полков в этом войске командовал Черный. Под его началом было 160 кавалеристов, которых он набрал в своих владениях. Полк принимал участие в осаде и взятии города Стародуба. Во время этого похода был также освобожден Гомель. Однако финансовые проблемы не дали возможности развить успех. Пришлось подписать очередной мирный договор, по которому Великому княжеству Литовскому возвращались Гомель и Стародуб. Но был утерян Себеж.

Миколай Радзивилл показал себя в боях не только отважным воином, но и умелым командиром, не уронившим чести и достоинства рода. По окончании боевых действий он вернулся домой и распустил полк. В скором времени решил навестить своего дядю Ежи. Там, в его замке Миколай встретил высокую, стройную девушку с длинными золотистыми волосами и удивительными глазами "цвета настоящего пива". И с трудом поверил, что эта красавица — тот самый нескладный длинноногий подросток, каким всего год назад знал он свою двоюродную сестру, младшую дочь Геркулеса Барбару. В душе молодого Радзивилла ярко вспыхнул огонь любви. Очень скоро Черный открыл девушке свое сердце. Однако о том, какие чувства овладели племянником, быстро узнал и Ежи. Геркулес решил сразу же остудить Миколая. Он предупредил, что о браке с его дочерью не

может быть и речи. Потому что почти сразу же после рождения Барбары ее будущее было решено. Существовала договоренность о том, что она выйдет замуж за старшего сына князя Константина Острожского Илью.

Черный в расстроенных чувствах вынужден был покинуть показавшееся вдруг негостеприимным имение дяди. Однако любовь, вспыхнувшая в сердце Миколая, не угасла. Через некоторое время перед ним забрезжила надежда, появился шанс, хотя и слабый, обрести свое счастье. Связан он был со скандалом, который разгорелся в семье Геркулеса.

Ежи имел двух дочерей. Старшую, Анну, он вскоре после ее рождения сговорил за Станислава Гаштольда. А Барбара, как мы уже знаем, была названа невестой Ильи Острожского. Сестры росли в одной семье, воспитывались одними и теми же людьми. Однако были совсем не похожи одна на другую. Отцу нравился покладистый характер Барбары, она была скромной и доброй и вместе с тем уверенной в себе девушкой. Одобрял Геркулес и ее увлечение искусством. А вот Анна его серьезно беспокоила. Она рано начала интересоваться особами противоположного пола. Завела себе кавалеров. И как результат, родила одного за другим двоих детей, отцов которых даже не смогла назвать. Радзивиллы отдали незаконнорожденных внуков на воспитание в один из монастырей. Они старательно скрывали от всех скандальные подробности жизни своей старшей дочери. Однако о ее похождениях знали многие. Почти перед самой свадьбой Анны со Станиславом Гаштольдом кто-то раскрыл глаза жениху на поведение нареченной, и граф решительно отказался от такой невесты.

Примерно в это же время к Геркулесу обратился и жених Барбары. Он попросил расторгнуть договор, который был заключен когда-то Ежи с его отцом, князем Константином Острожским. Нет, он ни в чем не обвинял невесту, которую никогда не видел. Просто Илья встретил и полюбил другую. Избранницей его сердца стала Беата Костелецкая, девушка, которая воспитывалась в Кракове при королевском дворе вместе с дочерьми Сигизмунда I Старого. Ходили слухи, что Беата являлась внебрачной дочерью короля. Тем более, что матерью девушки была его первая возлюбленная, Катажина Охстат.

Илья Острожский встретился с Костелецкой на одном из балов и сразу же влюбился. Девушка ответила взаимностью. Напрасно молодому князю твердили о том, что Барбара Радзивилл значительно красивее его избранницы. Он не мог в это поверить, ибо был ослеплен своим чувством. Возможно, его мог бы образумить отец, однако Константина Острожского к тому времени уже не было в живых. Другие

же советчики для опьяненного любовью юноши ничего не значили. Илья решил сделать все возможное для того, чтобы расторгнуть договор с Радзивиллами и жениться на Беате Костелецкой.

Ежи, конечно, прекрасно понимал, что у каждого из женихов его дочерей веские причины для расторжения договора. Возможно, обратиться к нему кто-нибудь один, он бы согласился. А вот дать согласие обоим сразу не мог — это было бы большим позором для его семьи. Если бы расторгли договор только Ильи и Барбары, все бы отнеслись к этому с пониманием, поскольку история любви Острожского и внебрачной дочери короля стала широко известна и в Польше, и в Великом княжестве Литовском. Поступок Ежи, который помог соединиться влюбленным, был бы расценен как благородный, достойный настоящего дворянина и рыцаря. Если бы пришлось расторгнуть договор Анны и Станислава Гаштольда — это было бы более неприятно, однако не смертельно. В конце концов, распутная дочь сама виновата в том, что приобрела дурную славу. Но если расторгнуть брачные договоры обеих дочерей сразу, то это может привести к тому, что и про ни в чем не виноватую Барбару пойдут такие же сплетни, как и о ее старшей сестре. Оберегая честь своей семьи, Ежи Радзивилл вынужден был отказать и Гаштольду, и Острожскому.

Гаштольд оказался более решительным, чем его товарищ по несчастью. В ответ на отказ Радзивилла он заявил, что все равно не женится на Анне. А лучше обвенчается с подружкой детства мазовчанкой панной Заберезинской. Геркулесу ничего не оставалось, как подать на Гаштольда в суд. Процесс получился скандальным. В качестве судьи на нем пришлось выступать самому Сигизмунду I Старому. Он внимательно выслушал и истца, и ответчика, проанализировал их взаимные претензии. Пробовал помирить стороны. В конце концов предложил Радзивиллу переписать брачные договоры, поменяв дочерям их женихов. Гаштольды ничем не могли возразить против такого решения, ведь претензий к поведению Барбары у них не было. Так младшая дочь Геркулеса стала невестой Гаштольда. А в брачный контракт Острожского неожиданно для него было вписано имя скандально прославившейся Анны.

Тут уже не выдержал князь Илья. Он посчитал себя не просто несчастным, если бы все же пришлось жениться на Барбаре, а смертельно оскорбленным. Он уже был готов смириться со своей судьбой и постараться забыть о любви к Беате, когда Геркулес отказался расторгнуть договор. Но когда ему вдруг подсунули чужую, да еще опозоренную невесту, взорвался и решил сражаться за свою честь.

Для начала он сорвал официальное обручение с Анной Радзивилл. Илья просто не явился на него. Потом прилюдно объявил, что не считает себя обязанным вступать в брак с дамой, от которой отказался граф Гаштольд.

Геркулес был вынужден вновь обратиться к королю и просить его суда. Теперь уже над вторым женихом распутной Анны. Судебный процесс тянулся больше года. Сигизмунд I долго не решался объявить подданным, что допустил ошибку, когда принимал решение на предыдущем суде в пользу Радзивилла. И вдруг тайной аудиенции у него попросила Катажина Охстат. Она умолила бывшего возлюбленного не губить счастье ее дочери, которая любит Илью Острожского, и которая сможет стать женой князя только в том случае, если король избавит юношу от Анны. Король расторг брачный договор.

В течение всего судебного разбирательства Черный внимательно следил за развитием событий. Он очень надеялся на то, что Барбара каким-то чудом окажется свободной. Решение первого суда воспринял как крах своих надежд. А известие о свадьбе Барбары и Станислава Гаштольда, которая состоялась в 1538 году, посчитал личной трагедией. Однако перенес ее мужественно.

В скором времени Миколаю довелось пережить еще несколько ударов судьбы. В 1540 году умер его родственник, владелец местечка Мир Федор Ильич по прозвищу Счастный, который был женат на старшей сестре Черного Софье. На следующий год последовала в лучший мир за своим мужем и Софья, оставив круглым сиротой малолетнего сына Илью. Миколаю пришлось взять на себя опеку над племянником и его владениями. Он поселил мальчика в своем доме в Несвиже. Сам переживший в детстве потерю отца, заботился о сироте как о родном сыне.

В этом же году скончался Ежи Геркулес. Все Радзивиллы собрались на его похороны. Проводил в последний путь своего дядю и воспитателя и Миколай Черный. Он, как мог, поддерживал в это время убитых горем сына и дочерей покойного. Утешал их. Особенно нежен был с Барбарой, когда узнал, что брак кузины с Гаштольдом не принес ей счастья. Он проклинал графа Станислава, который не оценил достоинств своей прекрасной жены. Но именно в это время Миколай понял, что Барбара, которую он так любил, оказывается, никогда не испытывала к нему самому ответного чувства. Рыдая на плече у Черного, красавица призналась, что не ведает ни настоящего счастья, ни настоящей любви. Миколай, конечно, огорчился, но, к его удивлению, это чувство было не настолько сильным, чтобы заглушить горечь прощания с Ежи Радзивиллом. Он понимал, что в небытие

отходит последний представитель того круга, который был опорой когда-то Великого князя, а потом и короля Александра. Круга, члены которого поистине являлись честью и гордостью государства. Николай вдруг почувствовал, что пришло время и ему продолжать их дело. Так же, как и они, стать опорой Великому князю и королю.

Черный понимал, что ему в чем-то будет легче, а в чем-то труднее, чем им. Легче потому, что он с детства дружен с будущим своим сюзереном Сигизмундом Августом. А тяжелее — из-за характера, а вернее полной бесхарактерности последнего. Зная, что виною этому домашний диктат, который установила в своей семье королева Бона, он решил предпринять все возможное для того, чтобы вырвать будущего главу государства из-под влияния его матери.

Удивительно, но в это же время эта же мысль пришла в голову королю Сигизмунду I. Старый монарх чувствовал приближение своей смерти и глубоко переживал, что сын, хотя и считался уже целых 15 лет его соправителем, на деле имел довольно поверхностное представление об обязанностях главы государств. С одной стороны, всякую инициативу Сигизмунда Августа должно было сдерживать обещание его отца, данное им подданным двух государств, согласно которому молодой король и Великий князь до смерти старого не будет вмешиваться в дела правления. С другой же, его почти полную аморфность и апатию к вопросам государственным всячески поощряла Бона Сфорца, рассчитывавшая со временем править именем сына.

Тем не менее Сигизмунд I стал замечать в последнее время все более определяющийся конфликт между женой и сыном. Почувствовав себя взрослым мужчиной, Сигизмунд Август все менее охотно соглашался идти на поводу своей матушки. И это вселило в сердце старого короля надежды. Он стал верить в то, что сын, разделенный с Боной расстоянием, окруженный умными и опытными государственными мужами, получивший настоящую, а не номинальную власть, еще сможет стать достойным правителем. Выбора не было. Сигизмунду Августу надо было обосновываться в Вильно.

Для этого, однако, необходимо было согласие его подданных в Великом княжестве Литовском. С этой целью в 1544 году Сигизмунд I Старый созвал в Бресте сейм. На этом сейме впервые заявил о себе как о политическом и общественном деятеле Николай Радзивилл Черный. Он способствовал принятию акта, по которому старый король передавал всю полноту власти в княжестве своему сыну, оставив себе Королевство Польское (хотя формально отец и сын продолжали считаться соправителями). Кстати, на этом сейме Черный получил свою первую государственную должность. Он был назначен

маршалком земским. Маршалок земский обладал высшей судебной властью в государстве. Кроме этого он занимался посольскими делами. Должность эта давала возможность часто бывать на великокняжеском дворе. Впрочем, Миколай свободно мог появляться там и не по служебным делам. Сигизмунд Август всегда с нетерпением ждал приезда друга детства. На добрые их взаимоотношения не повлияло даже то, что молодой Великий князь обратил внимание на овдовевшую в 1542 году Барбару. Хотя Сигизмунд Август был женатым человеком, однако супругу свою Элизабет Габсбург, дочь австрийского императора Фердинанда I, некрасивую, болезненную женщину, с которой был обручен с самого раннего детства, никогда не любил. Миколай Радзивилл закрыл глаза на зарождающийся роман своего коронованного друга и кузины, в которую был сам недавно безнадежно влюблен.

В 1546 году Черный принял участие в посольстве ко двору Сигизмунда I. В Кракове необходимо было обсудить несколько вопросов. Главный — урегулирование пограничных конфликтов и установление границы или же, как написано в одной из хроник "...по-пис границ и шкод межи Великого княжества Литовского и Коруны Польское". Еще послы Великого княжества Литовского должны были обсудить вопрос о размерах "подарков", которые делались крымскому хану для того, чтобы предотвратить набеги крымчаков на южные земли королевства и княжества. Установить, какую сумму должно внести каждое государство.

В том же году Миколаю пришлось играть главную роль в деле устройства судьбы Барбары. Ее отношения с Сигизмундом Августом давно уже переросли в любовь. А после того, как в 1545 году умерла Элизабет Габсбург, кузина Черного получила реальную возможность выйти замуж за своего возлюбленного. Тот неоднократно говорил о том, что был бы счастлив прожить с нею всю жизнь. Но, увы, боясь гнева своей властной матери, не решался сделать последний шаг. Миколай Черный вместе с Миколаем Рыжим решили помочь своей очаровательной сестре. Они потребовали от сюзерена обещания перестать встречаться с Барбарой, чтобы не бросать тень на честь женщины и всего рода Радзивиллов.

Сокровище, которое отбирают, всегда кажется дороже того, которым безраздельно владеешь. Не в силах смириться с потерей Барбары король и Великий князь, в конце концов, нарушил обещание, попался в хитро расставленную ловушку и... повел ее к алтарю. Тайное венчание состоялось в 1547 году в часовне виленского замка Миколая Радзивилла Рыжего. Миколай Черный был одним из свидетелей.

В этом же году, чуть позже, он был послан в очередной дипломатический вояж. Необходимо было выяснить, наконец, у австрийского императора Фердинанда I судьбу той части приданого его дочери, ныне уже покойной, первой жены Сигизмунда Августа, которая так и не была отдана. Вопрос этот решался долго. Вначале в Вене. Затем к разбирательству вынужден был подключиться император Священной Римской империи (объединения множества германских государств) Карл V. Тот пригласил конфликтующие стороны в свою столицу Аугсбург. Миколай с большой пользой для себя и своей родни использовал это обстоятельство. Он добился того, чтобы Карл V подтвердил титул князя Священной Римской империи, который был в 1518 году дан представителю ганендзско-мядельской ветви рода Радзивиллов, брату его отца Миколаю. Этот титул был утрачен после того, как в 1548 году умер последний представитель мужской линии этой ветви. Теперь же германский император передал титул представителям двух других ветвей рода Радзивиллов. Миколай Черный стал именоваться "князь на Олыкe и Несвиже", Миколай Рыжий — "князь на Биржах и Дубинках". Младший брат Черного Януш получил тот же титул, что и старший. Заодно дипломатичный Миколай Черный сумел добыть и графский титул для гетмана коронного польного Тарновского, с которым собирался в ближайшем будущем породниться. Через некоторое время удалось достигнуть соглашения и с австрийским императором. Прижимистый тесть выплатил недостающую часть приданого.

На обратном пути Миколай Черный заехал в Сандомир. Там он женился на золовке новоиспеченного графа Тарновского, пятнадцатилетней Альжбете Шидловецкой. На свадьбу друга прямо с петриковского сейма приехал Сигизмунд Август. Ему только что пришлось выдержать скандал, который закатила Бона Сфорца, узнавшая о тайном браке его с Барбарой. Черный и свадебные гости поддержали молодого монарха в эту трудную для него минуту. За свадебным столом кроме тостов за молодых поднимались кубки "за любовь, не знающую преград" и "за королеву Барбару".

После свадьбы молодожены уехали вместе со свитой Сигизмунда Августа в Великое княжество Литовское. Черный с женой поселился в Несвиже, который с самого начала самостоятельной жизни избрал главной своей резиденцией. Впрочем, прожил он там недолго. Вскоре возникла острая необходимость присутствия Миколая в Вильно. Умер Сигизмунд I Старый. Тезкам Радзивилам (Черному и Рыжему) пришлось поддерживать нового короля на сеймах, виленском в Великом княжестве Литовском и петриковском в Королевстве

Польском. Ненависть, с которой встретили Барбару Радзивилл все делегаты сейма в Петрикове, их яростное нежелание признать ее не только королевой, но даже женой своего монарха, потрясли Миколая Черного. Он с детства, еще со времен, которые провел на королевском дворе, понял, что знать Королевства Польского с пренебрежением относится к жителям Великого княжества Литовского. Однако меру этого пренебрежения осознал только сейчас. Тяжелые размышления, пришедшие на смену гневу, привели Радзивилла к неутешительным выводам. Он понял, чего добиваются польские магнаты — они хотят окончательно присоединить Великое княжество Литовское к своему королевству и создать из двух государств одно. Рассчитывали получить главенство над "литвинами" и в политической, и в экономической, и в социальной сфере. И потому Черный решил, что приложит все силы для того, чтобы не только не допустить такого объединения, а даже наоборот, как только можно ослабить узы многочисленных договоров, которые связывали его родину с западным соседом. Так же, как когда-то Януш Бородач, Миколай Черный стал уговаривать своего государя отказаться от польской короны и от подданных, которые считают себя равными своему монарху. Он предлагал ему остаться только Великим князем Литовским, стать полноправным, независимым от настроений и стремлений шляхты правителем.

Сигизмунд Август обещал подумать. Говорил, что вот-вот свершит это. Однако так и не решился на такой шаг. Остался государем двух стран. С помощью Радзивиллов ему удалось в первый же год самостоятельного правления одержать над польскими магнатами крупную победу — короновать Барбару. И потому он, вероятно, считал, что ему удастся и дальше управлять столь же решительно, не считаясь с их амбициями. Тем не менее, Миколая Черного как лучшего друга и проверенного человека Сигизмунд II Август на всякий случай держал при себе, щедро одаривая должностями. Доверял ему самые ответственные поручения. Так в 1549 году Миколай Радзивилл, незадолго до этого получивший брестское староство, принял участие в качестве предводителя в военных действиях против крымских татар и наголову разгромил их. Показал себя настолько способным полководцем, что Сигизмунд Август издал указ о назначении его гетманом Великим Литовским. Миколай Черный отказался от этой должности, так как не имел особого желания заниматься военными делами. Гораздо больше привлекала его дипломатическая деятельность. В ней он видел свое предназначение.

В следующем году Радзивилл получил пост канцлера Великого княжества Литовского.

В 1551 году произошло событие, которое потрясло обе державы, и было воспринято Миколаем Черным как огромное личное горе — скончалась Барбара Радзивилл. Ни Черный, ни Рыжий не поверили, что их сестра умерла своей смертью, как кстати не поверил и Сигизмунд Август. Они начали расследование, но доказать ничего не смогли. Однако их мысли о возможном отравлении развеяны не были. Подозрения еще больше окрепли после того, как им удалось узнать заключение о смерти, сделанное врачом Грацианом, который был одним из приближенных королевы Боны. Грациан также придерживался версии о том, что Барбара умерла от яда. Правда, утверждал, что отравилась она случайно, в результате "чрезмерного употребления лекарств от бесплодия".

Барбара навсегда ушла из жизни Миколая Черного, оставив в его сердце грусть. Однако он имел семью, и в ней находил утешение. Альжбета Шидловецкая была тактичной и нежной женой. В семейный уют, который удалось ей создать для своего супруга, было приятно возвращаться после трудов и потрясений. Продолжая традиции своего отца, одного из крупнейших польских меценатов, коронного гетмана Криштофа Шидловецкого, она приглашала в несвижский замок известных поэтов и музыкантов, художников и ученых. В их обществе отдыхал душой Миколай Радзивилл. Восхищаясь достоинствами жены Черного, известный польский поэт Ян Кохановский посвятил ей свою поэму "Сусанна". Альжбета была и прекрасной, доброй и заботливой матерью. До 1551 года она уже подарила Миколаю двоих детей, сына и дочь, и готовилась стать матерью в третий раз.

Сигизмунду же Августу приходилось значительно тяжелее. Он чувствовал себя одиноком. Тем не менее отказывался даже обсуждать вопрос о новой женитьбе. Хранить верность покойной — это, конечно, было личным делом короля. Однако его государствам нужен был наследник. А монарх отмахивался ото всех, кто напоминал ему об этом.

После долгих раздумий придворные решили, что уговорить короля на новый брак сможет лишь кто-нибудь из тех, кого он уважает и, главное, кому верит. И они обратились к лучшему другу короля и родственнику покойной Барбары Миколаю Радзивиллу Черному.

Однако и Черному не удалось склонить короля и Великого князя к новой женитьбе с первого раза. Лишь подробный рассказ о женщине, которую предлагали королю в качестве новой жены, слегка растопил лед его сердца. Двадцатилетняя дочь австрийского

императора, младшая сестра Элизабет Габсбург, герцогиня Катарина на несколько месяцев раньше Сигизмунда Августа пережила такую же трагедию, как и он. Во время охоты погиб ее горячо любимый муж, юный герцог Мантуанский Франсиско Гонзаго. Рассказывали, что молодая вдова чуть не лишилась разума от горя. Она не смогла жить в Мантуе, где все напоминало о любимом человеке, и вернулась в Австрию к родителям.

Катарина Габсбург как и Сигизмунд Август дала обет хранить в сердце верность герцогу Гонзаго. Хотела даже идти в монастырь, но родители отговорили ее от этого шага. Черный рассудил, что одинаковое горе сблизит Сигизмунда Августа и Катарину, что они найдут один возле другого утешение. А возможно, с появлением ребенка-наследника оба вновь увидят для себя смысл жизни.

Король и Великий князь долго думал и, наконец, согласился с доводами своего лучшего друга. Впрочем, не только обстоятельства личного плана поспособствовали выбору невесты. Стало известно, что московский правитель Иван IV Грозный ведет с австрийским императором переговоры о союзе и совместных военных действиях против Великого княжества Литовского и Польши. Необходимо было предотвратить образование такого союза.

Итак, в 1553 году Черный отправился в Австрию. В Вене Миколой бывал уже раньше, знал, как следует общаться с императором, поэтому согласие на брак ему удалось получить довольно быстро. Родители невесты не имели ничего против того, чтобы еще раз породниться с Сигизмундом Августом. Вскоре состоялась и свадебная церемония. Правда, к алтарю молодую сначала повел не жених, а все тот же Черный. Он выступал в роли доверенного лица своего монарха. А обряд такой в те времена назывался "предварительным браком". Невеста тихо плакала в течение всей венчальной церемонии. Из-за того, что ее заставили нарушить клятву, данную почившему мужу. Когда же наступило время осуществить другую половину обряда — положить на несколько минут в одну постель невесту и доверенную особу жениха, с несчастной Катариной случилась истерика. Отец и брат насильно уложили ее на "брачное ложе". Рядом, не раздеваясь, прилег Миколой. Польские хроники утверждают, что после этого между ним и Катариной произошла "такая сцена, какая обычно происходит между кошкой и собакой". Однако это была уже последняя попытка молодой герцогини сопротивляться своей судьбе.

Так же успешно Черный выполнил и второе, тайное поручение. Союз между Габсбургами и Иваном IV заключен не был. Более того, ему удалось убедить Фердинанда I подписать с Королевством Поль-

ским и Великим княжеством Литовским союзные договоры. Австрийский император был в восторге от дипломатических способностей своего гостя. Он наградил Черного титулом "граф на Шидловце".

Этот год, вообще, был знаменательным для Миколая Радзивилла. Вернувшись на родину, он основал первый на территории современной Беларуси реформаторский сбор (храм) в Бресте, а при нем типографию, для работы в которой пригласил специалистов из Польши, двух печатников, С.Мармелиуса и Б.Воявудко, а также поэта, композитора и переводчика Киприана Базилика. Книги, которые печатала типография, использовал для пропаганды идей Реформации.

Чуть позднее, в 1555 году, с помощью Черного была организована главная реформаторская община княжества в Вильно. А первый в этом городе сбор был размещен в его дворце.

Протестантскими идеями Миколай Радзивилл увлекся еще раньше. Он познакомился с ними во время своих зарубежных вояжей. Углубил свои знания при чтении трудов Лютера, Кальвина и их последователей. Со временем сам стал сторонником этого религиозного течения. Вначале придерживался взглядов Лютера, однако в 1555 году перешел в кальвинизм.

Но не только делами духовными занимался в эти годы Миколай Черный. Он активно участвовал в политической жизни. Вся его деятельность была направлена на укрепление государственной самостоятельности Великого княжества Литовского и борьбу с теми представителями магнатских и шляхетских кругов, которые стояли за объединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским (а точнее, включение княжества в состав западного соседа). Еще осенью 1551 года на сейме в Вильно Черный решительно выступил против переговоров с польской делегацией, которая намеревалась решить вопрос о государственной унии. В тот раз Радзивилла поддержал и Сигизмунд Август, выдавший "привилей"⁷, в котором гарантировал Великому княжеству Литовскому самостоятельность.

На виленском сейме, проходившем в 1554—1555 годах, именно благодаря инициативе Миколая Черного и его единомышленников, было заключено соглашение о том, что в случае войны с царем Иваном Грозным поляки помогут литвинам своими войсками. Одновременно с этим Черный делал все возможное для того, чтобы сохранить мир с восточным соседом. В 1555 году с русским монархом было заключено перемирие на 6 лет.

⁷ Привилей — указ, закрепляющий права на что-либо.

В этом же году Радзивилл взялся за проведение аграрной реформы в государственных имениях. Он возглавил комиссию по подготовке так называемого "Устава на волоки". Реформа предусматривала перераспределение земельных участков. Она способствовала развитию сельского хозяйства и давала казне дополнительные денежные средства.

Миколай Черный давно понял, что даже его влияние на короля не заставит того пойти на решительные действия. Сигизмунд Август никогда не откажется от польской короны. Более того, он видел, что его друг детства склонялся на сторону польских магнатов. Окружение, в которое тот попал в Кракове, сумело постепенно подчинить его волю своей. Навязывало ему все новые и новые решения, направленные на ущемление интересов Великого княжества Литовского. Дошло до того, что стремление к независимости, которое постоянно высказывал и в целях которого осуществлял свою деятельность Черный, вызвало королевскую немилость.

Миколай Радзивилл решил полагаться только на собственные силы и на поддержку единомышленников, в первую очередь Миколая Рыжего. Для этого имелись все возможности, ибо располагали Радзивиллы и властью, и деньгами и армией. Их род в то время был одним из самых могущественных и богатых в княжестве. Так, к примеру, в войсках они выставяли 930 всадников, а родственные им Остиковичи — 337. Вместе у них набиралось почти 1300 воинов. Это было больше, чем выставяли князья Гольшанские, Сапега, Кишки, Слуцкие, Лукомльские вместе взятые. Как мы помним, Черный был канцлером великим литовским, занимал главную государственную должность в княжестве. К тому же сохранил за собой должность маршала земского. А с 1551 года был воеводой виленским, т.е. имел главную воеводскую должность в государстве. Если прибавить к этому, что Миколай Рыжий был гетманом великим литовским — главнокомандующим войсками и воеводой трокайским (т.е. занимал вторую в княжестве воеводскую должность), становится понятным, что они фактически являлись руководителями государства. Тем более, что король почти все время находился в Польше.

В своей борьбе за независимость княжества Миколай Черный решил использовать и охватившее в это время всю Европу, в том числе и Великое княжество Литовское, реформаторское движение. В нем участвовали люди разных сословий. Однако в отличие от стран Западной Европы, где главной силой протестантизма были горожане и мелкие феодалы, на нашей земле этой силой стали представители высшей знати. Люди государственного ума видели в протестантизме

способ избежать чужого религиозно-идеологического влияния. Они понимали, что католичество несет ополячивание, а православие, на их взгляд, вело к русификации. И это действительно происходило так, ибо те, кто принадлежал к этим двум вероисповеданиям, невольно искали поддержки в Королевстве Польском или в Великом княжестве Московском. Реальной же идеологической основой и опорой независимости, по мнению Миколая Радзивилла и его сторонников, могла стать реформаторская церковь.

Черный поддерживал тесные связи с руководством всех основных протестантских течений княжества — лютеранами, кальвинистами и антитринитариями. Он стремился объединить их в совместной деятельности за осуществление своей главной цели — получение самостоятельности государства. Одно время он даже вынашивал идею образования Народного собора, своего рода государственной церкви, объединявшей представителей всех христианских вероисповеданий и течений. Рассчитывал таким образом получить независимость от Рима. Правда, вскоре был вынужден от этой идеи отказаться. Продолжал всеми доступными ему способами опекать протестантизм вообще и кальвинизм в частности. Многие магнаты, кто от чистого сердца, кто с расчетом, кто придерживаясь моды, взяли с него пример. Среди них воевода трокайский Стефан Зборажский, воевода смоленский Василий Тышкевич, воевода мстиславльский Юрий Остик, воевода минский Гаврила Горноста́й, староста жмудский и маршалок земский⁸ Ян Ходкевич, каштелян трокайский и подканцлер литовский Астафий Волович, каштелян минский Миколай Тальваш, каштелян полоцкий Юрий Зенович и многие другие.

Миколай Черный и его последователи начали расширять протестантское движение в Великом княжестве Литовском. Они основывали сборы, организовывали в городах и местечках школы, приюты, типографии. Сам Черный, к примеру, открыл в своих владениях 132 сбора. Правда, действовал он для борьбы с противниками своих идей и другими методами — отбирал у верующих костелы и церкви и превращал их в кальвинистские сборы. В порыве протестантского рвения даже разрушал придорожные кресты.

В своей резиденции Несвиже Миколай Радзивилл собрал цвет реформации. Город в это время стал фактически второй столицей Великого княжества Литовского и главным центром кальвинизма. Для пропаганды идей своих единоверцев и для более плодотворной деятельности открытых им сборов Черный и его сторонники приглашали из

⁸ Маршалок земский — предводитель шляхты.

Европы талантливых проповедников. Одним из них был приехавший по просьбе Миколая Радзивилла в 1558 году в Вильно Симон Будный. В скором времени его перевели в Клецк. А еще через два года владелец Несвижа открыл в своем городе типографию. Организовать выпуск книг на средства того же Радзивилла должны были несвижский староста М.Кавечинский, кальвинистский проповедник Л.Кришковский и С.Будный. Поскольку протестантизм в Европе боролся за право вести богослужение не на латыни, а на национальных языках, то этого добивались и кальвинисты Великого княжества Литовского. Они ставили вопрос об освобождении богослужения не только от латыни, но и от церковнославянского языка, или как его тогда называли, от "церковной болгарщины". Вот с этой целью и была в 1562 году в Несвиже напечатана Симоном Будным первая белорусско-язычная книга на нашей земле, прославленный "Катехизис". Тут же была издана и книга "Об оправдании грешного человека перед Богом".

Мысли о необходимости господства родного языка нашли искренний отклик в среде мелкой шляхты и боярства. Но среди знати белорусского происхождения большой склонности к "простому языку" не было. Касается это и Миколая Черного. Не зря же изданная в 1563 году на его средства и в его брестской типографии "Библия", получившая в будущем название "Брестская" или "Радзивилловская", была на польском языке. В.Ластовский в своей "Гісторыі беларускай (крыўскай) кнігі" так охарактеризовал эту ситуацию: "Польский язык, под опекой Радзивиллов, Кишек, Глебовичей и других, вытесняет язык простой" (перевод — Авт.).

Как бы там ни было, однако для пропаганды кальвинистских идей было использовано лучшее типографское оборудование тех времен.

Результаты деятельности Миколая Радзивилла Черного и его сторонников были довольно ощутимы. Реформаторское движение в Великом княжестве Литовском началось примерно в 40-х годах XVI столетия. В следующем десятилетии оно получило широкое распространение. Напомним, что первый кальвинистский сбор, который Радзивилл Черный открыл в Вильно, начал действовать в 1555 году. В 1557 году собрался синод белорусских кальвинистов. А уже в 1563 году они добились от Сигизмунда Августа привилея равноправия в Великом княжестве Литовском всех вероисповеданий. Этот привилей, в конце концов, уравнивал в правах с католиками представителей шляхетства и боярства как православной веры, так и всех течений протестантизма.

Казалось, что до достижения полной независимости Великого княжества Литовского уже близко. Однако помешали этому захватнические планы Ивана IV Грозного.

Во второй половине 50-х годов главной сферой дипломатической деятельности Миколая Черного были отношения с Ливонской конфедерацией. В нее входили Римская архиепископия, Ливонский рыцарско-монашеский Орден, Дерпское и Ревельское епископства. Конфедерация была объединением некрепким, ненадежным, ее разрывали междоусобные войны. Используя эту ситуацию, в 1558 году на эти земли вторглись войска Ивана Грозного. Царь рассчитывал легко захватить их и получить выход к Балтийскому морю. На первом этапе войны он одержал несколько крупных побед над ослабевшим к этому времени Ливонским Орденом. Но дела внутренней политики и нежелание части боярства вести войну заставили Ивана Грозного заключить летом 1559 года временное перемирие и отвести свои войска. Ливонцы решили использовать этот момент и обратились за помощью к Сигизмунду Августу.

Король Польский и Великий князь Литовский давно вынашивал планы присоединения Ливонии к своей державе. В этих планах его поддерживал и Миколай Черный.

Он задолго до начала войны получал от своих людей в Москве информацию о том, что там готовится, и прекрасно понимал, чем грозит завоевание этих земель "грозным" царем. Осознавал также, как тяжело будет выстоять под ударами и с востока, и с севера одновременно. Поэтому переговоры, которые начались с магистром Ливонского ордена Фюрстенбергом, завершились в сентябре 1557 года подписанием договора о взаимопомощи в случае войны с Иваном Грозным. Переговоры эти пришлось вести в тайне, чтобы не спровоцировать опасного восточного соседа на военные действия.

И вот теперь, во время перемирия магистра Ордена и обратился к Сигизмунду Августу за помощью.

После долгих переговоров ливонцы согласились пойти под протекторат короля Польского и Великого князя Литовского. Черный сообщил об этом согласии на раде в Вильно. По его предложению 31 августа 1559 года был подписан договор, по которому большая часть Ливонии вошла в состав Великого княжества Литовского (кроме северных ее территорий, присоединившихся частично к Швеции, частично к Дании). Польские магнаты от участия в этом договоре отказались. На своем сейме они кричали о том, что не желают конфликтовать с Иваном Грозным. Так они в очередной раз предали своих восточных соседей.

В скором времени Великое княжество Литовское было втянуто в войну. Однако произошло это не сразу. Вначале Иван Грозный, увидев, как соседи буквально у него из-под носа выхватили лакомый кусочек территории, попробовал получить часть того, на что рассчитывал, при помощи хитрого дипломатического хода. Овдовев как раз в 1559 году, он высказал желание жениться на сестре Сигизмунда Августа. В брачный договор, полагал он, можно было бы вписать передачу ему части прибалтийских земель. А в перспективе виделась Ивану Грозному и другая выгода от этого брака. Ведь король Польский и Великий князь Литовский Сигизмунд Август был больным и, несмотря на брак с Катажиной Габсбург, бездетным. Если не польскую корону, то хотя бы венец Великого князя Литовского мог бы со временем получить восточный сосед, будучи женатым на польской королеве и Великой княжне Литовской.

У Сигизмунда Августа в это время оставались незамужними две сестры, тридцатисемилетняя Анна и тридцатичетырехлетняя Катажина. Из-за амбициозности и трудно объяснимого каприза своей матери, властной королевы Боны Сфорца, они остались старыми девами и уже не надеялись на замужество. И вдруг в Вильно, где в это время жила вся семья Сигизмунда Августа, появилось русское посольство с брачным предложением. Возглавляли его бояре Ф.Сукин и Г.Шапкин. Русский царь не знал еще, какую из сестер выбрать в жены. Поэтому наказал боярам: "Едучи дорогою до Вильны, разузнавать накрепко про сестер королевских, сколько им лет, каковы ростом, кабельны, какова которая из них обычаем и которая лучше? Которая из них будет лучшей, про ту и говорить королю".

Кроме этого задания послы должны были обговорить с дипломатами княжества и Сигизмундом Августом условия будущего мира. В это время у русского царя назревала уже и война со Швецией. Шведский король Эрик XIV Ваза, получив неожиданно в "подарок" часть земель Ливонии, вознамерился еще более расширить свои владения. На этот раз за счет русских территорий. Дело дошло уже до приграничных вооруженных конфликтов.

Ивану IV Грозному не хотелось вести войну на два фронта — со Швецией и Великим княжеством Литовским. Поэтому и решил он заключить с последним мирный договор. Причем этот вопрос считал даже более важным, чем брак.

Вел переговоры с русскими боярами Миколай Радзивилл Черный вместе с Астафием Воловичем и епископом Валерианом. В течение нескольких недель обсуждали они условия мирного договора. Наконец, пришли к соглашению. Вот только, к огорчению дипломатов

Великого княжества, подписать договор московские гости не могли, так как не были уполномочены на это своим государем. Только он мог окончательно решить этот вопрос.

После заключения договоренности о мире перешли к вопросу о сватовстве. И тут переговоры чуть не зашли в тупик. Сукин и Шапкин желали устроить невестам смотрины, подобные тем, которые делались в таких случаях в Москве. Пришлось объяснить им, что в Великом княжестве Литовском совсем иные обычаи. Однако бояре были упрямы и настаивали на том, чтобы лицезреть претенденток. Ибо им строго наказано было выбрать ту сестру, которая "добрее и красивее". Пришлось помочь им увидеть королеву. Показали в то время, когда Анна и Катажина выходили из костела. Катажина боярам сразу же понравилась. Причем настолько, что они даже дали согласие на то, чтобы будущая русская царица сохранила после свадьбы католическое вероисповедание (требование, на котором настаивал епископ).

С предложением обсудить будущую свадьбу они обратились к Сигизмунду Августу. Тот знал, ради чего приехали русские послы. Сватовство потенциального противника, конечно же, смущало короля. Он, без сомнения, не мог не разглядеть за этим действием замаскированный дипломатический ход. Однако это был шанс для Катажины устроить свою судьбу. Иван IV в то время не успел еще приобрести славу Синея Бороды, что расправляется со своими женами, как только те ему надоедят. К недавно похороненной им царице Анастасии Захарьиной Грозный относился с любовью и уважением. Сигизмунд Август колебался, однако все более склонялся к тому, чтобы отдать Катажину в жены грозному соседу. Мешало этому только одно. В Великом княжестве Литовском, как и в Польше, существовал обычай, по которому нельзя было выдать замуж младшую сестру раньше старшей. Позором для чести Анны Ягеллонки могло стать замужество Катажины. Так что король вынужден был разочаровать послов. Он объяснил, почему не может выдать замуж свою младшую сестру. Предложил либо жениться царю на старшей сестре, либо найти ей жениха.

По свидетельству многих исследователей бояре сильно обиделись на такое предложение, посчитали его оскорблением для своего государя и сразу же отъехали домой. Другие же утверждают, что вопрос о выборе невесты, как и окончательные условия мирного договора, должен был решить сам Иван Грозный. Более доверять, на наш взгляд, нужно другой версии. Ибо известны слова, которые прозвучали 10 ноября 1560 года, в день прощания с московскими послами.

Провожали их домой Миколай Черный, Астафий Волович и еще несколько магнатов. Волович сказал на прощание: "Надеюсь, что не успеете вы вернуться в Москву, как великие послы нашего государя будут в дороге". И действительно, посольство Великого княжества Литовского выехало из Вильно уже в январе следующего 1561 года. Однако, возвратилось оно ни с чем. Царь отказался подписать "вечный мир". За то время, пока его сваты-бояре ездили да вели переговоры, московские дипломаты смогли урегулировать конфликт со Швецией. Таким образом у Ивана Грозного развязались руки.

Он потребовал от послов отдать ему всю Ливонию, даже те территории, которые еще не завоевал. Получил от послов Великого княжества Литовского отказ и начал военные действия. Кстати, такой поворот событий, оказался счастливым для Катажины Ягеллонки. Вместо жестокого и расчетливого мужа она получила доброго и любящего, ибо вскоре к ней посватался шведский королевич Юхан Ваза, будущий король Юхан II. И она с радостью отдала ему свою руку и сердце.

Что же касается Ивана Грозного, то первый удар он нанес по Ливонии. После нескольких поражений Ливонский орден распался. Русские войска захватили восточные земли Латвии и Эстонии. Швеция захватила Эстляндию. Последний магистр Ливонского ордена Готтард Кетлер объявил о его секуляризации⁹. Он подписал 28 августа 1561 года акт о подчинении Ливонии одновременно Великому княжеству Литовскому и Королевству Польскому на правах автономии. Сам становился вассалом Сигизмунда II Августа, герцогом Курляндии.

Для управления вновь приобретенной автономной территории нужен был человек, который обладал бы недюжинными администраторскими и дипломатическими способностями. Выбор короля и Великого князя пал на Миколая Радзивилла Черного, который и был назначен администратором Ливонии. 5 марта 1562 года Готтард Кетлер передал Радзивиллу в рижском замке золотые крест и печать — символы власти магистра Ливонского ордена, а также все привилеи Ордена меченосцев и их архив. Черный прекрасно понимал, что Иван IV не смиритсся с потерей вождеденных земель. И действительно, весной 1562 года войска грозного царя вторглись на территорию окрестности Витебска, Шклова и Орши. В январе 1563 года Иван IV, воспользовавшись рядом ошибок воеводы полоцкого Станислава Давойны, который возглавлял оборону, захватил этот древний город. Местные евреи,

⁹ Секуляризация — обращение церковного и монастырского имущества в светское владение; замещение духовного лица, звания или места светским.

татары, а также католические священники по приказу русского царя были жестоко умерщвлены, а остальные плененные полочане угнаны в Московию. Многие из них по дороге погибли от лютых морозов.

Борьба с московской агрессией требовала консолидации всех сил, тем более, что Королевство Польское никакой помощи Великому княжеству Литовскому, несмотря на заключенный незадолго до этого договор, не оказывало и не собиралось оказывать. Польские магнаты и шляхта использовали этот момент для того, чтобы усилить давление на короля и восточных соседей с требованием инкорпорации — полное вхождение княжества в состав Королевства Польского. Их позиция вызвала недовольство многих представителей магнатства Великого княжества Литовского. Однако, Миколай Черный осознавал, что попытка взять власть в государстве в свои руки и начать борьбу за обретение полной самостоятельности княжества приведет к расколу среди представителей правящих классов и даже к междоусобным столкновениям. Он не мог пойти на это во время войны. Единственное, к чему он сейчас стремился, это всеми силами сопротивляться попыткам заключения унии. Тем более, что предложение поляков нашло поддержку в среде утомленной войной шляхты Великого княжества Литовского. Особенно стремились к этому шляхтичи Витебщины, края, который наиболее пострадал от войны. В 1552 году они собрались на съезд под Витебском. Образовали конфедерацию (вооруженный союз) и в особом акте просили Сигизмунда Августа заключить новую государственную унию с Польшей. Они согласны были на любые условия, лишь бы получить от поляков помощь в войне.

Понимая опасность этого шага для судеб родины, Черный делал все возможное для того, чтобы предотвратить подписание этой унии. Скорее всего ему бы это не удалось, если бы не блестящая победа, которую одержал над войсками Ивана Грозного Миколай Рыжий. 26 января 1564 года его десяти тысячное войско у реки Улы разгромило тридцатитысячную армию русского царя, возглавляемую воеводой Петром Шуйским. Сам воевода погиб в этом сражении.

Как раз в это время Черный во главе посольства Великого княжества Литовского вел переговоры об унии на варшавском сейме. Сейм этот начался еще в 1563 году и шел с большим напряжением. Миколай Радзивилл и члены его делегации вынуждены были даже дать согласие на объединение. В поданном ими проекте договора они пошли на огромные уступки. Однако настаивали в нем на том, что Великое княжество Литовское будет самостоятельным государством при наличии общего государя с королевством. Польскую сторону это не устраивало. После же победы у реки Улы у представителей

княжества появилась надежда на то, что им удастся самим отбиться от врага. Переговоры были прерваны.

Однако Миколай Черный видел, что не только тяготы войны являются причиной того, что шляхта княжества стремится к объединению с Королевством Польским. Многие из мелких шляхтичей стремились к этому в надежде получить такие же права ("золотые вольности"), как и польская шляхта.

Миколай Радзивилл согласился с Сигизмундом Августом в том, что в княжестве необходимо провести судебно-административную реформу. Именно благодаря его усилиям в июле 1564 года был издан такой документ, как Вельский привилей, который объявлял об образовании шляхетских сословных судов и об отделении их от великокняжеской администрации на местах. Шляхта и юридически, и фактически выходила из подчинения магнатам. Власть последних была ограничена. Затем Черный добился образования органов местного самоуправления — поветовых сеймиков. Потеря привилегий магнатами и ослабление великокняжеской власти было компенсировано тем, что удалось добиться консолидации всех слоев феодального сословия, и дало возможность выстоять в войне.

Кстати, именно дипломатическая деятельность Миколая Радзивилла Черного и его друга подканцлера Астафия Воловича способствовала переходу на сторону Великого княжества Литовского видного русского полководца, друга детства Ивана Грозного, князя Андрея Михайловича Курбского. Архивные документы свидетельствуют, что еще до того, как Курбский перебежал на сторону Литвы, Радзивилл и Волович переписывались с ним и предлагали перейти на службу к Сигизмунду Августу. Обещали ему всяческую поддержку.

Впрочем, Черный свое обещание беглецу по-настоящему не выполнил. Не успел. 29 мая 1565 года он умер в своем имении Лукишки неподалеку от Вильно. За день до смерти Миколай написал завещание, в котором назначил опекуном своих сыновей Миколая, Юрия, Альбрехта и Станислава — Астафия Воловича.

Папский нунций Ян Камедони, который не без оснований считал Миколая Радзивилла Черного "наиболее опасным для Рима человеком в Великом княжестве Литовском", спешил уведомить Ватикан, что "умер человек, наимогущественнейший не только в Литве, но и всех краях этого государства".

Для нас же Радзивилл Черный остался великим реформатором, атлантом кальвинизма, влиятельным политическим и государственным деятелем, много сделавшим для своей родины.

ДЖУЛЬЕТТА БЕЛОРУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Летом 1550 года жители городов, местечек и сел Королевства Польского и Великого княжества Литовского, которые лежали на пути от Кракова до Вильно, имели возможность наблюдать впечатляющее шествие. Внушительный эскорт одетых в черное рыцарей сопровождал катафалк, который везли двенадцать вороных коней. За катафалком на таком же черном коне ехал человек, лицо которого нельзя было спутать ни с каким другим. Это был король Польский, Великий князь Литовский Сигизмунд II Август. В глубоком трауре, он был, казалось, безразличен ко всему вокруг, кроме дорогого гроба. В каждом населенном пункте, крупном или маленьком — все равно, он сходил с коня и шел рядом с катафалком.

— Это везут тело мученицы-королевы Барбары, — шептались люди.

— Краковские пань-магнаты оклеветали ее перед народом, а свекровь, королева Бона Сфорца, извела злой отравой...

— И все только потому, что была Барбара литвинкой, красавицей и любила нашего короля и Великого князя больше жизни...

— А когда она умерла, ее хотели похоронить в королевской усыпальнице на Вавеле, но его величество Сигизмунд Август сказал: "Там, где живой выказали неблагодарность, не пристало оставлять и мертвую среди таких людей"...

— Потому и везут на родину, в Вильно...

Так рассказывали историю любви и смерти Барбары Радзивилл простые люди, ее современники. Они мало в чем ошибались, хотя, конечно же, не знали еще многих печальных подробностей.

Красавица-литвинка Барбара Радзивилл и Сигизмунд II Август, историю любви которых современники будут сравнивать с историей Ромео и Джульетты, впервые встретились в Вильно в 1543 году, на балу. Танцы сменялись маскарадами, маскарады — фейерверками и театральными представлениями. А он не сводил с нее глаз...

По приказу Сигизмунда Августа верные люди очень скоро собрали все сведения о прекрасной незнакомке. Ее имя показалось ему необыкновенно красивым — Барбара. Младшая дочь славного полководца, покойного гетмана великого литовского Ежи Радзивилла Геркулеса, была, как сообщили Сигизмунду Августу, в ранней юности выдана замуж за графа Станислава Гаштольда. Последний, к

сожалению, не оценил ни ее красоты, ни иных достоинств. Он не любил и даже не уважал жену, и изменял ей с другими женщинами. Но скоро Барбара овдовела. И вот — впервые после того, как окончился срок ее траура, попала на бал...

Чтобы иметь возможность беспрепятственно встречаться с Барбарой, Сигизмунд Август назначил ее фрейлиной своей жены, Элизабет Габсбург. И скоро все при дворе стали замечать его страсть и с интересом наблюдать, чем все это закончится. Кое-кто из льстивых придворных поэтов уже сочинял в честь Барбары Радзивилл сонеты. А прославленный немецкий художник Лукас Кранах Младший, который посетил как раз в это время виленский двор и получил заказ написать парные портреты Сигизмунда Августа и Элизабет Габсбург, исполнил в том же стиле также и портрет женщины, что владела сердцем его заказчика, Барбары...

Напряженность обстановки должна была во что-либо вылиться. И это, в конце концов, случилось.

Внезапно умерла жена Сигизмунда Августа, страдающая эпилепсией Элизабет. Положение бывшей фрейлины, которой король и Великий князь отдавал предпочтение перед другими придворными дамами, стало двусмысленным. Чтоб не давать повода для сплетен, Барбара вынуждена была перестать посещать великокняжеский двор. Тем самым она отказалась от встреч с человеком, чувства которого уже находили отклик в ее сердце.

Некоторое время Барбара жила в виленском дворце своего брата, Миколая Радзивилла Рыжего. Потом — в Гераненском замке, ставшем ее собственностью после смерти мужа. Но Сигизмунд Август находил возможность посещать ее и там. Сначала неохотно, потом все более и более нетерпеливо ждала красавица тайных приездов влюбленного мужчины. Отрадно было Барбаре слушать страстные признания Сигизмунда Августа, повторявшего, что он был бы счастлив сделать ее своей женой. Но на последний решительный шаг у молодого короля и Великого князя не хватало сил. Ибо он боялся ярости своей матери, старой королевы Боны Сфорца.

А тем временем по Вильно уже поползли слухи и сплетни, порочащие Барбару. Это обеспокоило ее семью. Родной брат красавицы, Миколай Радзивилл Рыжий, и двоюродный, Миколай Радзивилл Черный, вызвали Сигизмунда Августа на мужской разговор. И сказали ему, что поведение его бросает тень не только на честь их сестры, но и на их честь. Братья Радзивиллы потребовали от короля и Великого князя слово, что он больше не будет встречаться с Барбарой. Сигизмунд Август поклялся, но...

Трудно бороться с собственным сердцем, если оно требует встреч с любимой. Не радовали молодого короля и Великого князя ни пиры, ни пышные балы, ни охоты, ни веселые представления лицедеев, ни любимая коллекция драгоценных камней. Двор словно померк после того, как тут перестала бывать Барбара. Ничто не могло развеять мрачное настроение Сигизмунда Августа.

Примерно то же самое во время этой вынужденной разлуки происходило и с Барбарой. Кажется впервые она поняла, что такое настоящая любовь...

Когда-то, будучи еще совсем молоденькой и неопытной девушкой, Барбара Радзивилл подолгу просиживала над любимыми книгами, сравнивая себя с их главными героинями. Она мечтала уже тогда о том единственном, который сделает ее жизнь похожей на жизнь Беатриче, Лауры или Изольды. Но разве любовь объединяла детей магнатов того времени в браке? Наивные иллюзии быстро развеялись, когда в 1538 году юная невеста впервые переступила порог родового замка Гаштольдов в качестве жены сына хозяина, Станислава. Это был династический союз.

Жестоко страдающий от диктата властного отца и при этом не способный противостоять его воле ни в чем, Станислав сразу же невзлюбил жену. Потому что она понравилась старому Альбрехту, большому ценителю женской красоты и добродетели. Уже через несколько дней после свадьбы Барбара почувствовала себя несчастной. А через несколько месяцев была искренне убеждена в том, что любовь Тристана к Изольде — просто красивая сказка, чувства Данте к Беатриче — поэтическая экзальтация, а воспевание Лауры Петраркой — чуть ли не непристойность. Она перестала верить в любовь.

Встреча с Сигизмундом Августом, казалось, вернула ее к жизни, к юношеской чистоте и надеждам. Он одобрял то, что и ей нравилось, с отвращением относился к тому, что было ненавистным и ей. Барбара неожиданно для себя увидела молодого короля совсем иным, чем он представлялся ей издали. Он был добрым и способным тонко чувствовать, искренним и... по-своему несчастным. Сигизмунд Август, соправитель своего отца, который после смерти его должен был стать полновластным монархом двух государств, был личностью слабой, бесхарактерной, не способной не только на риск, но и даже на принятие самостоятельного решения.

Рассуждая так, Барбара Радзивилл вдруг поняла, что именно она могла бы освободить человека, внезапно ставшего ей таким дорогим,

от пагубного влияния старой королевы-матери, виноватой в его слабости и бесхребетности.

Если бы только братья не запретили им встречаться! И молодая женщина в конце концов обратилась к ним с упреками. Но суровой отповедью остановили излишние чувства влюбленной сестры Радзивиллы.

Она никогда не сможет быть рядом с Сигизмундом Августом, говорили они. И дело тут даже не в том, что король и Великий князь не разделяет по-настоящему ее чувств. Возможно, он ее и любит. Но женится ли он на ней? Совсем недавно им стало известно, что из Кракова Бона Сфорца разослала гонцов в разные страны Европы в поисках новой супруги для своего сына. Для него подберут какую-нибудь принцессу, и, скорее всего, он послушно поведет ее под венец.

Барбару потрясла весть о готовящейся свадьбе Сигизмунда Августа. Но она была более высокого мнения о своем возлюбленном. "Настоящая любовь может превратить слабого человека в сильного, — сказала она, — только надо помочь Сигизмунду Августу сделать первый шаг". Барбара сказала братьям, что согласна сражаться за своего любимого. И "семейный совет" разработал хитроумный план...

Сигизмунд Август страдал в одиночестве. Он тяжело переносил разлуку с Барбарой. И вот как-то ему стало известно, что братья Радзивиллы, которые в последнее время, словно церберы, охраняли честь своей сестры, собрались выехать на несколько дней на охоту. Он тут же поспешил к любимой...

Ночью, в самый неподходящий момент, двери спальни с грохотом распахнулись, и в комнату ворвались вооруженные саблями Радзивиллы, Миколай Рыжий и Миколай Черный. Королю и Великому князю напомнили о его слове и чести. И о нарушении этого слова. У него поинтересовались, как он собирается смыть позор и со своего имени, и с имени многоуважаемых Радзивиллов?

— Откуда знать вам, может быть это посещение мое сестры вашей принесет вам великую славу, честь и прибыль? — проговорил Сигизмунд Август. Это было равносильно официальному предложению. И тут же в комнате появились ксендз и свидетели, родная сестра Барбары Анна и родственник Радзивиллов, Станислав Кежгайло. Другой парой свидетелей стали Миколай Черный и Миколай Рыжий.

Брак был тайным. Сигизмунду Августу надо было подготовиться к "семейной войне" с матерью, которой, он чувствовал, нельзя будет избежать. Сразу же после венчания молодой король и Великий князь направился в Краков, где обратился за помощью к краковскому епископу Самуилу Матеевскому. Рассказав о своей женитьбе, он

поинтересовался, не смогут ли его недоброжелатели объявить в угоду королеве Боне венчальный обряд недействительным? Епископ успокоил Сигизмунда Августа. Закон человеческий и Божий был на его стороне. Оставалось только собраться с силами и проявить твердость духа...

Барбара же все это время жила в замке Радзивиллов Дубинки, находящемся в пятидесяти верстах от Вильно, на горе среди соснового леса. Ее хорошо охраняли там и никому не показывали. Даже одевалась она в это время по-монашески, чтобы издали ее трудно было узнать. Единственной радостью печального затворничества были добрые, нежные письма Сигизмунда Августа. Она тоже отвечала ему словами, полными любви и обожания. Несколько пожелательных писем-листочков, исписанных ее торопливым, вычурно изогнутым почерком, сохранились до наших дней. Вот одно из них: "Посылаю Вашей Королевской Милости, своему милостивому господину перстенок в виде часов, чтобы Ваша Королевская Милость всегда спешил бы на восход солнца, в Литву. Дай Бог, чтобы скорей приехал. Покорно прошу, чтобы Ваша Королевская Милость, глядя на эти двенадцать стрелок, хотя бы одну себе выбрал, в час которой вспоминал бы меня, нижайшую и покорнейшую слугу Вашей Королевской Милости, чтобы сохранил в памяти своей". Строки, пронизанные светлой грустью и надеждой ожидания... Только ли ожидания возвращения любимого? Барбара побоялась доверить свой секрет бумаге. И гонец передал его Сигизмунду Августу устно. Тайная супруга короля и Великого князя Литовского готовилась стать матерью. Она уже чувствовала под сердцем своего ребенка. Увы, ей не суждено было изведать счастья материнства.

Как ни старался Сигизмунд Август сохранить в тайне свою женитьбу, об этом все-таки стало известно и в Великом княжестве Литовском, и в Королевстве Польском. И волна недовольства прошла по обеим странам. В княжестве брак молодого монарха с Барбарой оказался не по душе магнатам. Они боялись еще большего возвышения рода Радзивиллов над другими. В Польше среди врагов Барбары оказались не только крупные феодалы, но и средняки, и даже часть мелкой шляхты. Они не хотели королевы-литвинки, ибо считали, что после смерти старого Сигизмунда I, когда Сигизмунд II Август начнет править самостоятельно, Великое княжество Литовское получит преимущество перед Королевством Польским. В Кракове появились листовки со злыми эпиграммами на брак сына Сигизмунда I Старого и "пашквильюсы", которые задевали честь Барбары. Их разбрасывали по всем дворам, клеили на стены ратуши и даже

королевского замка. В "пашквилюсах" писалось, между прочим, что Барбара — распутная, недостойная женщина. Что она имела множество любовников до встречи с Сигизмундом Августом. И среди этих любовников был даже ее двоюродный брат. Что она продала душу дьяволу, чтобы тот помог ей завладеть сердцем молодого короля и Великого князя. И еще много чего. Любому здравомыслящему человеку должно было бы стать понятно, что все эти обвинения — чистая клевета. Но авторы "пашквилюсов" рассчитывали прежде всего вызвать ярость и негодование простого люда. И им это в некоторой степени удалось...

Однажды ночью запылал подожженный чьей-то злой рукой замок в Дубинках, где до времени скрывалась от всего света Барбара. Ей с трудом удалось спастись. От испуга и переживаний дитя, которое ждала жена Сигизмунда Августа, родилось раньше срока и неживым...

В конце концов, родители Сигизмунда Августа пригласили сына к себе и потребовали объяснить, что произошло на самом деле. Молодой король и Великий князь решил больше не таить от них правды и признаться, что Барбара Радзивилл — его жена. Для Боны Сфорца, ненавидящей род Радзивиллов, это был настоящий удар. Она стала кричать, что сын должен развестись, ибо его избранница — некоролевского происхождения. Такая женщина недостойна называться польской королевой. Но Сигизмунд Август тут же напомнил матери несколько случаев из истории Польши, когда монархи женились на женщинах ниже их по происхождению. Было понятно, что не происхождение Барбары — причина гнева старой королевы. А ее предубежденность к Радзивилам и то, что сын сделал выбор, не посоветовавшись с ней. Барбара Радзивилл, любовь к которой привела к тому, что сын впервые выказал матери неповиновение, могла перечеркнуть все властолюбивые планы старой королевы. Боне Сфорца успели уже донести, что ее неожиданная невестка обладает твердым и решительным характером. К тому же, в Вильно у Барбары было два могущественных брата, которые никому не позволят обидеть сестру. Бона Сфорца поклялась добиться развода Сигизмунда Августа. А если нет, то сделать так, чтобы Барбара Радзивилл ушла из этой жизни.

Через несколько месяцев после этого, в апреле 1548 года умер старый король Сигизмунд I. Весть эта застала Сигизмунда Августа в Великом княжестве Литовском, куда он выехал, разругавшись с матерью, в Вильно. Отдав долг памяти отцу и выполнив все необходимые ритуалы, он созвал сейм. И официально заявил подданным-литвинам о своем браке, попросил признать Барбару Великой кня-

гиней Литовской. Магнаты попробовали было возразить, но средняя и мелкая белорусская и литовская шляхта, которая всегда была в числе верных сторонников Сигизмунда Августа, радостными криками приветствовала приехавшую в Вильно из Дубинок Барбару. Так она стала Великой княгиней Литовской.

Через несколько дней Сигизмунд Август вместе с женой направился в Польшу, в Петриков. И там так же, как и в Вильно, открыл сейм заявлением о своем браке. Но началось нечто ужасное... По рядам участников сейма прошла волна возмущения. Потом выступили вперед трое наиболее влиятельных магнатов: коронный гетман Петр Кмита, граф Анджей Гурко и воевода Сандомирский Ян Теньчинский. Они стали укорять короля за его выбор. Ян Теньчинский в порыве гнева даже выкрикнул: "Я скорее соглашусь видеть на польском престоле султана турецкого, чем Барбару Радзивилл!" Они умоляли Сигизмунда Августа развестись и жениться на другой. Король отказался. Тогда все участники сейма упали на колени. Но и это не помогло. На все доводы и требования своих подданных Сигизмунд Август отвечал буквально так: "То, что произошло, изменить нельзя. И вам надлежит просить меня не о том, чтобы я нарушил слово, которое дал жене, а о том, чтобы сдержать слово, данное каждым из нас. Я дал слово быть верным моей супруге и не нарушу его, пока Господь Бог хранит меня на этом свете. Для меня слово чести дороже всех держав мира".

Что ж, Барбара была права, когда уверенно утверждала, что любовь сделает из слабого и покорного сына королевы Боны сильного духом короля Сигизмунда II Августа. На сейме в Петрикове перед своими подданными держал ответ настоящий властелин.

1 декабря 1550 года Барбара Радзивилл была коронована и объявлена королевой Польши. Польская знать покорила воле своего короля Сигизмунда II Августа. Но не покорила ей Бона Сфорца...

Уже на коронации красавица-литвинка почувствовала себя нездоровой. Тяжкие предчувствия заставили ее перешептать епископу, который только что надел ей на голову корону: "К другому, небесному венцу скоро позовет меня Господь. Молите его, чтобы дал утешение моему господину и мужу после моей смерти".

8 мая 1551 года ее не стало. Конец Барбары Радзивилл был ужасен. Она мучилась несколько месяцев. Болезнь казалась странной и непонятной. Страшные нарывы покрыли некогда безупречно гладкое тело. Они лопались и комнату, где лежала несчастная, наполняло злое, которого не выдерживали ни ее служанки, ни врачи. И только верный Сигизмунд Август до конца оставался у ложа умирающей.

Когда она закрыла глаза навсегда, он одел ее в лучший ее наряд и велел художнику писать с покойной королевы портрет Богоматери. Так, по одному из преданий, возникла икона Божьей Матери Остробрамской. Можно верить этой легенде или не верить, но внешне Остробрамская Богоматерь действительно очень похожа на прижизненные портреты Барбары Радзивилл. И находится икона в Вильно, там, куда приказал после смерти везти свою любимую безутешный Сигизмунд Август.

Он продолжал любить ее всю жизнь. А изменения, которые произошли в его характере под влиянием Барбары, были настолько разительными, что королева Бона более не смогла управлять сыном.

О любви живого Сигизмунда Августа к умершей Барбаре рассказывает и еще одно красивое предание. О Черной даме. Будто бы во время одного из своих приездов в Несвиж, к двоюродному брату Барбары Миколаю Радзивиллу Черному, привез с собою король чернокнижника, пана Твардовского. Чернокнижник пообещал вызвать дух Барбары в том месте, где ее по-настоящему любили и помнили. Король выбрал для сеанса Несвиж. Дух был вызван, и тут случилось непредвиденное. С криком "Моя Бася!" король кинулся к призраку, пытаясь обнять бестелесную тень. Силой своей любви Сигизмунду Августу удалось удержать Барбару на земле, не дать ей вернуться туда, откуда вызвал ее на время чародей. Теперь духу надлежало, блуждая в одиночестве по залам Несвижского замка, ждать земного конца Сигизмунда Августа, чтобы воссоединиться с ним в вечности. Король должен только пообещать, что, почувствовав конец, приедет умирать в Несвиж.

Но так уж случилось, что Сигизмунд Август не смог выполнить обещание. Барбара ждала своего возлюбленного более четырех столетий. Печальный дух ее еще в XX веке встречался жителям Несвижа. А дух Сигизмунда Августа в это время, тоже одинокий и несчастный, говорят, блуждал по своему краковскому дворцу...

СВЕТЛЕЙШИЙ ПИЛИГРИМ

В 1552 году, тоскуя по своей умершей жене Барбаре Радзивилл, король Сигизмунд II Август посетил Несвиж, где все помнили и любили покойную королеву. Как старого, доброго друга встретил вдового монарха хозяин Несвижского замка, двоюродный брат Барбары Миколай Радзивилл Черный. Но и он не смог развеять меланхолического настроения Сигизмунда Августа, в котором тот постоянно находился после смерти любимой женщины.

В тот приезд в Несвиж королем попался на глаза оставленный нянькой без присмотра трехлетний карапуз, наследник Миколая Черного, княжич Миколай Криштоф. Мальчик громко плакал. Сигизмунд Август нашел легкомысленную няньку и наказал ей успокоить "сиротку". Это случайно кинутое королем слово прилипло к сыну Черного на всю жизнь. Помня о том, кто и как дал ему это прозвище, Миколай Криштоф Радзивилл носил его с большой гордостью. С этим прозвищем он вошел в историю, прославился как государственный деятель, просветитель, литератор и путешественник.

Миколай Криштоф был вторым из Радзивиллов, родившихся в Несвиже. Любимец отца, он рос живым и любознательным мальчиком. Черный возлагал на него большие надежды, думая, что со временем Миколай Криштоф продолжит дело, начатое им. Начальное образование Сиротка вместе со своими тремя младшими братьями получил в родном городе, в протестантской школе, которую создал здесь его отец. Среди преподавателей школы были такие видные европейские литераторы и ученые, как Д. Бландарт, Ф. Станкир, Я. Тенандр, Д. Шоман. Знания здесь ученики получали основательные, воспитание — блестящее. Школа очень скоро после открытия стала пользоваться большим авторитетом, и многие магнаты Великого княжества Литовского считали за честь учить там своих детей. Среди высокородных учеников несвижской школы был, кстати, и будущий канцлер Великого княжества Литовского, блистательный политик и дипломат Лев Сапега. Некоторое время он считался лучшим другом младших братьев Миколая Криштофа.

Старший сын Черного радовал учителей своими успехами и жаждой знаний. Но приближаясь к годам юношеским, он подпал под влияние молодых повес из числа аристократов, которые, считая себя последователями веселого грека Анакреона, отдавались вину, азартным играм и предавались ласкам страстных, но предосудительно ведущих себя женщин.

Конечно же, поведение сына не могло не беспокоить владельца Несвижа и его супругу. Но напрасно они старались отвадить юного Миколая Криштофа от дурной компании. В 1562 году мать Сиротки скончалась, и по истечении траура, через год отец решил отправить сына на учебу за границу, в Страсбургский университет. Первые известия об успехах сына, полученные Черным из Германии, порадовали его. Смешливый юноша усердно "грыз гранит наук". Но старый князь прекрасно понимал, что при всем этом его сын не отказывает себе ни в одном из тех предосудительных развлечений, какие только доступны студенту. Поэтому в конце 1563 года в качестве рождественского подарка послал сыну вместе с лисьим мехом и 1000 талерами два экземпляра только что изданной Симоном Будным "Библии", на польском языке.

Следующий год учения Сиротки доставил его отцу еще больше переживаний, хотя начался довольно удачно. В феврале 1564 года в Несвиж пришло письмо от Миколая Криштофа, полностью написанное на латыни. В тексте не было ни одной ошибки. Значительными оказались успехи юного Радзивилла и в других науках — об этом в приписке к письму сообщал доверенный слуга. Обрадованный отец тут же отослал в Страсбург своему студенту денег вместе с родительским наставлением. Он просил "сильней приналечь на науки" и особенно на латынь: "С помощью Божьей хорошим оратором и хорошим писарем латинским домой готовься приехать, чтобы после наук... был достоин на службу к тем панам, к которым я тебя, если мне Пан Бог здоровье даст, устроить хочу, не жалея средств". Однако в конце лета 1564 года до Черного дошли слухи, что шведский король Эрик XIV послал своих людей в Страсбург с тайным поручением похитить его сына. Эрик XIV искал возможности выкупить из польского плена своего союзника, герцога макленбургского Криштофа. Ему нужны были родовитые заложники, на которых Сигизмунд II Август согласился бы обменять герцога. Наследник Черного, второй после своего монарха особы в Великом княжестве Литовском, вполне мог согдиться для этой цели. Старый Радзивилл всерьез забеспокоился. Он срочно послал в Страсбург своего человека, чтобы если еще это можно, спасти Миколая Криштофа. Сам же срочно выехал в Берестье, чтобы быть поближе к месту действий. В своем берестейском замке Черный с нетерпением ждал известий о судьбе сына. Посланный им человек успел вовремя. Шведам не удалось заполучить себе сына князя Радзивилла.

Позднее в письме Миколаю Криштофу, отец так рассказывал о своих волнениях: "По ночам был лучшим стражником Берестья, чем те холопы, что ходят по улицам и кричат".

Переживания за Миколая Криштофа очень сильно пошатнули здоровье Черного, возможно, даже ускорили его кончину. Это произошло в 1565 году. В неполные шестнадцать лет легкомысленный Миколай Криштоф превратился в главу семейства. И прозвище его, Сиротка, вдруг обрело совсем другой смысл.

Получив известие о смерти отца, он немедленно выехал на родину. В слезах и искренних раскаяниях провел молодой князь несколько месяцев в Несвиже, ежедневно посещая могилу отца. А потом его дядя Миколай Рыжий, согласно последней воле усопшего, отправил Миколая Криштофа в путешествие по Европе. Даже в последние минуты своей жизни продолжая заботиться о любимом сыне, Черный решил, что впечатления от европейских достопримечательностей быстрее всего смогут развеять печаль осиротевшего Миколая Криштофа. Это путешествие длилось два года, с 1566 по 1568. Сиротка изъездил всю Германию, побывал во Франции, Австрии, Италии. Некоторые исследователи считают, что в это время он не только любовался чужеземными красотами, но и продолжал свое образование в Лейпцигском университете.

Но молодости свойственно искать себе учителей не только в науках, а и по жизни. Знакомство с тридцатилетним Петром Скаргай, будущим прославленным проповедником, иезуитом, известным религиозным и политическим деятелем, которое произошло в этот период, уверило Сиротку, что он нашел того, кто сможет направить его в этой жизни на путь истинный. Скарга восхитил молодого Радзивилла своими пламенными, яркими проповедями, наполненными искренней верой, убежденностью в божественной миссии католической церкви, разоблачительной силой. Под его влиянием Миколай Криштоф стал все больше и больше склоняться к мысли о том, что протестантизм уводит человека от истинного понимания божественного, делает его союз с Богом непрочным. К усилению сомнений Сиротки в вере его отца "приложил руку" также и хитрый политик, папский нунций Ян Камедони. Это привело к тому, что в 1567 году Радзивилл перешел в католичество.

Вскоре после этого Сиротка вернулся на родину. Там его с нетерпением ждал сосед, граф Юрий Ильинич. У бывшего воспитанника Миколая Черного, красивого сильного мужчины в расцвете лет вдруг появились странные предчувствия. Он решил, что скоро умрет. А поскольку не был женат и не имел наследника, то

пожелал передать все свои владения сыну человека, который заменил ему самому когда-то отца. Для того, чтобы осуществить задуманное, он усыновил девятнадцатилетнего Миколая Криштофа.

В следующем году Ильич действительно умер. Сиротке отошли город Мир с окрестностями и Белая. К его титулу "князь на Несвиже и Ольке" добавился еще и титул "граф на Мире". В этом же году Миколай Криштоф получил свою первую государственную должность. Он стал маршалком надворным литовским — заместителем маршалка великого литовского, который был управляющим Двором, Министром внутренних дел и главным распорядителем в сенате и на сеймах одновременно. Таким образом Миколай Криштоф Радзивилл становился одним из высших сановников великокняжеского двора, членом сената, т. е. одним из панов-рады¹⁰. Маршалком великим литовским и непосредственным начальником Сиротки в это время был граф Ян Ходкевич, мужественный человек и искренний патриот своей родины. По долгу службы молодому Радзивиллу сразу же пришлось включиться в напряженную работу по обсуждению условий унии Великого княжества Литовского с Королевством Польским. Уния эта позднее вошла в историю под названием Люблинская.

Идея объединения Польши с ее восточным соседом витала в воздухе уже со времен короля Ягайло. Рядом династических союзов и политических актов эти два государства с XIV века все более и более привязывались друг к другу.

Но мечтая о едином с литвинами государстве, поляки добивались не объединения с ними на равных правах, а присоединения их земель к Королевству, не федерации, а объявления Великого княжества Литовского восточной частью Польши. При таком слиянии литвины лишались многих своих прав и привилегий. И поэтому патриоты княжества всеми силами противились унии. А поляки использовали любую политическую неурядицу, любые трудности соседей, чтобы под предлогом искренней помощи навязать им ее.

На этот раз польские политики воспользовались тяжелым положением княжества, вызванным многолетней кровопролитной войной с Иваном Грозным. После длительных предварительных переговоров в январе 1569 года Сигизмунд II Август созвал своих польских и литовских подданных на сейм в город Люблин. Но, как и следовало ожидать, быстрой договоренности и взаимной удовлетворенности не получилось. Сейму было суждено длиться аж семь месяцев. Польские паны гнули свою политику присоединения.

¹⁰ Паны-рада — члены верховного совета при короле или Великом князе.

Яростными защитниками прав литвинов выступали Ян Ходкевич и дядя Сиротки Миколай Радзивилл Рыжий. Ходкевич от имени всех делегатов Великого княжества Литовского заявил: "Мы желаем, чтобы при заключении унии были сохранены наши права и уставы". А когда его оппоненты стали настаивать на том, что княжество будто бы и так уже является частью Польши на основе старых актов, составленных поляками еще при Ягайло (но не подписанных литвинской стороной), Радзивилл Рыжий высказался: "Знаю, что Ваши милости хорошо хранили эти старые грамоты в сундуках и еще где. А вот раньше, хоть поляки присягали Литве, а Литва полякам, но хорошо дружили: не было пергаментов меж нами, а проливали поляки кровь за Литву, так же как Литва за поляков, не имели списков, а имели сабли и мечи".

Затаив дыхание, наблюдал Сиротка, как все больше и больше в зале заседаний накалялись страсти. Вскоре стало ясно, что Сигизмунд II Август все решительнее склоняется на сторону поляков. Объединения на любых условиях требовала и большая часть измученной войной мелкой шляхты Великого княжества Литовского. И вот уже возникла опасность насильственного заключения унии на условиях поляков. Когда представители княжества поняли это, они в знак протеста 1 марта 1569 года покинули Люблин.

Тогда поляки добились от Сигизмунда Августа издания универсала о присоединении к Королевству Польскому Волыни, Подолии и Киевщины. И поспешили включить их в состав своего государства. Территория Великого княжества уменьшилась почти на половину. А большая часть оставшихся за ним земель была захвачена войсками Ивана Грозного. Паны-рады решили начать войну с Польшей. Думали даже заключить договор о совместных действиях с крымским ханом. Однако против этих планов выступила шляхта. Ее позиция отрезвила головы радцев. Они сообразили, что находясь в состоянии войны с Русью начинать борьбу против Польши было бы самоубийством для государства. В таких условиях и Польше, и княжеству следовало пойти на взаимные уступки. Окончательным решением обе стороны были в какой-то мере недовольны, но, скрепя сердце, подписали договор. По нему высшим органом власти становился вальный (всеобщий) сейм, который мог собираться только в Польше. Правитель должен был быть общим. Выбирала его шляхта "обоих народов". Он сразу же становился королем Польским, Великим князем Литовским. При этом новое государство имело федеральную структуру. В обеих составивших его частях сохранялись свои администрация, войска, казна, право чеканки монеты, судебный аппарат, законодательство, гербы и флаги. Сохранялись и свои

государственные языки. В Польше — латынь, а в княжестве — литвинский (белорусский).

Сиротка видел все перипетии этой борьбы и активно участвовал в ней. И хотя являлся горячим противником унии, однако вынужден был подписать договор. Впрочем, он осознавал, что Великое княжество Литовское все же сохранило некоторую государственную самостоятельность. Значительно позднее Миколай Криштоф писал кардиналу Ежи Радзивиллу, своему младшему брату: "Я выражаю уверенность, что ты продолжаешь называть себя литвином, а не поляком".

В скором времени после Люблинской унии Миколаю Криштофу пришлось вновь принимать участие в политической борьбе. Причем был он на этот раз не второстепенной фигурой, а одним из тех лиц, от которых зависела судьба двух стран и нескольких народов. Летом 1572 года Речь Посполитую поразило печальное известие — Сигизмунд II Август умирает.

После заключения Люблинской унии король (это замечали многие) как-то сразу постарел, сдал. Он почти совсем отошел от державных дел, погрузился в мистические размышления. Поговаривали, что в ночь после подписания объединительных грамот во сне к нему явился призрак покойной королевы Барбары и со слезами на глазах укорял его в содеянном. Но это были только пустые сплетни. Короля не мучили угрызения совести. Мало того, кажется, он даже не осознавал того, что совершил нечто во вред своим подданным. Он считал Люблинскую унию благом для всех. А вот образ королевы Барбары действительно стал вновь преследовать его, но несколько в ином виде.

В 1570 году, проезжая по своей столице Кракову, Сигизмунд Август выделил среди толпы подданных стройную женскую фигурку. И сердце в его груди замерло... Эта горожанка и лицом, и статью была как две капли воды похожа на женщину, которую король любил всю жизнь. Он приказал привести незнакомку к себе в замок. И умышленно принял ее в той зале, где на стене висел портрет королевы, — впечатление было таким, будто это у своего портрета стоит воскресшая Барбара Радзивилл. Монарх спросил у женщины, как ее имя. Она назвалась, и по щекам его потекли слезы боли и радости. Ее тоже звали Барбарой. Барбарой Гижанкой. Мистически настроенный Сигизмунд Август решил, что это небеса смилостивились над ним. Вернули ему его возлюбленную таким дивным способом. И Барбара Гижанка стала королевской фавориткой.

Вскоре, правда, выяснилось, что чуда никакого не было. Женщину, похожую на королеву и носящую такое же, как она, имя, специально нашли и подсунили Сигизмунду Августу поляки, рассчитывая потом через нее навязывать монарху выгодные им решения в государственных делах. Но, раскрыв "тайну Барбары Гижанки", король тем не менее уже не мог расстаться с прелестным орудием обмана. Государственные дела он с нею не обсуждал, но пылко и нежно говорил о любви.

Надо отдать должное Гижанке, она не упустила возможность воспользоваться своим положением. Поспешила выпросить у короля богатые имения, множество украшений, ценностей, денег. И даже чуть не добилась от Сигизмунда Августа объявления ее новой женой и королевой, заявив бездетному монарху, что ждет от него ребенка.

Подданные возмущались наглостью краковской горожанки. Особенно это возмущало Радзивиллов, которые видели, как высокую трагедию чувств государя к представительнице их рода Гижанка превращает в пошлый фарс.

Женитьбе короля на фаворитке помешала только внезапная болезнь Сигизмунда Августа летом 1572 года, которая, по заключению медиков, должна была окончиться смертью.

Чувства Миколая Криштофа, узнавшего об этом, были довольно противоречивы. Он жалел старого короля, который дружил с его отцом и всегда относился к нему с отеческой добротой, но при этом радовался тому, что авантюра Гижанки сорвалась, и державе не пришлось испытать такого позора. Он тешил себя мыслью, что печальная душа Сигизмунда Августа, может быть, обретет в иной жизни успокоение, но очень беспокоился о судьбе Великого Княжества Литовского. Драматические события вокруг Люблинской унии помогли Сиротке повзрослеть, осознать свое место в этой жизни — место, рядом с истинными патриотами державы.

Еще не испустил свой последний вздох король Речи Посполитой, а здравомыслящие его подданные начали задумываться о будущем своей родины. В маленьком лесном селении на польско-литовской границе состоялась встреча. Тайно приехали сюда Миколай Криштоф Радзивилл вместе с маршалком великим литовским графом Яном Ходкевичем для того, чтобы переговорить с легатом папы римского Григория XIII Яном Комедони и его помощником Грациани. Собравшиеся обсудили сложившееся положение. Комедони сообщил, что он по поручению папы ведет борьбу за то, чтобы польским королем и Великим князем Литовским не стал протестант. Потому будет оказывать всяческую поддержку любому из представителей

Габсбургов, который после смерти бездетного Сигизмунда II Августа станет претендовать на освободившийся престол. Литвины же пообещали, что сразу же после смерти короля объявят Великим князем Литовским одного из сыновей императора Священной Римской империей Максимилиана II Габсбурга. И добавили, что если полякам это не понравится, то против них будет выставлено 25-тысячное конное войско.

Казалось, что интересы договорившихся сторон совпадали. Однако Сиротка заявил, что они думают не только выбрать правителя раньше поляков и независимо от них, но и вернуть быдую самостоятельность. Мол, мы выбираем себе Великого князя Литовского, а они пусть выбирают своим королем, кого захотят. Комедони это заявление крайне не понравилось. Папа Григорий XIII рассматривал Речь Посполитую как одну из главных своих опор в борьбе с протестантизмом. Распад этого государства ослабил бы его позиции. Поэтому посланник папы попробовал отговорить Ходкевича и Сиротку от их планов, прозрачно намекая на давнее знакомство и добрые отношения с Миколаем Криштофом. Но литвины в один голос заявили, что решают не свои личные дела, а судьбу Великого княжества Литовского, поэтому ни в чем не отступят от своих требований.

После долгих споров согласие все же было достигнуто. Ходкевич и Сиротка согласились на сохранение унии, но при этом выдвинули ряд условий. Во-первых, княжеству будут возвращены земли, которые Польша присвоила перед заключением унии: Вольнь, Подолия и Киевщина. Во-вторых, епископов Великого княжества Литовского будут выбирать местные каноники. В-третьих, на все государственные должности будут назначаться только граждане княжества.

Красноречие папскому нунцию в этот раз не помогло. Он так и не смог переубедить собеседников и вынужден был принять их условия. Договор между "глубокоуважаемыми сторонами" был скреплен взаимными клятвами.

7 июля 1572 года ушел в мир иной Великий князь Литовский и король Польский Сигизмунд II Август. Династия Ягеллонов по мужской линии пресеклась. Перед подданными покойного монарха встала задача выбора нового правителя. Коронованные соседи между тем развили бурную деятельность. Каждый примеривал на себя освободившиеся корону и великокняжеский венец.

Обстановка была опасна и непредсказуема. Но в головах польских магнатов в это время родилась счастливая мысль, которая в некотором роде помогла взять ее под контроль.

Через несколько месяцев после торжественных похорон Сигизмунда II Августа в скромно обставленный покой варшавского королевского замка, где, перебирая четки, сидела облаченная в черный бархат пятидесятилетняя грузная женщина, буквально ввалились семь шумных панов с саблями на боку и лихо закрученными длинными усами.

— Ваша милость, панна королевна! — обратились они к женщине. — Мы появились тут, чтобы обрадовать вас. Решено, что именно вам надлежит стать нашей королевой и госпожой. Так как наш покойный король не оставил наследника, вы как его сестра станете государыней Речи Посполитой.

— На каких условиях? — затаив дыхание, спрашивает осторожная Анна Ягеллонка (ибо это именно она).

— На тех же, что и королева Ядвига, — отвечают польские магнаты.

Тому, кто неплохо знает отечественную историю, ситуация может показаться комичной. Ибо известно, что королева Ядвига, прямая наследница польской короны, была объявлена королевой на условиях, что править и решать наиболее важные государственные дела будет тот, кто женится на ней. Мужчина. Но руку юной красавицы легко было предлагать. Анна же Ягеллонка давно уже вышла из брачного возраста.

Не отличавшаяся красотой и в молодые годы, сейчас она имела двойной подбородок и была слепой на один глаз (результат тяжелой болезни). Выслушав бодрое сообщение своих подданных, сестра Сигизмунда II Августа тоже чуть не рассмеялась. Изо всех сил пытаясь сохранить достойный вид, она проговорила:

— Ну что же, раз паны так решили, пусть так и будет. Ищите мне мужа!

Ей даже не верилось, что найдется хоть кто-то, кто откликнется на это предложение магнатов. Каково же было удивление Анны, когда она узнала, что претенденты на ее руку есть. И их много. Император Максимилиан II предложил своего сына, эрцгерцога Эрнеста (18-летнего юношу). Вдовствующая королева Франции Катарина Медичи и ее старший сын король Карл IX начали хлопотать за своего сына и брата, двадцатичетырехлетнего принца Анри Валуа. Нашлось еще несколько претендентов из мелких европейских государств. Однако их сразу отмели за никчемностью. В Польше королевской короны жаждали несколько представителей из боковых ветвей королевской династии Пястов и один из лидеров польских протестантов, воевода краковский Ян Фирлей. В жилах последнего не было ни капли

королевской крови, однако он прекрасно знал, какую силу может представлять многочисленная шляхта. Ян Фирлей громко и клялся в любви к ней, и поэтому шляхта Малопольни стояла за него горой.

Были еще два претендента на королевский трон. Своеобразные. Они не собирались жениться на Анне. Тем не менее, рассчитывали получить корону. Одним из них был шведский король Юхан II Ваза. Его первой супругой была родная сестра Сигизмунда Августа и Анны Ягеллонки, Катажина. Правда, при венчании она подписала документ о том, что ни она сама, ни ее муж, ни их дети не будут ни при каких обстоятельствах претендовать ни на польскую корону, ни на литовский великокняжеский венец. Но Юхан Ваза не считал это серьезным препятствием. Вторым претендентом был русский царь Иван Грозный. Ради такого дела он даже приостановил военные действия. Его войска прекратили наступательные операции и лишь удерживали захваченные территории. Иван Грозный обещал быть защитником подданных и хорошим правителем. Заявил также, что не только турок разобьет совместными усилиями, но и "Рим и никакое другое королевство тогда не устоит".

Как ни странно, у него нашлось в Речи Посполитой много сторонников. Одни надеялись таким образом покончить с войной. Другие мечтали о государе из славянского рода. Православные хотели иметь правителя — единоверца. Польской шляхте, которая, кстати, не изведала тягот войны с Московией, русский царь нравился именно своей воинственностью. Они надеялись, что под его руководством смогут захватить Силезию, "выбьют турок за Дунай". Впрочем здравомыслящие люди осознавали, что правитель, заливший кровью своих же подданных собственную землю, не станет хорошим для чужих. В одной из бесед с Миколаем Радзивиллом Рыжим Сиротка сказал: " Не дай Бог, чтобы правил нами московский колпак". А Ян Ходкевич вообще готов был "любого признать своим господином, кроме московского царя". Однако ради сохранения перемирия дипломаты Великого княжества Литовского поддерживали у грозного царя уверенность, что выбран будет именно он.

По мере приближения окончательного срока выборов, напряжение все возрастало. Каждый из кандидатов развернул бурную агитацию. В ход шли обещания, клятвы, лесть и золото. Последнее сыпалось дождем. Заключались самые немыслимые союзы, плелись интриги. Польскую общественность лихорадило то, что им совершенно не была известна позиция литвинов. Среди них ходили слухи, что те уже давно выбрали себе государя, то ли московского царя, то ли императорского сына.

5 апреля под Варшавой открылся выборный сейм. Сиротка и Ходкевич прибыли на него значительно раньше всей делегации Великого княжества. И сразу же развили активную деятельность среди вольнских, киевских, брацлавских делегатов. Неустанно напоминали им о том времени, когда их воеводства входили в состав Великого княжества Литовского. Воскрешали в памяти события недавнего прошлого, тот незаконный акт, которым эти земли были присоединены к Польше. Уговаривали их вновь вернуться в Великое княжество Литовское. Предлагали план совместных действий.

Заседание сейма проходило бурно, со скандалами, руганью, взаимными обвинениями и разоблачениями. Благодаря дипломатическим способностям, красноречию и щедрым обещаниям французского посла Манлюка, который в своей речи больше двух часов расхваливал поляков, восторгался их умом, героизмом и прочими качествами, большинство голосов получил Анри Валуа (об этом кандидате, кстати, хлопотала и Анна Ягеллонка). Манлюк еще до сейма благодаря хитрости, личному обаянию и золоту, которым его щедро обеспечила мать принца Катарина Медичи, привлек на свою сторону не только большую часть польской мелкой шляхты, но и нескольких влиятельных магнатов. Неожиданно примкнул к его лагерю и легат Комедони.

Впрочем для окончательной победы Манлюк должен был заручиться поддержкой и голосами делегации Великого княжества Литовского. Тем более, что киевские, брацлавские и вольнские вельможи также выжидали решения своих бывших соотечественников. Поэтому он с помощью Комедони тайно встречался с Миколаем Криштофом Радзивиллом и Яном Ходкевичем. Литвины к предложению француза отнеслись далеко не так, как поляки. Золото их не интересовало. Лесть на них не действовала, пустые обещания тоже. Сиротка и Ходкевич в один голос заявили, что отдадут свои голоса за французского принца только в том случае, если будет гарантировано выполнение их условий. А их было значительно больше, чем при переговорах с Комедони, когда было решено голосовать за Эрнеста Габсбурга. К старым требованиям добавился еще целый ряд. Новый государь должен был добиться того, чтобы все захваченные Иваном Грозным земли были возвращены княжеству. Законы, привилегии в княжестве должны быть сохранены нерушимыми. Более того, вальные (всеобщие) сеймы необходимо проводить как в Королевстве Польском, так и в Великом княжестве Литовском. Когда они будут созываться в Литве, то дела княжества станут рассматриваться в первую очередь. На все должности, как светские, так и духовные, будут назначаться только местные уроженцы. Ливония ни при каких обстоятельствах не будет

оторвана от Великого княжества Литовского. Лишь на одну уступку согласились делегаты Литвы — сохранить за Польшей часть отторгнутого перед Люблинской унией Подляшья.

Манюк прекрасно понимал, что эти требования фактически аннулируют постановления Люблинской унии. Но вынужден был поклясться в их выполнении. Как и в выполнении требований делегатов Вольни, Киева и Брацлава о том, что их земли воссоединятся с Литвой и никогда не будут от нее оторваны.

В результате всех этих перипетий на выборах победили сторонники Анри Валуа. И в августе 1973 года делегация Речи Посполитой в составе четырех уполномоченных послов и свиты отправилась в Париж, чтобы пригласить принца на правление. Этими послами были архиепископ краковский, польский магнат Ласский, киевский воевода Пронский и двадцатичетырехлетний Миколай Криштоф. Спустя триста лет после этих событий знаменитый французский писатель Александр Дюма-отец так описал торжественное прибытие делегации в столицу Франции: "На следующий день с утра все население Парижа двинулось к воротам Сент-Антуан, откуда должен был состояться въезд польских послов в Париж. Цепь из швейцарцев сдерживала толпу, отряды кавалерии расчищали путь для придворных вельмож и дам, ехавших встречать послов. Вскоре около аббатства Сент-Антуан показался отряд всадников в красно-желтых одеждах и меховых шапках и плащах с обнаженными кривыми, как у турок, саблями. На флангах ехали офицеры.

За этим отрядом двигался другой отряд, одетый с восточной роскошью. А вслед за ним ехали послы. Их было четверо, представлявших собой самое сказочное рыцарское королевство шестнадцатого века...

...Вслед за двумя главными послами и за сопровождавшими их еще двумя другими ехало множество польских вельмож на лошадях в роскошной сбруе из шелка, золота и драгоценных камней, что вызывало шумное одобрение народа. И в самом деле, польские гости совершенно затмили французских всадников, хотя они были тоже богато разодеты и называли поляков варварами"...

В торжественной обстановке послы обменялись приветственными речами с членами королевской семьи. Это был довольно интересный ритуал. В тронном зале Лувра послы по старшинству подходили к возвышению, где на троне восседал король Франции Карл IX, а чуть ниже — его мать, братья и сестра, и произносили на латыни полные вежливых комплиментов речи. Каждому из четырех послов отвечал кто-нибудь из Валуа. Седой архиепископ обменялся

приветствием с самим королем. Ласскому пришлось расточать любезности королеве-матери. Пронский учтиво переговорил с младшим братом Карла IX и Анри Валуа, герцогом Франсуа Алансонским. Миколаю же Криштофу, наверное, как самому молодому, самому обаятельному и учтивому из послов, было поручено приветствовать королевскую сестру, красавицу Маргариту Наваррскую, известную нам больше под именем королевы Марго.

Французские историки, между прочим, свидетельствуют о том, что комплименты, высказанные в адрес Маргариты польским послом "были так свежи, очаровательны и неожиданно прекрасны", что красавица не удержалась от "реверанса любезному сармату".

Кажется в эти дни во Франции все были счастливы. Кроме... самого Анри Валуа. Идея сделать его королем Речи Посполитой принадлежала вовсе не ему, а его родственникам. Сам же он считал необходимость ехать в Краков равносильной изгнанию. Потому что во Франции оставалась женщина, которую он страстно любил, принцесса Мари де Клев. Анри Валуа не мог назвать ее своей супругой, так как она была уже замужем. Но он находил утешение в возможности видеть принцессу Мари и издали вести с ней нежные беседы. Со слезами на глазах Анри Валуа прощался с Парижем, покидая его вместе с делегацией своих будущих подданных.

Несколькими неделями позже французский принц торжественно прибыл в Краков, где вскоре и был коронован. Перед обрядом он подтвердил все обещания, данные от его имени Манлюком, и дал слово чести в течение года жениться на Анне Ягеллонке. По тому, что Валуа предварительно даже не попросил аудиенции у королевны, Ягеллонка сделала правильный вывод, что Анри абсолютно все равно, кто будет называться его женой. И корона Речи Посполитой ему тоже была безразлична.

Из Анри Валуа получился довольно странный король. Конечно, он красиво выглядел, сидя на троне (Анри был отчаянным модником. К тому же многие современники считали его "самым приятным, самым воспитанным и самым красивым принцем" своего времени). Но государственные дела его совсем не интересовали. Он даже не выказывал желания изучить хотя бы один из языков, на котором говорили его подданные: ни польский, ни белорусский, ни латынь. Складывалось впечатление, что в этой стране Анри Валуа не желал ни разговаривать с кем-либо, ни понимать кого-либо. Во время обсуждения самых насущных вопросов политики и экономики Речи Посполитой он нередко сидел с задумчивым, отсутствующим лицом. И не слушал даже того, что переводил ему толмач.

Из Кракова он продолжал слать во Францию предмету своей любви нежные письма. Одно из них перехватили верные люди Анны Ягеллонки. Но королева не стала устраивать скандала. Так как хорошо понимала, что не вправе рассчитывать на любовь мужчины, который годился ей по возрасту почти во внуки. Однако это было ей неприятно.

15 июля 1574 года неожиданно в Краков пришло письмо от Катарины Медичи, в котором она сообщала любимому сыну о внезапной смерти Карла IX. Старая королева призывала Анри вернуться скорее домой и принять французскую корону.

Узнав о письме, магнаты Речи Посполитой с тревогой спросили у своего короля, что он намеревается предпринять? У него же есть определенные обязательства перед страной.

— Прежде всего я — король Польский. Я вас не покину, — ответил Анри Валуа. И, чтобы развеять все сомнения своих подданных, приказал готовить все к его браку с Анной Ягеллонкой.

17 июля он наведаясь к своей немолодой невесте и около часа вел с нею светскую беседу на итальянском языке, единственном, кроме французского, которым владел.

А на следующий день, устроив пышный пир и напоив весь двор так, что многие ясновельможные паны завалились под стол, Анри Валуа с пятью надежными слугами покинул замок. "На всякий случай" он захватил с собою и сокровища польской короны. Естественно, столько, сколько мог унести.

Однако, даже сильно пьяные магнаты, заметив отсутствие короля, сумели организовать погоню. Среди тех, кто кинулся вдогонку за убегающим монархом, был и Сиротка. Король чуть не попал в руки своих преследователей. Бешеная скачка продолжалась всю ночь и окончилась только утром, когда, почти загнав своего коня, Анри Валуа пересек австрийскую границу.

Оскорбленные подданные были не в силах сдержать слов возмущения. "Неблагодарный, бессовестный, развратный... присягал одному государству, а сейчас, как вор ночной, удрал в другое...", — сетовали они.

Согласно преданию, в это же время, утешая Анну Ягеллонку, по чести которой сильно ударил поступок жениха, Петр Скарга, незадолго до этого ставший ее исповедальником, сказал:

— Оскорблена тут не только ваша милость, но и вся Речь Посполитая. Такие грехи Господь людям не прощает. Если его величество пан король не одумается и не вернется к нам с покаянием, то скоро мы увидим, как он будет наказан небесами.

Анри Валуа не вернулся. Напрасно Миколай Криштоф ездил во главе посольства во Францию, напрасно объявлял ему ультимативные условия поляков и литвинов: или король возвращается назад в самое ближайшее время, или его лишат короны.

Анри Валуа стал французским монархом, Анри III.

И тогда сбылось страшное предсказание Петра Скарги. Вернувшийся во Францию бывший король Речи Посполитой нашел свою возлюбленную Мари де Клев в слезах. Муж обижал ее и оскорблял, несмотря на то, что она собиралась подарить ему ребенка. Анри III стал хлопотать о разводе принцессы Мари, чтобы сделать ее своей женой и королевой Франции. Но пока велись переговоры с папой римским, нежная Мари умерла во время родов. Ее смерть настолько поразила Анри III, что с ним произошел нервный срыв. После этого французский король стал безразличным к женщинам настолько, что даже не смог занять наследника.

И, в конце концов, в 1589 году Речь Посполитую потрясла весть о том, что их бывшего монарха убил монах-фанатик Жан Клемай.

Впрочем, все это случилось позже. А в 1574 году, после позорного бегства Анри Валуа от своих подданных, перед поляками, белорусами, литовцами и западными украинцами остро встал вопрос о выборе нового короля. Обязательным условием прошлых выборов была женитьба претендента на корону Речи Посполитой на Анне Ягеллонке. Анри Валуа, короновавшись, не выполнил своих обязательств ни перед державой, ни перед Анной. Поэтому энтузиазм польских магнатов, которые, собственно говоря, и были инициаторами брака Ягеллонки и очередного польского короля, значительно утих. От новых претендентов на престол уже не требовали, чтобы они обязательно женились на престарелой королевне.

Очередной список желающих стать королями Польши оказался еще более внушительным, чем предыдущий. В него вошли как прежние, так и новые кандидаты. Самыми главными из них были германский император Максимилиан II, его сын Эрнест Габсбург, шведский король Юхан III Ваза, герцог Феррарийский Альфонс, Иван IV Грозный, князь Семиградский Стефан (Иштван) Баторий. Из них только последний соглашался стать мужем Ягеллонки. Он был холост и всего лишь на десять лет моложе королевы. Поэтому Анна развернула широкую деятельность по агитации шляхты и магнатства за Стефана Батория. Впрочем, энергичный, сильный, умный семиградский князь вскоре и без этого завоевал множество приверженцев в Польше, потому как обещал, что в случае избрания его королем Польским и Великим князем Литовским, он сохранит все права и

вольности магнатов и шляхты, оплатит королевские долги, даст восемьсот тысяч золотых на нужды армии, выкупит пленных из русской и татарской неволи, отвоюет все захваченные Иваном Грозным земли, приведя из семиградской земли войска.

28 апреля 1576 года Стефан Баторий был обвенчан с Анной. И в тот же день коронован.

Однако в Великом княжестве Литовском это известие большого восторга не вызвало. Ведь Батория выбрали без их согласия. Еще до коронации, 19 апреля открылся Городельский сейм. Делегаты заявили, что нельзя больше терпеть польское высокомерие, пора сбить с них спесь. Негодовали, что поляки навязывают им своего избранника и постановили — в случае, если те начнут все же силой добиваться признания своего решения, с чистой совестью объявить унию аннулированной и самим выбрать себе Великого князя.

К Стефану Баторию отправилось посольство, которое возглавлял Ян Глебович. Он сообщил о решении сейма, сослался на унию, где указывалось, что ни один народ не вправе ничего обсуждать без согласия другого, а так же выбирать себе правителя. Выразил недовольство тем, что Баторий, несмотря на то, что литвины его не выбирали и не приглашали на великокняжеский престол, начал употреблять титул Великого князя Литовского. Объявил, что граждане княжества не признают его за своего правителя. А сенаторам Ян Глебович заявил: "Вы, поляки, вырвали все из наших рук: вы несправедливым образом оскорбили нас, не дали нам участвовать в элекции и королевской коронации. Поэтому мы протестуем против нарушения этих прав и считаем себя свободными от уз унии с Польшей".

Антипольские настроения, которые в это время охватили все Великое княжество Литовское, действительно давали возможность отказаться от федерации и вновь стать самостоятельным государством. Радзивиллы, которые в очередной раз встали во главе этого движения, собирались провозгласить своим правителем Максимилиана II. Однако вмешался Ян Ходкевич. Он узнал о том, что император вел тайные переговоры с Иваном Грозным. Монархи договорились о разделе сфер влияния. Иван IV должен был помочь посадить сына Максимилиана II, Эрнеста, на польский трон. Император же, в свою очередь, не чинил бы препятствий в завоевании Московской Ливонии и Великого княжества Литовского. Ходкевич понял, что в таких условиях начинать открытую борьбу с Польшей было бы опасно. Лучшим выходом из положения сейчас было бы признать Батория. Он и призвал к этому магнатов и шляхту. Удалось Ходкевичу убедить в своей правоте и Радзивиллов, которые, оговорив все-таки несколько

моментов и выдвинув Баторию целый ряд требований от имени литвинов, согласились присягнуть ему, как своему господину.

Впрочем, роль Сиротки в последних политических событиях несколько поуменьшилась. Причиной тому было внезапное ухудшение здоровья. Почувствовал себя плохо Миколай Криштоф в августе 1575 года. В своем дневнике он писал: "Тяжелая болезнь с окрутными болями и разных других мелочей полная... постигла меня". Напуганный этим, Сиротка посчитал, что болезнь послана ему в наказание Богом, чтобы он, грешник и распутник, вспомнил о жизни праведной. "Ибо если Господь мне неисчислимые благодеяния и ласки свои показывал, я ему не только, от грехов отступив, благодарность не высказал, но и по молодости лет моих, милость его не использовал, грехи к грехам добавив", — читаем мы в его дневнике.

В сентябре того же года он дал зарок, что "...как только милосердный Господь Бог вернет здоровье, так я могилу Спасителя Господа моего в Иерусалиме наведаю". Князь обращался к самым титулованным врачам. В 1587 году лечился на курорте Яворово (на Западной Украине). В следующем — в Германии. По дороге Миколай Криштоф послал письмо папе римскому Григорию XIII, в котором поведал о болезни, постигшей его, и о своем обете. Папа вскорости ответил "возлюбленному сыну, шляхетному мужу Миколаю Криштофу Радзивилу". В послании одобрил и лечение на курортах, и мысль о путешествии в Иерусалим. Сообщил, что дает ему свое апостольское благословление и желает удачи, благополучного путешествия и скорейшего выздоровления.

Лекарства ли, а может, смена климата способствовали некоторому улучшению состояния здоровья Сиротки. Он начал думать о том, чтобы выполнить данный им обет. Но не нашел в Германии никого, с кем мог бы обсудить свои планы, от кого получить информацию о том, как, на чем и с чем необходимо ехать. Поэтому решил возвратиться на родину, собраться и отправиться ко Гробу Господню через Италию.

Тем временем Стефан Баторий укрепил свое положение в государстве. Благодаря решительным мерам, он смог укомплектовать и вооружить большую армию. А деньги позволили пригласить венгерских и немецких наемников. В 1579 году Баторий объявил Ивану Грозному войну. В первую очередь король Польский и Великий князь Литовский решил освободить Полоцк. Сиротка, как того "...положение его рыцарское требовало от него, чтобы он королю... против всеобщего отечества неприятеля помог", выехал на место боевых действий. Неоднократно он участвовал в боевых схватках. Под

стенами Полоцка был ранен пулей в голову. После того, как пришел в себя после ранения, Миколай Криштоф решил подлечиться на курорте в Италии, а затем все же отправиться в обещанное Богу паломничество. Однако, за лечением, посещением по рекомендациям лекарей то одного курорта, то другого, время пролетело до августа 1580 года. Совершать же плавание в Иерусалим осенью было довольно опасно из-за сильных бурь. Но Сиротка был готов пойти и на такой риск. Остановило его только известие, что в Греции, Сирии, Палестине и Египте свирепствует мор.

А с родины в это время пришло известие о том, что Стефан Баторий намеревается продолжать войну. Миколай Криштоф, перезимовав в Италии, вернулся домой и принял участие в походе сотысячного войска на Россию. Польско-литовское войско несло под стенами этого города огромные потери. Осада складывалась неудачно. Псковичи, проявляя героизм, отбили 31 штурм, совершили 46 вылазок. Несомненно, их стойкость и мужество спасло от поражения Ивана Грозного, который в это время лихорадочно пытался собрать армию, способную противостоять войску Стефана Батория. И не смог. Баторий же не мог вечно стоять под стенами осажденного города, а идти дальше, оставив его за своей спиной непокоренным, было опасно. Военная компания успехов не приносила, потому польский король и Великий князь Литовский решил начать переговоры о мире.

Сиротка к зиме вернулся в Несвиж. Здоровье его после долгого "сидения" в осаде под Псковом снова пошатнулось. Друзья и знакомые знали о данном им обете и дружно начали уговаривать его отказаться от задуманного. Да и сам князь уже находил в душе предлоги для того, чтобы уступить. Ведь он обещал поехать в Иерусалим только в том случае, если выздоровеет. И все же, в конце концов, ему удалось переломить себя, найти мужество сознаться, что если уж он всюду ездит и даже в войне участвует, то и далекое путешествие сможет совершить. Ибо "...если все это ради земного короля, либо приятеля, или из потребности какой делаю, то почему ж бы трудностей того путешествия стал опасаться, какое самому Богу, королю над королями, подателю всех благ, клятвенно пообещал".

Сиротка составил завещание (ибо не знал, вернется ли из путешествия) и в августе 1582 года выехал в Гродно к королю, чтобы, как это и положено вассалу, сообщить государю о своем решении и проститься. Стефан Баторий как мог отговаривал Миколая Криштофа от этой поездки. Однако Радзивилл ответил ему, что решился окончательно, ведь в случае отказа от задуманного он навек бы на

себя гнев Господа, к тому же дал бы возможность людям "трепать о себе языками" и тем самым навредил бы себе, своей репутации. Тогда Баторий посоветовал ехать через Константинополь, обещая всячески поспособствовать его безопасности. Однако Сиротка все же решил ехать через Италию.

19 сентября 1582 года он отправился в дорогу и 8 декабря был уже в Венеции. Там, пользуясь рекомендациями, которые дал ему Стефан Баторий, завязал знакомство с дожем Никола де Понте. По его совету договорился с капитаном корабля, который регулярно совершал плавания на Кипр. Рассчитывал отправиться в путь так, чтобы Пасху праздновать уже в Иерусалиме. Однако отплытие корабля задержалось. Задержка очень огорчила Миколая Криштофа. Особенно он переживал тогда, когда узнал что за это время несколько других кораблей отплыли в нужном ему направлении. Но это, видимо, сама судьба была к нему милостива, так как вскоре стало известно, что один из отплывших кораблей с большими повреждениями застрял на поддороге, а другие попали в бурю и затонули.

Отплыть Миколаю Криштофу удалось только 16 апреля 1583 года. Путь его лежал по Адриатическому морю вдоль берегов Балканского полуострова, затем по Средиземному до острова Крит. Там паломнику предстояло найти другой корабль, доплыть на нем до берегов Сирии, а дальше добираться сушей.

Уже с первых дней путешествия Миколай Криштоф почувствовал себя значительно лучше. Что способствовало этому, сказать трудно. Возможно, перемена климата. А может быть мысль о том, что он плывет в места, побывать в которых собирался так давно, что, наконец, осуществляет обет, данный Богу, вливали в его душу и тело силы и здоровье. Он оживал на глазах. Его радовало и интересовало все, что он видел: деревушка в горах, развалины древнего храма, обычаи жителей и их занятия. На протяжении всего путешествия Сиротка вел дневник, в который заносил впечатления от увиденного и услышанного.

Плавание это было нелегким. Корабль часто попадал в шторма. Во время одного из них "...снасти рвались, катвага (лодка — Авт.) утонула, другие мы выбросили, и если бы ветер не стих, корабль бы разломался". Бывали дни, когда встречный ветер не давал плыть дальше, и тогда приходилось долго ждать где-нибудь у берега. Сиротка и другие паломники использовали такие моменты для того, чтобы ознакомиться с местными достопримечательностями, побывать на службе в храме. Он старался не пропустить ни одной службы. Так в Далматии, в венецианском городе Заре он вместе с местным

простором смотрел на стены и рвы крепости, принял участие в шествии, посвященном святому Марку, покровителю Венеции, день которого как раз отмечался. Затем посетил несколько храмов, из которых выделил храм святого Симеона. Узнал, что тело святого под алтарем лежит почти не тронутое тленом. Убедился в этом сам и даже потрогал мощи рукой. Немного позже в монастыре бернардинцев он лицезрел надмогильный камень Цицерона. Записал в дневнике, что, по словам монахов, под камнем этим в специальном сосуде лежит пепел этого древнегреческого философа, который был по языческому обычаю сожжен. Не преминул уточнить, что Цицерон и сам был язычником. На следующий день слушал мессу в местном монастыре. Обратил внимание, что сад при этом монастыре "...не очень большой, однако необычайно красивый".

На Крите Сиротка совершил поездку к знаменитому лабиринту Тесея. Разочаровался, ибо решил, что это всего-навсего древняя каменоломня, в которой добывали камень для строительства. А вот руины города Гертена, который, по преданию, Зевс построил после того, как похитил Европу, дочь финикийского царя Агенора, его восхитили. Радзивилл заметил: "Большой и красивый был город, как опоры и колонны когда-то прекрасные свидетельствуют, которые из-за густоты их каким-то лесом издали кажутся". Но более всего Миколай Криштоф удивился увиденному им древнему мосту через маленькую речку. Мост тот "...из больших квадратных камней, которые ни словом, ни известью не соединены, однако так крепко держатся, что и ныне по нему безопасно ездить можно".

Так не спеша, пережидая у берегов непогоду, наведывая монастыри, храмы и часовни, знакомясь с достопримечательностями, паломники приплыли на Кипр. Там Сиротка нанял небольшой корабль-карамужан, который в непогоду за 18 часов доставил его в Триполь. Далее путь предстоял уже по суше. Дорога пролегла по местам, о которых князь читал в Священном писании и в житиях святых. В Баальбеке он осмотрел развалины дворца Соломона, гору, на которой, по преданию, Каин убил Авеля. Потом Дамаск, место, где Бог сотворил Адама. Видел кринуцу, в которой крестили святого Павла, и камень, с которого святой Георгий садился на коня, когда отправлялся сражаться с драконом. Каждый день перед глазами Миколая вставали все новые и новые Библейские места. Вот как описывает он Самарию, Галилею и Иудею: "Хоть в обещаниях Божьих никаких сомнений быть не может, однако в этом уголке света, который евреям как плодородный был обещан, каждый может это увидеть. Галилея зерном и всякими изделиями богата, имеет

красивые поля, хотя и разделенные горами. Самария не очень высокие имеет скалы и садов достаточно, а также круглые и ровные, очень плодородные долины. И по этой причине сильно населена. Но Иудейская земля, хоть не такая хлебная, ибо каменистая и скал на удивление больших много есть, однако же маслом, фруктами и особенно винами необычайным достатком нехватку ту возместить может. Ибо от границ ее начинаются и до самого Иерусалима (что 7 миль составляет) каменные степи, которыми виноградники... от подножия горы до самой вершины идут"...

И вот, наконец, цель путешествия Радзивилла и его спутников — Иерусалим. Место, священное для любого христианина. Паломники подошли к нему незадолго до захода солнца. Переночевали в монастыре святого Спасителя, а утром следующего дня явились перед светлые очи кади (правителя города). Там паломников переписали и взяли с них плату за вход в город и свободный пропуск ко Гробу Господню. При этом произошла забавная история. Одного из слуг Сиротки, повара, писари из-за его вида и одежды приняли за монаха (а те платили в два раза меньше) и потребовали, чтобы он поклялся, что является таковым. Естественно, тот в святом городе лгать не мог. Поэтому поднял правую руку к небу и сказал, что он не монах. Писарями были турки по национальности, и они, конечно же, ни слова из его речи не поняли, но решили, что он клятвенно подтвердил свою принадлежность к святым братьям.

Вечером того же дня Сиротка побывал в храме, где устроены были часовни или молельни для людей всяких христианских вероучений, помолился в часовне Явления, названной так из за того, что Христос именно на этом месте явился после воскресения Деве Марии. Принял князь участие и в крестном ходе. Во время первой остановки увидел "столб каменный из красного порфира, возле которого Господа бичевали". Там не удержался и тайком отбил от этого столба кусочек, который потом отвез в Несвижский костел. Дальше участникам шествия показывали каплицу Заточения с помещением, в котором сидел Христос в то время, когда ему делали крест, алтарь, на месте которого солдаты делили одежду Христа, а также часовни православных греков, армян, грузин, эфиопов. Заканчивалось шествие у места, где находилась каплица Святого Гроба Господня. В своем дневнике Сиротка отметил: "Шествие три раза вокруг нее обходит. Перед дверьми все опускаются на колени, священник один (ибо там тесно) входит, читает проповедь, а за ним паломники, также по одному, через очень низкие дверцы по очереди заходят, там внутри с правой стороны есть место высотой на полтора

локтя, плоское, как лава, где Найсвятейшее тело Господнее положено было. Принадлежит католикам... Перед тем гробом Господним есть круглая часовенка, в ней камень низкий, на котором ангел сидел, что женщинам объявил о Воскресении... И тогда возле Гроба Святого молитву отчитав и Святое место поцеловав, заканчивается шествие и идет к часовне Явления".

В дальнейшем Миколай Криштоф посетил гору Сион, могилу Девы Марии, осмотрел руины замка царя Давида. Долго искал соляную статую жены Лота и очень сокрушался, что не смог найти ее. Но как поразила его красота Мертвого (Соленого) моря! С какой поэтичностью, иначе не скажешь, описал он увиденное! "Это море, или скорее озеро... сернистое, имеет и камень около себя, которое, если зажгут, горит как дерево... Иосиф (Флавий — Авт.) правдиво это озеро описывает, и особенно, что трижды изменяется на день, что я хорошо видел, ибо рано вода была черноватой, к полудню, когда солнце нагреет (так как там сильная жара), то голубеет вся вода, наподобие голубого сукна, к вечеру же перед заходом солнца, когда солнечный жар опадает, вода красноватая или рыжая, как если бы ее с глиной смешали".

Каждый день Миколая Криштофа был расписан по жесткому графику, который составили специально для паломников. Маршруты были продуманы так, чтобы можно было побольше увидеть достопримечательностей, связанных с именем Иисуса Христа и Девы Марии. Программа приема паломников была рассчитана на две недели.

Сиротка пожертвовал много денег и ценных вещей храмам в Иерусалиме и Вифлееме, за что конвент иерусалимских бернардинцев посвятил его и других дворян, которые одновременно с ним совершали паломничество, в рыцари Гроба Господня. Кроме этого он получил еще и звание прокуратора Святой Земли.

Распрощавшись с гостеприимными монахами, Миколай Криштоф со своими спутниками вновь отправился к морю. Зная по личному опыту, что в дороге могут и ограбить, и убить, он нанял нескольких янычар. С их помощью без особых осложнений смог добраться до города Триполя, хотя пришлось в пути и откупаться, и взятки должным лицам давать. В дороге повстречался с венгерским епископом, который незадолго до этого посетил Египет, и помог ему уладить конфликт с турецкими таможенниками. Епископ так расхваливал все увиденное им в Египте, что Сиротка решил сам побывать в стране пирамид. Тем более, что сухопутный путь домой через Константинополь в это время был крайне опасен из-за

разбойников. К тому же в стране было неспокойно в результате междоусобных войн.

По пути в Египет Сиротка задержался на некоторое время на Кипре. Там он заинтересовался хлопком и решил ознакомиться с его выращиванием. Писал он об этом так: "...видел я и то, как хлопок сеют, отчего прибыли удивительные ежегодно идут, ибо судна оттуда ничего другого не берут, кроме соли... и хлопка, как и то, на котором мы сюда впервые приплыли...

Как хлопок сеют, как его собирают, уже другие писали. Я только добавлю, что раз посеяв, даже до третьего года родит постоянно, и собирают его всегда. Это делается от того, что когда собирают, семя, которое тяжело, выпадает на землю, и так родит, но каждый год меньше, до четвертого, так что если хочешь собирать, то должен снова посеять".

Сиротка вообще очень интересовался хозяйственной деятельностью в странах, которые посещал. Там же на Кипре он еще в первый свой приезд на остров познакомился со способом выпаривания соли из морской воды: "Мы приплыли к солеварням, где соль, которую только солнце, как лед морозом, жаром своим осаждают, так что по соли ходить можно, хотя под нею вода". В Египте Миколай Криштоф описал урожайность земли: "А такой здесь большой урожай, когда плодородный год, что отправив свою дань, которую великую отдают (туркам — Авт.), на пропитание себе оставив". Отметил при этом, что связано это с климатом и разливом Нила.

Египет вообще поразил Миколая Криштофа. Поля его дневника пестрят пометками: "Удивительно", "Очень интересно", "Чудно", "Странно". Его внимание привлекало все: и природа, и обычаи жителей, и архитектурные сооружения. Он много и подробно пишет о представителях экзотической фауны Египта. Например, о бегемотах, которых называет "морскими конями": "Наехали мы в реке на четырех морских коней, очень похожих на зубров и фигурой, и шерстью, и видом, только без рогов. Большой урон наносят они рису, и поэтому окапывают рвами огороды, ибо эти кони на низких ногах, на высокую дамбу или окоп влезть не могут. Человека, если застанут в огороде, а до него доберутся, грызут". Сиротка обращает внимание на то, что монах Карден в своей книге допустил оплошность, когда писал о бегемотах: "Карден пишет, что такой величины этот зверь бывает, что слона может целиком проглотить, но, чтобы он мог съесть слона, это невозможно".

А вот встреча с крокодилом Сиротку расстроила. Он увидел его вдали, когда тот переплывал реку. Толком рассмотреть не смог, видел

иногда хребет его, когда крокодил "плюхался, как дельфин на море". Князь очень огорчился, что не смог познакомиться с ним поближе, поэтому спутники через несколько дней показали ему еще одного уже вблизи, но дохлого. К тому же маленького и плохо сохранившегося, так что созерцание его большой радости не доставило. Миколай Криштоф с грустью передает слова местных жителей о том, что в верховьях Нила этих рептилий водится множество.

Большой интерес у Сиротки вызвали пирамиды, сфинксы и пещеры с древними захоронениями. Проводники, которых он нанял для экскурсии к пещерам, предупредили, что идти нужно вооруженными, поскольку христиан возле них нередко грабят. И действительно, когда подходили к проходу, к путешественникам подъехал конный араб. Увидев, что все вооружены до зубов и имеют даже ружье, развернулся и ускакал обратно. В пещере Сиротка увидел множество набальзамированных человеческих тел и заинтересовался составом, при помощи которого делают мумии. "Что-то особенное это должно быть, ибо и сейчас, через три тысячи лет и больше, как история пишет, не позволило малейшей частице огнись", — читаем мы его слова в дневнике.

Описывал Радзивилл и обычаи народов. Довольно часто упоминал о жестокости турок в покоренных ими странах, о разногласиях между турками и арабами. По его словам, турецкие наместники Каира боялись последних: "А всегда ночью и днем стража есть около города от арабов, которые при мне четырежды приходили к городским воротам и, убив много турок, ушли в целости, отчего в городе был большой шум". Рассказывал и о социальной структуре Египта: "...у власти турки, также солдаты, сами египтяне землю пахут и всяким другим хозяйством занимаются, разбойники арабы, а купцы ... негры".

Осенью Сиротка решил покинуть Египет и возвратиться на родину. Как и любой путешественник, он захотел увезти с собою кое-какие сувениры, накопившиеся за время путешествия. Среди того, что он собирался также взять в Несвиж, были экзотические животные, которых князь приобрел с целью создать собственный зоопарк: пара обезьян, два леопарда, попугаи, три горных барана (которые во время плавания, к сожалению, околели). И пара сусликов, которых в своем дневнике он назвал "фараоновыми крысами". Последние (или их приплод) уже в Несвиже умудрились сбежать из зоопарка. И это очень серьезно повлияло на баланс в окружающей среде. Известный поэт и краевед XIX века Владислав Сырокомля так описывал картину, которую видел под Несвижем: "...урожаи местных

полей бывает добычей своеобразного неприятеля. Это маленький, пепельного цвета с белыми пятнышками зверек, что зовется суслик... Размножается он в небывалом количестве. Как только начнет созревать зерно, так стайки сусликов, вооруженных четырьмя острыми зубками, будут нападать на колосья, подгрызать их и тянуть в свои глубокие вертикальные норы — запастись на зиму. А поскольку на одном морге живет зерноядных вредителей до десятка семей, поскольку каждая семья очень быстро размножается, неудивительно поэтому, что временами они опустошают целые морги, так что люди вынуждены их бросать. Вывести этих вредителей совсем невозможно, ибо свои норы суслик копает так глубоко, что их нельзя достать плугом, и отравить себя он также не дает, ибо для него не найдешь лучшей приманки, чем зерно, которого ему в поле сколько пожелаешь... Суслик в России и в других странах очень распространен, но на Литве он известен только в окрестностях Несвижа. Предание рассказывает, что кто-то из Радзивиллов, приобретя где-то за границей этого симпатичного зверька, привез пару сусликов в Несвиж. Сбежав из замка, они начали размножаться в окрестных полях и через некоторое время их стало там, как звезд на небе. Сегодня за несколько миль отсюда уже можно встретить сусликов, но главная их столица — прилегающие к Несвижу поля".

Впрочем, были среди багажа Миколая Криштофа вещи, о которых он не стал сообщать ни другим пассажирам, ни экипажу корабля: две древние мумии (мужская и женская), которые он сумел купить в Египте втайне от властей.

9 октября 1583 года Сиротка отплыл из Александрии. Через несколько дней начался сильный шторм. "Сагитию" (корабль, на котором плыл князь) "бешено бросали ветры, пока в полночь не показался нам св. Герман (огни св. Эльма — Авт.), которого мы за ту ночь шесть раз видели, и тогда, наконец, непогода стихла". Семнадцатого числа корабль опять попал в шторм, причем такой ужасный, "...что мы уже никакой надежды не имели, ибо два противоположных ветра — африк и аквилон... сами с собою сражались и такой вихрь с дождем устраивали, что крутили суднышко на одном месте, толкая и наклоняя, аж мачты касались волны"... Несколько суток, то ослабевая, то вновь набирая мощь, шторм трепал корабль. Даже капитан не верил уже в то, что удастся спастись. А одному из пассажиров, поляку ксендзу Симону, который также возвращался из Иерусалима, ко всему прочему стали мерещиться привидения, мужчина и женщина, черные и необычно одетые. Из-за этого он даже молиться не мог.

Сначала над его рассказами смеялись. Но потом Сиротка вдруг сообразил, что описание этих самых привидений совпадает с видом мумий, которых он вез с собой в деревянных ящиках. А так как никто на "Сагитии" не мог видеть их, Радзивилл не на шутку испугался. Не зря ведь у моряков бытовала примета, что мумии на борту приносят несчастье. Миколай Криштоф решил выбросить ящики с мумиями в море. При первом же затишьи опасный груз полетел за борт. И действительно, шторм стал утихать. Вскоре прямо по курсу стал виден остров Крит.

Сиротка высадился на остров, чтобы отдохнуть после тяжелого путешествия. Там он навестил местный православный монастырь, в котором, по слухам, находилась могила... римского бога Юпитера, и побывал в нескольких ближайших городах. В это время на остров прибыла группа паломников из Речи Посполитой. Они привезли Миколаю Криштофу документ, который передал князю турецкий султан Амурат. В нем сообщалось, что в случае, если Сиротка решит навестить Константинополь, ему и 12 особам, сопровождающим его в путешествии, будут везде оказывать помощь и содействие. Паломники заверяли, что документ этот очень важный и необходимый, ибо турки, обозленные частыми нападениями запорожских казаков, в отместку начали убивать жителей Речи Посполитой.

Послание султана гарантировало путникам безопасность. Но Радзивилл все-таки решил вернуться домой прежним путем, через Италию. 7 марта он высадился на побережье Колабрии. Морем плыть дальше не решился из-за частых в это время года кораблекрушений по вине плохой погоды. Сиротка отправился в Венецию вдоль восточного побережья полуострова. Несколько слуг своих с багажом отправил морем. Однако путь по суше оказался не менее опасным, чем морской. Миколай Криштоф убедился в этом на собственном опыте. На него и его спутников напали разбойники и обобрали до нитки. Собирались даже убить, однако Сиротка не растерялся и громко, так чтобы грабители слышали, сказал, обращаясь якобы к товарищу по несчастью: "...они же хорошие христиане, однако их нужда давит, поэтому они вынуждены брать, чтобы было с чего жить, но нас, очевидно, не убьют, ибо мы ни в чем перед ними не виноваты". Эти слова так понравились разбойникам, что они не только сохранили пленникам жизнь, но и оставили им двух мулов, двух лошадей попоше и десяток золотых монет, чтобы не умерли с голоду. Сиротка с попутчиками понимал, что может быть ограблен еще раз, а то и убит, поэтому нанял нескольких местных жителей,

таких, которые либо сами разбойничали ранее, либо имели среди грабителей родственников. С их помощью, не без приключений, добрался, наконец, до Венеции. Там нашел своего слугу Михала Канарского, которого отослал в Италию еще до поездки в Египет. А корабль, на котором плыли слуги с вещами, прибыл в Венецию лишь через десять дней.

Радзивилл отдохнул в этом городе и отправился домой. И физическое и нервное состояние князя после паломничества значительно улучшилось, и он был просто счастлив. 7 июля 1584 года он вернулся в Несвиж, и, как отмечал В. Сырокомля, это "...положило начало новой эпохи в истории города"... , ибо с этого времени он всерьез занялся благоустройством своей столицы, а также просветительством и меценатством. Но сначала он... женился.

Трудно сказать, почему Миколай Криштоф не сделал этого раньше. Возможно, не хотел обременять себя новыми обязанностями. А может, больше думал о своей болезни, чем о женитьбе. Однако пришло время, когда все его опасения, здравые рассуждения, сдержанность и обстоятельность в вопросах брака исчезли. Пятнадцатилетняя княжна Альжбета Эуфимия Вишневецкая заставила его забыть о своих болезнях, увидеть в жизни совсем иной смысл. Жена была моложе Миколая Криштофа на целых двадцать лет. Многие друзья детства князя имели уже дочерей такого возраста. Но это не помешало чувствам. Альжбета Эуфимия стала для Сиротки любовью на всю жизнь, женой-другом, женой-единомышленником. После свадьбы она переехала в Несвиж. И уже в следующем году порадовала мужа, родив ему дочь. Это дитя Сиротка назвал в честь матери Альжбетой. В дальнейшем, почти каждый год у счастливой пары появлялись дети: Миколай, Януш Ежи, Альбрехт Владислав, Криштоф Миколай, Сигизмунд Кароль, Александр Людвик.

Альжбета Эуфимия была не только любящей женой и заботливой матерью, но и соратницей мужа, активно участвовала в той деятельности, которую тот развернул в Несвиже. А князь в первую очередь начал строить каменный замок вместо старого деревянного. Затем возвел целый ряд настоящих архитектурных комплексов, среди которых были иезуитский, бернардинский и доминиканский мужские монастыри. Альжбета Эуфимия стала основательницей бенедиктинского — первого женского католического монастыря на территории Беларуси. Здание, где размещалась кальвинистская гимназия, Сиротка в 1584 году передал иезуитам для их коллегиума. В типографии, основанной его отцом, развернул печатание трудов идеологов контрреформации, теологических, научных, художествен-

ных книг, панегириков. Первыми вышли из нее труды его духовного учителя Петра Скарга. Для проектирования и руководства строительными работами Миколай Криштоф пригласил из Италии прославленного архитектора Яна Марию Бернардини. Не оставлял без внимания Сиротка и город, стремился к тому, чтобы он отстраивался, разрастался и процветал. В 1586 году добился у Стефана Батория привилегии на присвоение Несвижу магдебургского права и герба (вскоре после этого, 12 декабря этого же года, король умер в своем любимом гродненском замке). Радзивилл освободил горожан от многих налогов и повинностей. Бесплатно отдавал им усадьбы, винокурни, землю и многое другое. Но выставил условие, что жители Несвижа будут ежегодно сдавать деньги на содержание школы и больницы, а также наблюдать за состоянием оборонительных сооружений. Не надеясь только на валы и стены, Сиротка закупил в необходимом количестве оружие, особенно огнестрельное — ружья, пушки. Потом даже создал собственную мастерскую по литью пушек (в те времена подобные мастерские назывались "людвисарни"). С этой целью князь пригласил высококвалифицированных мастеров с запада, обеспечил их всем необходимым. Сам наблюдал за отливкой, заботился о пушках, по словам современников, почти как о собственных детях. Под его опекой ведущий пушечный мастер Герман Монтефельд отлил серию пушек. Каждая из них имела свое название: "Цирцея", "Гидра", "Попугай", "Сова", "Химера", "Мелюзина", "Цербер", "Винная лоза". Изделия несвижской "людвисарни" поражали современников, вызывали их восхищение не только боевыми качествами, но и художественным оформлением, необычностью форм. Так, например, "Гидра" имела вид античной колонны, разделенной декором пополам. На гладкой более толстой части ствола техникой плоской резьбы была исполнена пятиглавая гидра, которая несла на узловатых хвостах доску с надписью "Гидра, несущая траур, когда нарушаю черные волны".

Одновременно с этим Миколай Криштоф начал в своих владениях активную борьбу с кальвинистами. Он изгонял их, передавал их имущество католическому духовенству. По всей стране скупал не жалея денег, протестантскую литературу, которая была напечатана в Несвижской и брестской типографиях его отца, и уничтожал ее, сжигая на огромных кострах.

В 1586 году вместе с братьями Сиротка решил разделить земельные владения, которые остались от отца и образовать три

ординации¹¹ — Несвижскую, Клецкую и Олыкскую. После этого усердно занялся приведением в порядок своей части владений, расширяя и округляя их прежде всего путем обмена и купли. Но погруженный в хозяйственную деятельность Сиротка не забывает однако и о своих обязанностях перед королем и государством. Он активно участвует в политической жизни страны.

Еще до паломничества князь получил должность маршалка великого литовского. В 1586 году каштеляном трокайским, а в 1590 уже новый король, Сигизмунд III Ваза, подписал указ о назначении его воеводой трокайским. В этом же году Радзивилл начал приводить в порядок записи в своем путевом дневнике с целью издания их книгой. К этому времени он уже получил новое продвижение по службе, стал воеводой виленским.

К 1595 году работа над дневником была вчерне закончена. Свое стремление издать книгу Миколай Криштоф объясняет желанием расширить кругозор земляков; подчеркивая при этом, что пишет о том, что видел сам, а не прочитал у других путешественников. Работая над книгой, Сиротка подробно изучил всю доступную ему литературу о Ближнем Востоке. В его произведении много ссылок на труды предшественников, однако он не списывает у них, а анализирует прочитанное и довольно часто высказывает несогласие с тем или иным утверждением авторов.

Однако от чернового до окончательного варианта книги прошли годы напряженного труда. Она увидела свет только в 1601 году под названием "Иерусалимское паломничество Миколая Криштофа Радзивилла, князя на Олыке и Несвиже, графа на Шидловце".

Работа над книгой не оторвала Миколая Криштофа от других дел. Он продолжал благоустройство Несвижа, борьбу с протестантизмом и покровительство католического монашества. Выделял огромные денежные суммы на строительство, ремонт и содержание костелов в своих обширных владениях — Мире, Свержене, Чернавчицах. Для развития ремесел и торговли приглашал к себе на службу и на жительство иностранцев. Предоставил ряд привилегий еврейской общине в Несвиже. Писатель Семен Старовольский, живший в XVII столетии, писал об этом периоде жизни Сиротки, что он "...с королевским пылом строил монастыри, костелы, замки, прокладывал дороги и в середине Сарматии создал

¹¹ Ординация иначе майорат — нераздельный комплекс земельных владений, переходящих по наследству к старшему сыну. Ординации утверждались магнатами с санкции короля с целью не допустить уменьшения экономического и политического могущества семьи. Владельцами ординации в Речи Посполитой кроме Радзивиллов были Замойские и Острожские.

настоящую Италию". Именно Миколай Криштоф вдохновил прославленного гравера Томаша Маковского на создание лучшей в те времена карты Великого княжества Литовского. Он же дал деньги для того, чтобы напечатать ее в Голландии. Потому-то карта эта вошла в историю под названием "радзивилловская". Немалую помощь оказывал Радзивилл и неимущим людям: вдовам, сиротам, нищим, странникам, крестьянам, которых постигла какая-либо беда.

Сам же в повседневной жизни отличался скромностью. Его современники отмечали, что быт у него в доме был не магнатским, а скорее как у мелкого шляхтича. Но иногда искренняя, неподдельная скромность переходила в своеобразное кокетничатье. И Сиротка начинал выставлять себя таким простаком и человеком недалекого ума. Но между тем никогда не забывал о своем происхождении. Мог ловко разыграть малознакомого человека, вызвать его высокомерное, лишенное уважения отношение к себе, а затем двумя-тремя фразами поставить его на место. Подчеркивал: "Ибо Радзивиллом буду и хотя бы никакой должности не имел — достаточно мне будет этого". Кстати, о должностях Сиротки. Они были достаточно солидные, и князь по-прежнему активно влиял на общественно-политическую жизнь страны. Последней крупной акцией, в которой он принял участие, был Брестский церковный сейм. Миколай Криштоф, являясь сторонником католической партии, представлял на нем интересы короля и Великого князя Литовского Сигизмунда III Вазы. С его помощью в Бресте была подписана церковная уния, которая узаконивала в Великом княжестве Литовском деятельность униатской церкви.

В этом же году Сиротку постигло огромное личное горе. Внезапно в возрасте двадцати семи лет умерла его горячо любимая жена Альжбета Эуфимия, "несвижская царица Савская", как ее называли современники за ум и обаятельность. Ее смерть потрясла Миколая Криштофа. Он поклялся, что больше не назовет ни одну женщину женой. И сам вырастит и воспитает детей, старшему из которых только-только исполнилось одиннадцать. Князь сдержал свое слово. И кроме своих детей взял на воспитание также четырех осиротевших племянников — двух мальчиков и двух девочек. Все они относились к своему дяде-воспитателю с большим уважением и чтили память его покойной жены так же, как память своей родной матери.

Князь Миколай Криштоф Радзивилл Сиротка, личность которого в последнее время все больше и больше интересуются исследователи белорусской истории, через призму их восприятия предстает перед нами то в плаще пилигрима, делающим записи в

прославившем его дневнике, то ведущим дипломатические переговоры с королем Анри Валуа, то склонившимся вместе с архитекторами над картой Несвижа, города, который он задумал превратить в культурный и научный центр.

Но, верно, как о человеке, гораздо больше о нем поведают нам такая картина. Миколай Криштоф Радзивилл в строгой одежде вдовца идет в костел на богослужение. А вокруг него, как стайка цыплят вокруг наседки, — дети. Свои и приемные... Но все называют его папой...

В последние годы своей жизни Миколай Криштоф несколько отошел от политики. Он все больше и больше внимания уделял своим владениям и занимался воспитанием подросших детей и племянников. Жизненные силы и энергия постепенно покидали старого князя. В своем завещании он наказывал, "чтобы вольности месту Несвижскому, данные королями и Радзивиллами", его потомки не нарушали и заботились об улучшении родового гнезда. Просил проводить его в последний путь скромно, без помпы.

Умер Миколай Криштоф холодным вечером 28 февраля 1616 года. Согласно последней воле покойного, его хоронили в сером плаще пилигрима, ибо князь считал, что каждый из живущих на этой земле — лишь пилигрим, скитающийся в поисках Божественной истины.

"КНЯЖНА, ЕЕ МИЛОСТЬ, ПАННА АББАТИСА..."

Ночь опустилась на Несвиж, окутав пологом таинственности княжеский замок. В темноте еле угадывались размытые очертания зданий иезуитского коллегиума и костела.

Мерцающий, неровный свет бледной луны робко заглянул в окна монастыря бенедиктинок, где в глубине своей кельи перед распятием истово молилась старая аббатиса Дорота Бартман, прося у небес сил и мудрости. Нелегкий выбор предстоял ей, и не было рядом никого, кто мог бы дать совет.

— Господи, помоги и вразуми. Уже завтра я должна ответить родичам княжны Кристины, согласна я или нет постричь ее в монахини, — шептала мать Дорота. — Тебе известно, как долго оттягивала я этот день, когда должна принять окончательное решение. Как убеждала упрямую княжну вернуться в мир, сменить одежду послушницы на более подходящее ей платье. Ведь только слепой не увидит, что ее милость, княжна Кристина не создана для служения Тебе. И если б любая другая девушка вела себя так, как она, я бы ее с негодованием изгнала. Но Кристина — родственница Радзивиллов, наших благодетелей. Тебе, Господи, известно, что обитель наша обязана своим возникновением именно им. И не укрылось от Твоего взгляда, что с тех пор, как княжна стала тут послушницей, ее родичи обеспечивают нас так, что мы уже совсем забыли о нуждах своих. Так подскажи же мне, Господи, не будет ли грехом принять в круг невест Твоих девушку, совершенно мирскую в помыслах своих ради того лишь, чтобы монастырь наш не лишился милостей благодетелей и покровителей наших?

В неровном свете свеч старой аббатисе показалось, будто бы Пан Езус на распятии слегка повернул голову в ту сторону, где за стеною спокойно спала в своей келье двадцатитрехлетняя послушница — княжна Кристина Радзивилл. И мать Дорота расценила это, как согласие Господа принять под свою опеку новую невесту.

Ровно через день после этого Кристина Радзивилл была пострижена в монахини тут же, в Несвижском бенедиктинском монастыре, приняв новое имя Эуфимия. Княжна дождалась этого события семь долгих лет.

Кристина-Эуфимия Радзивилл... Ей предстояло войти в историю как одной из самых ярких личностей своего времени. Послушница, монахиня и потом настоятельница монастыря, принявшего ее, она

считалась самой необычной аббатисой на территории Белоруссии в XVII столетии. Ее, женщину, которая никогда не претендовала на звание политика, по разуму современники сравнивали с теми, кто решал судьбы державы. Но начнем наше повествование с самого начала.

Кристина родилась в 1598 году в Ольке в семье маршалка великого литовского, старосты жмудского князя Станислава Миколая Радзивилла. Девочке едва исполнился год, когда ее отец умер. А через год ушла из жизни и мать, Марианна из рода Мышек. Кроме Кристины еще троих детей оставили сиротами покойные князья.

Опекать маленьких родственников взялся дядя, первый ординат Несвижа Миколай Криштоф Радзивилл Сиротка. Решению его удивились многие.

За четыре года до этого Миколай Криштоф утратил любимую жену Альжбету Эуфимию Вишневецкую и остался с семьей малолетними детьми на руках. Он решил, что сохранит верность умершей супруге и сам вырастит, воспитает деток. Но трудно мужчине одному в таком деле. Даже если ему помогает множество мамок и нянек. Не досмотрели, не смогли уберечь от смерти шестилетнюю дочь Сиротки Кристину. Тяжело заболела она через три года после смерти матери и угасла. Только снял траур по этому ребенку печальный Сиротка — новая утрата. Сестру-близнеца Кристины, Катажину забрала в свое царство неумолимая смерть. После этого, считали родичи и друзья Миколая Криштофа, верхом безрассудства было брать на воспитание двухлетнюю племянницу и ее не намного старших сестру и братьев. Свои дети умирают, удастся ли уберечь чужих? Но Сиротка судил иначе. И в том, что его потери произошли одновременно со смертью родителей племянников, и в том, что девочку звали Кристиной, так же, как одну из его умерших дочерей, он увидел знак судьбы. Не иначе, как сам Бог подсказывал ему правильное решение. Кристина, беззащитное, невинное дитя, должна принести в мрачный, одетый в траур замок Несвижского владетеля счастье. Может быть, думал Сиротка, она станет ангелом-хранителем его семьи? А, может, надеялся, заменит ему почивших дочерей?

Так Кристина и ее старшие сестра и братья попали в Несвиж. Они росли вместе с сыновьями и единственной выжившей дочерью своего опекуна. Сиротка заботился о них как родной отец и особенно баловал Кристину. Девочка не знала отказа ни в чем. Все домочадцы князя Миколая Криштофа относились к Кристине так же трепетно. Ведь она теперь была самой юной из обитателей несвижского замка. Мало-помалу девочка превратилась в своеобразного домашнего бож-

ка. После того, как Сиротка взял ее в свою семью, никто из его детей больше не умер, и даже болеть они стали реже.

Видимо, при Кристине так часто повторяли, будто своим появлением тут она принесла счастье в семью, что девочка и сама поверила в это. Поверила, что через нее действует некая великая, чудесная сила. Сила небес. Сила Бога. Это, несомненно, очень повлияло на становление ее характера. В нем появились такие редкие для женщин ее времени черты, как жесткая решительность и огромная духовная сила.

В 1606 году Кристину отдали в школу, которая действовала при несвижском монастыре бенедиктинок. Монахини сразу выделили девочку и стали относиться к ней с невольным уважением. Ведь она, как-никак, была представительницей рода Радзивиллов, воспитанницей владельца города. Более того, племянницей женщины, которая основала их обитель и останки которой покоились в монастырском костеле, — жены князя Сиротки, Альжбеты Эуфимии. Финансовая помощь, которую продолжал оказывать бенедиктинкам вдовый князь, еще больше усилила их нежность к Кристине. А девочка все понимала, и мысли о собственной избранности становились с каждым днем более крепкими. Бог дал ей высокое положение среди людей, богатство, способность приносить счастье ближним. Так не в служении ли Богу ее предназначение? Если она станет монахиней, она не уподобится этим раболепствующим перед ее дядей, стремящимся угодить ему словом, жестом, поступком, несчастным святым сестрам. Ей не надобно будет ни у кого выпрашивать милости для себя. Она будет склонять голову только перед Богом. К тому же монастырская жизнь даст ей абсолютную личную свободу. У нее не будет мужа, которого иначе ей найдут и которому обяжут покоряться, а также множества жизненных невзгод, которые сопровождают семейную жизнь. Способствовало появлению таких мыслей у Кристины и то, что устав Ордена бенедиктинок (а о том, чтобы стать монахиней другого Ордена, она и не думала) не требовал от святых сестер такого аскетизма, как многие другие католические монашеские Ордена. Монастыри бенедиктинок были обычно довольно уютными и благоустроенными.

2 июля 1614 года, через четыре месяца после смерти дяди, заменившего ей отца, Кристина стала послушницей несвижского бенедиктинского монастыря. Послушничество ее затянулось аж до 1621 года, потому что княжна не была образцом смирения и скромности. Кристина нередко нарушала распорядок монастыря для того, чтобы принять предложение своего двоюродного брата, нового несвижского владельца Януша Ежи Радзивилла и его супруги отужинать

с ними в замке. В 1617 году Януш Ежи овдовел. Однако жениться вторично он не спешил. Кристина, которую он помнил еще совсем маленькой девочкой, охотно соглашалась выполнять роль хозяйки несвижского замка при двоюродном брате, когда тому надо было достойно принять гостей.

Но в 1619 году Януш Ежи отправился в долгий зарубежный вояж. Кристина вновь всецело отдала себя делам духовным, решив, что пора, наконец, принять соответствующие обеты и стать монахиней. И даже попросила младших сыновей Сиротки помочь убедить аббатису произвести над ней обряд пострижения.

В конце концов, мать Дорота Бартман решилась постричь княжну в монахини. Новым духовным именем она избрала имя любимой жены Сиротки, основательницы монастыря, — Эуфимия.

В 1625 году, вернувшись из-за границы домой, внезапно умер Януш Ежи Радзивилл, и в несвижском замке поселился другой сын Сиротки, Альбрехт Владислав, со своей женой Тайной Зофьей Зенович. Ганна Зофья была очень набожной женщиной и поэтому много времени проводила в монастыре, общаясь с двоюродной сестрой мужа. Она искренне восхищалась умом и сильным характером Кристины-Эуфимии, завидовала ее судьбе, ибо некогда сама мечтала стать монахиней, да не решилась. Благодаря дружбе Кристины-Эуфимии с Банной Зофьей монастырь получал в это время так много пожертвований из радзивилловской казны, как никогда. Поэтому, когда в 1830 году умерла аббатиса Дорота Бартман, вопрос о том, кто займет ее место, решился сам собой.

Однако, став матерью-аббатисой только благодаря своему происхождению и богатству рода, Кристина-Эуфимия показала себя способным руководителем. Выяснилось, что у нее уже давно разработан в голове план переустройства монастыря. Новая аббатиса сразу улучшила жизнь своим монахиням, отказавшись от многих строгостей и ограничений, не оговоренных в уставе Ордена, но ставших во многих бенедиктинских монастырях чуть ли не традицией. Свое решение Кристина-Эуфимия объяснила просто и убедительно: человек идет в монастырь ради высшего служения — служения Богу, а не с целью издеваться над своей плотью, дарованной, кстати, человеку Богом же.

Монахини за заботу о них платили своей аббатисе любовью. Они быстро привыкли к обеспеченному быту и поняли, что это не мешает, а, наоборот, помогает им служить Богу. Благоустроенный быт, считали они теперь вслед за Кристиной-Эуфимией, содействует тому, что их внимание ни на что другое не отвлекается от молитв и раздумий о Боге.

Так Кристина-Эуфимия, будучи невестой Христа, продолжала жить по-княжески и позволяла своим монахиням сытно есть, высыпаться и иметь личные вещи. Но при этом никогда ни она сама, ни ее монахини не нарушали обета целомудрия, никогда не пользовались именем Бога для обмана людей, свято выполняли все Библейские заповеди. И за это Кристину-Эуфимию уважали и в миру. Хотя за богатство и образ жизни несвижские горожане называли ее "княжной, ее милостью панной аббатисой", но нередко приходили именно к ней за советами, которые она охотно давала, с просьбами о заступничестве, которые она помнила, разговаривая с двоюродным братом, несвижским князем, со спорами, которые она разрешала.

Кристина-Эуфимия много помогала открывавшимся новым женским монастырям. Правда, не материально, ибо оставляла эту заботу светским покровителям, а тем, что посылала туда со своей обители монахинь. Как, например, в 1638 — в Смоленск, а в 1640 — в Оршу. Она постепенно становилась самой влиятельной особой в Несвиже. Даже двоюродный брат, князь Альбрехт Владислав, казалось, уступил ей главенство. Впрочем, положение Кристины- Эуфимии не изменилось и после смерти его в 1636 году, когда несвижским ординатом стал самый младший сын Сиротки Александр Людвик.

Кристина-Эуфимия берет духовную опеку над набожной вдовой Альбрехта Владислава Ганной Зофьей и ее малолетними дочерьми Альжбетой и Констанцией. (Позднее обе племянницы Кристины-Эуфимии тоже стали монахинями).

По-прежнему к ней, а не к князю-господину приходят со своими заботами и нуждами горожане. И это не удивительно: князя меняются, а "княжна, ее милость панна аббатиса" остается, к ней уже все привыкли, она все обо всех знает.

В 40-е годы XVII столетия родной брат несвижской аббатисы Альбрехт Станислав, выросший рядом с нею, но возмужавший вдали, прославивший уже свое имя как политический муж в роли канцлера великого литовского, неофициально привлекает свою умную и рассудительную сестру к государственным делам. Нет, она не принимает участия ни в сеймах, ни в дипломатических играх — монахине этого делать нельзя. Но Альбрехт Станислав считает нужным для себя в переписке с сестрой поинтересоваться ее суждениями насчет того или другого своего политического хода. И не однажды это приносит ему пользу. Именно от самого канцлера политические единомышленники Альбрехта Станислава узнают о не по-женски рациональном, практичном, трезвом уме несвижской аббатисы.

В этот период для фамильной галереи несвижских Радзивиллов заказываются два портрета — Кристины - Эуфимии и Альбрехта Станислава. Они выполнены в одной и той же фламандской манере, оба — в полный рост. И очень похожи на традиционные парные магнатские портреты. Но для парных портретов позировали муж и жена. А тут — брат и сестра. Случай уникальный! Что символизируют эти два портрета? Что стремились рассказать потомкам Радзивиллы, делая такой заказ? У Альбрехта Станислава у левой руки на высокой тумбе атрибуты его высокой должности. У Кристины-Эуфимии почти на такой же тумбе у правой руки — распятие. Может, брат и сестра на полотнах олицетворяли светскую и духовную власти? Может, глядя на их портреты Радзивиллы говорили своим детям: "Вот лучший пример государственного мужа и духовной пастырши?" Может, художник, выполнивший свою работу, хотел показать нам два самые благородные и достойные пути служения — Отчизне и Богу?

В 1655 году в стране начались волнения крестьян, которые перерастали порой в отдельных местах в открытые бунты и вооруженные восстания против феодалов-угнетателей. В окрестностях Несвижа появились отдельные казацко-крестьянские отряды. Вынужденная спастись от них и спасти своих монахинь аббатиса с разрешения очередного несвижского князя, своего двадцатилетнего племянника Михала Казимира, затворилась со всеми святыми сестрами в княжеском замке, который на случай любого нападения был довольно хорошо укреплен.

Но еще более серьезная опасность нависла над Несвижем. Жители его вдруг узнали о приближении русского войска под руководством воеводы Ивана Хованского. И тогда Кристина-Эуфимия решилась на чрезвычайно рискованное дело — совершить вместе со святыми сестрами переезд через всю охваченную пламенем восстания страну. Сопровождал беглянок в этом вынужденном путешествии Альбрехт Станислав. Под его охраной монахини добрались до Поморья. Поселились они в монастыре в Гданьске.

Заботы и трудности путешествия подорвали здоровье молодой уже аббатисы. Она начала болеть. Конец Кристины-Эуфимии ускорила внезапная смерть в 1657 году Альбрехта Станислава. В самом начале мая следующего года она пошла за ним туда, откуда не возвращаются.

Родственники решили не оставлять прославленную аббатису на чужой земле. Ее тело было перевезено в Несвиж и похоронено в костеле того самого монастыря, в котором она прожила сорок пять и которым руководила двадцать пять лет.

ПАСЫНОК ФОРТУНЫ

Зал для судебных разбирательств был переполнен. Со всей Подольщины съехалась шляхта, чтобы стать свидетелями необычного процесса. Коронный трибунал разбирал дело молодого князя Радзивилла, которому было предъявлено обвинение. Никогда еще в Речи Посполитой магнат не был уличаем в столь грязном деле. Именно это и привлекло к суду такое пристальное внимание.

То и дело в плотной, спертой атмосфере зала суда вскрикивала теряющая сознание от духоты очередная дама, и тогда ее кавалер, поминая всех чертей преисподней, начинал локтями расталкивать толпу, высвобождая ей дорогу к выходу. Из-за нескончаемых, ведущихся вполголоса обсуждений и обменов мнениями, создавалось впечатление, что в помещение залетел огромный гудящий пчелиный рой, и почти совсем не было слышно выступлений главных действующих лиц процесса — истцов, свидетелей и защитников.

Но все-таки, когда обвинитель, заявив, что закон должен быть одинаково беспристрастным как к простолюдину, так и к аристократу, потребовал у трибунала смертной казни для князя-разбойника, это моментально было услышано и переварено публикой, и по рядам прокатился вздох всеобщего удивления.

Дело и вправду принимало очень скверный оборот. И двадцатичетырехлетний обвиняемый Януш Ежи Радзивилл, поняв это, в ярости ударил кулаком по колену.

— Не иначе я — пасынок фортуны, — выкрикнул он в зал.

Эта мысль вызревала в его голове уже достаточно долго, с самого отрочества. Ничего удивительного. Люди далеко не всегда могут уразуметь, что они в этой жизни — настоящие счастливцы. Но фатальные неудачники всегда осознают, что счастье — не для них. И тяжело это переживают.

Януш Ежи появился на свет 8 января 1588 года в одном из имений родителей, Чернавчицы, близ Бреста. Он был вторым ребенком, но первым сыном в семье Миколая Криштофа Радзивилла Сиротки (если не считать умершего младенцем Миколая). Ему предстояло стать наследником князя и продолжателем рода. Впрочем, вскоре у Януша Ежи и его старшей сестры Альжбеты появились младшие братишки и сестренки: Альбрехт Владислав, Криштоф Миколай, Сигизмунд Кароль, Кристина, Катажина и Александр Людвик. Маленькие княжата-погодки весело резвились, выбирая в качестве места для игр и шалостей в новопостроенном замке в

Несвиже то большой парадный зал для гостей, то каминную столовую, то маменькину спальню, то папенькину библиотеку. Но родители редко наказывали малышей, искренне радуясь их резвости и жизнерадостности.

Увы, не долго суждено было длиться этой семейной идиллии. В 1596 году заболела и умерла мать семейства. Янушу Ежи в то время было только восемь лет.

Облачившийся в траур и печаль отец полностью возложил на себя ответственность за воспитание малолетних детей. Прежде всего, он ревностно стал заботиться об их образовании. Дочек по его желанию обучали всему необходимому для юных магнаток несвижские монахини-бенедиктинки. Сыновей — отцы-иезуиты из основанного Сироткой в своем городе коллегиума.

Когда Янушу Ежи исполнилось 11 лет, отец послал его продолжать учебу в известный и очень престижный иезуитский коллегиум в польском городе Браневе. Наследнику составили компанию два меньших брата, десятилетний Альбрехт Владислав и девятилетний Криштоф Миколай. Браневские иезуиты держали своих учеников в строгости и послушании. Два года, проведенные в стенах этого учебного заведения, показались юным Радзивиллам вечностью. В письмах они неоднократно жаловались отцу на жизнь. И как же все трое были рады, когда князь Сиротка в 1601 году прислал в Бранев своих людей, которые должны были увезти княжичей домой.

Дома Януша Ежи и его братьев ждало много неожиданностей, и печальных, и приятных. В первый же день по приезду им показали две маленьких мраморных плиты рядом с надгробием их матери. Во время их отсутствия маленькие сестрички, двойняшки Кристина и Катажина умерли. Впрочем, обитателей в несвижском замке меньше не стало. Потому что Миколай Криштоф взял на воспитание четырех осиротевших племянников, с которыми Януш Ежи, Альбрехт Владислав и Криштоф Миколай, кстати, очень быстро нашли общий язык и подружились. Но самой большой неожиданностью оказалось для Януша Ежи встреча со старшей сестрой, Альжбетой. За те два года, которые он не имел возможности видеть ее, Альжбета из веселой подружки его детских игр превратилась в ослепительную шестнадцатилетнюю девушку. Она даже успела обручиться с мечником коронным Габриелем Теньчиньским, была по уши влюблена в своего жениха и с нетерпением ждала дня свадьбы. Восхищенным взглядом следя за ставшей необыкновенно грациозной походкой Альжбеты, отмечая, как ладно сидят на ней взрослые платья, подглядывая в замочную скважину за тем, как сестра колдует в своей

комнате над румянами и белилами, Януш Ежи вдруг почувствовал, что приблизилась пора его взросления.

Через два с половиной года, отпраздновав свое шестнадцатилетие, Януш Ежи с благословения отца вторично покинул родной дом. Теперь уже — для учебы в Аугсбурге. Вместе с ним вновь отправились его братья, Альбрехт Владислав и Криштоф Миколай. Княжичей сопровождал гувернер Лукаш Фелициан Моссальский и почтенный отец-иезуит Мельхиор Дуциус. Опасаясь за своих отпрысков, Сиротка отправил с ним также целый вооруженный отряд.

Через Варшаву, Познань, Вроцлав, Прагу и Ратибзон за два месяца они добрались до Баварии. Баварский город Аугсбург встретил его тепло и приветливо. В марте 1604 года сыновья князя Радзивилла были занесены в списки учащихся местного иезуитского коллегияума и начали посещать лекции.

Мечтая о том, что Януш Ежи сделает себе в будущем политическую карьеру, Сиротка позаботился о том, чтобы некоторые предметы его наследником изучались углубленно. Преподаватели римского права, математики, немецкого языка за дополнительную оплату согласились в неучебное время давать Янушу Ежи (как, впрочем, и его братьям) еще и частные уроки. Вероятно, считая своего старшего сына недостаточно любезным и обходительным для своего возраста с особами противоположного пола, отец дополнил список наук для углубленного изучения музыкальными уроками. И усердный наставник стал обучать Януша Ежи искусству извлечения сладчайших звуков из лютни.

Хотя программа обучения была довольно насыщенной и напряженной, пребывание в Аугсбурге Януш Ежи относил к самым счастливым годам своей жизни. Это было время первых юношеских мечтаний, приятных и светлых, и время сильнейших впечатлений. Когда братьям Радзивиллам удавалось выкроить свободный денек-два, они совершали длинные экскурсии по окрестностям Аугсбурга, знакомились с достопримечательностями Баварии. В июне 1604 года все трое совершенно неожиданно для себя были приглашены в гости в замок герцога баварского Максимилиана I. Герцог принял их с большими почестями как детей человека, равного себе по положению. В этом же году братья посетили город Ингольдштадт и познакомились с тамошним университетом, одним из крупнейших центров науки средневековой Европы.

Вскоре Сиротка решил, что для развития способностей и талантов его сына Криштофа Миколая больше подходит университет

в Болонье. И братьев разлучили. Но связь друг с другом они не потеряли, активно переписываясь.

Летом 1606 года, после окончания учебы, Януш Ежи и Альбрехт Владислав решили отправиться в Италию, о которой так восторженно и красноречиво рассказывал в своих письмах Криштоф Миколай. Путешествие было похоже на волшебную сказку. Восхищало все: и мягкий теплый климат, и запах лазурного моря, и вкус самых спелых, самых сочных плодов. Поражала архитектура городов и великолепие ажурных дворцов. Страна великих героев, ученых и мыслителей, прославленных поэтов, художников, ваятелей и зодчих буквально потрясла Януша Ежи. Он влюбился в Италию.

Януш Ежи с Альбрехтом Владиславом посетили сначала Милан, где задержались на целое лето. Прекрасную итальянскую осень они созерцали в Генуе, Кремоне и Мантуе. Зимой приехали в Болонью, где встретились с братом и провели несколько месяцев во дворце, купленном еще до их рождения отцом. С наступлением весны, расставшись с Криштофом, старшие братья направились в Неаполь. Потом был Рим, где их очень благосклонно принял сам папа Павел V. После города святого Петра Януш Ежи предложил Альбрехту Владиславу посетить Венецию.

Но насладиться красотой и величием этого города в полной мере они не успели. Их догнало страшное известие: в Болонье умер Криштоф Миколай. Он заразился во время внезапно вспыхнувшей в городе эпидемии чумы. Прекрасная сказка окончилась...

Обратный путь в отцовский Несвиж был тяжек и горек. Все, что раньше радовало взгляд и восхищало душу, теперь казалось насмешкой над чувствами, потому что за каретой, в которой покидал Италию Януш Ежи, следовал траурный экипаж с гробом его младшего брата. Слезы боли и отчаяния катились по щекам девятнадцатилетнего княжича. Ему казалось, что чья-то злая воля навсегда отрывает его от тех мест, где он был так беззаботно счастлив. И, возможно, именно тогда впервые пришли в его голову эти два слова — "пасынок фортуны".

В Несвиж процессия с печальным грузом прибыла в июле 1607 года. Безутешный Сиротка установил гроб сына в склепе фарного костела, заявив, что отныне это место будет фамильной усыпальницей несвижских Радзивиллов. Он винил себя в смерти Криштофа Миколая, думая, что сын был бы жив, когда бы ему не пришла в голову мысль отправить его в Болонью. Боль утраты была настолько сильна, что старый князь на время потерял всякое желание общаться с кем бы то ни было, кроме близких родственников. А когда

обстоятельства требовали его вмешательства во что-то или присутствия в каком-либо месте, он посылал вместо себя Януша Ежи.

Так зимою 1608 года наследник Сиротки ездил в Краков к королю Сигизмунду III с ходатайством о двоюродном брате, подчащем¹² литовским Януше Радзивилле из биржанской линии рода, который поднял против короля рокош¹³. Поговорив с сыном Сиротки и взвесив все за и против, король простил своего мятежного подданного.

А в мае этого же года Януш Ежи вынужден был заменять отца на церемонии погребения воеводы киевского, славного героя Константина Василя Острожского в городе Остроге. Там он познакомился с внучкой покойного воеводы, молодой и богатой вдовой Элеонрой Язловецкой.

Знакомство это сказалось роковым. Предприимчивая Элеонора быстро смекнула, что как старший сын князя Радзивилла Януш Ежи в будущем станет владельцем большей части фамильных богатств самого могущественного в Великом княжестве Литовском рода. И она сделала все, чтобы окрутить неопытного еще в амурных делах молодого человека.

Из Острога Януш Ежи приехал с твердым намерением жениться. Сиротка попытался было отговорить сына, но столкнулся с непреклонной решимостью. И — сдался. Был назначен день для встречи отцов жениха и невесты и сговора. Сразу же по истечении срока траура по старику Острожскому, Сиротка и отец невесты каштелян краковский Януш Острожский съехались на нейтральной территории, каждый со своим вариантом брачного контракта.

Условием Острожских было требование, чтобы отец еще при жизни своей передал Янушу Ежи права на владение большей частью наследственных имений. А также уступил сыну воеводство виленское. Нельзя сказать, чтобы Сиротка был в восторге от этого предложения, за которым ему явно виден был авантюризм будущего тестя и невестки, но, не желая становиться преградой на пути к счастью Януша Ежи, он согласился обсуждать проект брачного контракта, составленного Острожским. В результате, после того, как обе стороны пошли на взаимные уступки, контракт приобрел следующий вид. Старый князь Радзивилл передает сыну при жизни имения Мир, Свержень, Миколаевщина и Могила — их и следует считать отныне

¹² Подчаший — помощник великого чашника. Великий чашник ведал напитками для королевского стола, в торжественных случаях подносил королю кубок с вином.

¹³ Рокош — вновь избранный король и Великий князь подписывал обязательства не нарушать прав и привилегий господствующего класса.

его наследством. После смерти отца Януш Ежи получает также Несвиж.

В середине октября 1609 года в местечке Язловец на Подольщине произошло венчание двадцатидвухлетнего Януша Ежи Радзивилла и двадцатитрехлетней Элеоноры Язловецкой, в девичестве Острожской. Там же молодая пара и поселилась после свадьбы.

Но брак, которого так добивался молодой Радзивилл, не принес ему счастья. Нежная и уступчивая с виду, Элеонора на деле оказалась вздорной, капризной бабенкой. Мелкими придирками и нытьем она изводила супруга. К тому же выяснилось, что она не может иметь детей. Общаясь с "милой женушкой", Януш Ежи постоянно нуждался в том, чтобы на кого-нибудь и где-нибудь выплеснуть свои агрессивные эмоции. Благо, объекты для этой цели далеко искать не приходилось. Покойный муж Элеоноры, воевода подольский Героним Язловецкий, умирая, указал в завещании наследниками своих обширных имений кроме жены целый ряд добрых соседей, шляхтичей Косовских, Чурил, Белорецких, Вольских, Гольских. После похорон пана воеводы, все они тут же поспешили вступить во владение наследством. Элеоноре досталась гораздо меньшая территория, чем им всем. Да и то, что получила она по завещанию, должно было принадлежать ей только до ее смерти. Ревнивый Язловецкий не собирался дарить что-либо семье того человека, что женится на его вдове.

Януш Ежи начал судиться с соседями. На слушании дел он скандалил, сквернословил, угрожал, между процессами чинил своим противникам всяческие мелкие гадости. Он заслужил славу отвратительного типа со скверным, склочным характером. Его все люто ненавидели. Судебные процессы, начатые Радзивиллом, оканчивались по-разному. Права кое на какие имения покойного Язловецкого ему удалось доказать. Но случались и неудачи, после которых он сильно досадовал и злобствовал. Больше всего по его гордости ударил проигрыш имущественного процесса со вдовой Зофьей Гольской, у которой он намеревался отсудить имение Бучач. В ярости от постигшей его неудачи, Януш Ежи, собрав вооруженный отряд, напал на замок Гольской в Бучаче и захватил его. Побежденной вдове еле удалось унести ноги.

Рассказ о бесчинствах Радзивилла во время захвата замка возмутил всех его соседей. Они стали уговаривать Гольскую подать на обидчика в суд. Но, хорошо зная, как трудно простой шляхтянке вступать в тяжбу с могущественным магнатом, вдова решила заручиться сначала поддержкой какой-нибудь влиятельной особы. Перебрав всех своих знакомых, она остановилась на кандидатуре

Станислава Ланскоронского, который стал воеводой подольским после смерти Язловецкого. Когда-то Ланскоронский был к ней неравнодушен. Зофье Гольской ничего не стоило вновь разбудить в своем бывшем поклоннике страстные чувства. И принять его официальное предложение руки и сердца.

Сразу же после венчания Ланскоронский от имени жены обратился в коронный трибунал с жалобой на Радзивилла. Он обвинил его в разбойном нападении на бучацкий замок, а также в причинении морального и материального ущерба хозяйке.

На время расследования обстоятельств дела, суда и до вынесения приговора Януш Ежи был подвергнут домашнему аресту. Сначала он искренне смеялся над возней, которую затеяли судебные чиновники против его, как ему казалось, довольно молодецкого поступка. Но вскоре Радзивиллу стало не до смеха. Все чаще в зале суда стали звучать слова — "смертная казнь". Правда, большинство из панов трибунала считали, что в данном деле нет необходимости идти на крайние меры, и предлагали вечное изгнание князя из страны при конфискации всех его имений.

Когда Януш Ежи уже совсем отчаялся и понял, что надежды на вынесение благополучного приговора почти нет, за дело энергично взялся старик Сиротка. Он привез откуда-то адвоката — великого доку в подобных делах. Адвокату удалось убедить судей, что о разбойном нападении не может быть и речи, ведь князь захватил спорную недвижимость, не причинив при этом вреда ни неоспоримо принадлежащему вдове имуществу, ни ей самой. Еще более убедили панов трибунала деньги, рассыпаемые щедрой рукой старого князя. Януша Ежи приговорили к уплате огромного штрафа в пользу Зофьи Гольской-Ланскоронской. Имение же Бучач как спорное перешло в королевскую казну.

Итак, сражение за жизнь сына Сироткой было выиграно. Но пятно на его чести, а значит, и на чести всего рода, оставалось. Чтобы смыть его, Янушу Ежи требовалось совершить нечто великое. Лучше всего для этого подходила государственная служба. И Сиротка поспешил добиться для сына должности каштеляна трокайского. В этом качестве Януш Ежи выступал уже в 1613 году на сейме, где его назначили комиссаром в деле по расследованию мятежа, вспыхнувшего в войсках короля, ведущих боевые действия в России. Причиной мятежа была огромная задолженность по жалованию. Воины отказывались воевать под вечной угрозой голода и целыми подразделениями возвращались в Польшу. Комиссия начала работу во Львове в феврале 1614 года. И хотя инцидент был исчерпан лишь

частично — для иностранных наемников — король был доволен работой Радзивилла.

Поэтому предложил в 1616 году Янушу Ежи возглавить трибунал литовский. Позорное пятно с имени сына Сиротки было смыто. Но старому князю уже не суждено было порадоваться этому. 28 февраля 1616 года он умер.

6 марта этого же года, после окончания раздела наследства с братьями, Януш Ежи перебрался на постоянное место жительства в Несвиж, ординатом которого теперь стал.

Он добросовестно справлялся со своими обязанностями маршалка трибунала литовского, был довольно справедлив в своих решениях, хотя его подчиненные неоднократно замечали благосклонность и сочувствие Радзивилла к молодым буянам, попавшим под следствие за свою чрезмерную удаль. Иногда во время сеймов король назначал Януша Ежи сенатором-резидентом, говоря, что Радзивилл как нельзя лучше подходит на эту должность, ибо в любой ситуации до конца умеет держать нейтралитет.

Все было вроде бы хорошо, но, в общем-то, Януш Ежи прекрасно понимал, что, по большому счету, пока ничего не добился ни по службе, ни в личной жизни. И это его угнетало. Радзивилл мечтал о каком-то внезапном повороте событий, который бы в корне изменил его жизнь, наполнил ее ощущением радости.

В августе 1617 года сын короля Сигизмунда III, королевич Владислав, один из главных претендентов на русский престол во время, вошедшее в историю под названием смутного, отправился из Варшавы с войском на Москву. Настроение у королевича было самое решительное. Без царской короны возвращаться домой он не собирался. Путь войска проходил в непосредственной близости от Несвижа. Януш Ежи пригласил Владислава сделать небольшую остановку в его замке и отдохнуть. Королевич принял приглашение и четверо суток гостил в Несвиже. Радзивилл сделал все, чтобы поразить воображение своего высокого гостя. Вспомнив юность, итальянское тепло и гостеприимство, яркость городских шествий и уличных представлений, Януш Ежи постарался перенести эту атмосферу на улицы Несвижа.

Двести лет спустя Владислав Сырокомля написал об этом так: "В коллегии его (королевича Владислава — *Авт.*) приветствовали похвальной речью иезуиты, королевич доверил их молитвам успех своей экспедиции. В городе на встречу с молодым рыцарем вышли с хоругвями цеха, на замковом валу его приветствовали выстрелами, а когда на банкете прозвучал тост в честь его королевской милости, такой был гром из пушек, что только кое-где в городе окна остались

цельми. Каштелян трокайский, с великой помпой приняв королевича и его придворных, подарил ему для войны две большие пушки".

Королевичу Владиславу не удалось короноваться на царство в Москве, так как москвиты отчаянно сражались за выбранного уже к этому времени из числа своих бояр государя, Михаила Романова. Но чудесный прием в Несвиже он не забыл и вписал имя Радзивилла в список своих друзей.

А Радзивилл меж тем после отъезда королевича совсем затосковал. Серые будни, сменившие радостное оживление праздника, угнетали. Впрочем, он утешал себя тем, что через полгода у него появится новый повод для устройства праздника в Несвиже. В январе 1618 года Янушу Ежи должно было исполниться 30 лет.

Уже были разосланы приглашения гостям, уже кипела работа на кухне, волновались слуги, подготавливая замок к приему. До торжества оставалось два дня, когда внезапно скончалась Элеонора. И вместо задранных песен несвижский замок погрузился в траур и уныние.

И тогда Радзивилл решил, что слишком долго просто плыл по течению, пытаясь подчинить свои желания размеренной необходимости. По истечении срока траура он засобирался в дальнюю дорогу.

В конце 1619 года в очередной раз он был вызван в Варшаву для участия в сейме в качестве сенатора-резидента. Но в ответ на приглашение короля, Януш Ежи написал письмо, в котором сообщил, что из-за плачевного состояния своего здоровья вынужден отказаться от чести, оказанной ему, и выехать для поддержания организма на заграничные курорты.

Путешествие его началось с посещения Германии. Два зимних месяца, декабрь и январь, он провел в этой стране, с которой было у него связано довольно много. Дольше всего задержался Радзивилл в Аугсбурге. Потом были Англия и Франция. Июль 1621 года застал Януша Ежи в Антверпене, откуда он поспешил в так полюбившуюся ему волшебную Италию. Казалось, новая встреча с нею будто бы вернула ему его юность. И внезапно он ощутил желание поступить в Падуанский университет. Два года Радзивилл был студентом этого прославленного учебного заведения. Потом покинул Падую ради Флоренции. Во Флоренции он пристал к свите королевича Владислава, которому тоже пришло в голову попутешествовать по Западной Европе и поразвлекаться. Среди сопровождающих Владислава придворных был и младший брат Януша Ежи, Александр Людвик. Вместе они проследовали в Милан, где были приняты при дворе герцогини-регентши Марии Магдалины. Она давала в честь своих высоких гостей новинку, оперу-балет "Освобождение Руджеро с

острова Альньяны". Это было первое произведение для оперной сцены, которое написала женщина, — певица, клавесинистка и композитор Франческа Каччини. Из Милана путешественники направились во Флоренцию, где сразу же приняли участие в веселом карнавале. Одетые в черные полумаски и черные домино, королевич и князь затерялись в толпе горожан и, неузнанные, мило шутили с простолюдниками.

Вскоре королевич Владислав покинул Италию, но Радзивилл остался еще на несколько месяцев. Он было поступил в университет в Болонье, но учиться там не смог. Возможно, помешали грустные воспоминания об умершем здесь брате, Криштофе Миколае.

Наконец, свежий и полный сил, Януш Ежи стал подумывать о возвращении домой, чтобы жениться и завести наследника.

В октябре 1625 года Радзивилл покинул Италию. Вернувшись домой, он энергично стал подыскивать себе невесту. И остановился в конце концов на молодой Катажине Войне, падчерице старосты жмудского Геронима Воловича. Сделав предложение, он быстро получил согласие. Венчание по настоянию жениха было назначено на 6 января 1626 года, дату смерти его бывшей супруги. Этим Януш Ежи словно бы заявлял всему миру о начале новой жизни, в которой нет места унынию, огорчениям и неудачам. Он бросал вызов своей судьбе.

И фортуна приняла этот вызов. Она в последний раз жестоко посмеялась над Радзивиллом. Он умер за двадцать дней до свадьбы, тридцати семи лет от роду. Во время пребывания в гостях в кобринском замке своего несостоявшегося тестя...

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

1611 год. Войска короля Сигизмунда III шли по русской земле, продвигаясь к Москве. Путь по стране, охваченной пламенем гражданской войны, раздираемой смутами, не был легок. И хотя в некоторых селениях польских рыцарей встречали более-менее приязненно, большая часть русского населения относилась к чужеземцам враждебно, с открытой ненавистью. Нарастало сопротивление интервенции.

Озабоченно хмурил лоб возглавлявший этот поход гетман великий литовский Ян Кароль Ходкевич. Настроение его по мере продвижения в глубь страны становилось все более мрачным.

На одном из привалов к костру гетмана приблизился молодой рыцарь.

— Ваша милость, пан гетман, — обратился он к Ходкевичу, — объясните мне, в конце концов, зачем мы здесь и по какому праву? Когда нас вызывали из Ливонии, мне казалось, что мы идем на Русь как солдаты законно избранного тут царя, сына Сигизмунда III, Владислава. Но русские, которых мы встречаем, кажется, совсем не признают его своим повелителем. Нас называют захватчиками. Нас ненавидят и презирают. Достойно ли для рыцарей пребывание тут, в чужой и враждебной стране?

— Князь Альбрехт, — сурово прозвучали в ответ слова гетмана. — Главная цель похода — вызволить наших братьев, осажденных в Москве воинов Речи Посполитой. Их пригласили сюда бояре, присягнувшие королевичу Владиславу как своему государю. А теперь настроение русских переменилось, и наши братья заперты в Москве. Они страдают от голода и жажды. И я не знаю более достойного дела для рыцаря, чем спасение их.

Да, молодой князь Альбрехт Владислав Радзивилл славился своей щепетильностью в вопросах чести. Он был отважен, справедлив, силен и вынослив, а значит, обладал всеми достоинствами, чтобы называться рыцарем без страха и упрека.

Воинская карьера Альбрехта Владислава началась в июле 1608 года. Двадцатилетний юноша привел под знамена одного из наиболее прославленных полководцев Речи Посполитой гетмана великого литовского Яна Кароля Ходкевича отряд, который состоял из хорутви кавалеристов (гусар и казаков) и роты пехоты. Речь Посполитая уже девятый год вела войну со Швецией. Военные действия шли в Ливонии. Армия Ходкевича стояла под Ригой, занятой армией

шведского генерала Фридриха Мансфельда. Почти сразу после прибытия Радзивиллу довелось принять участие в боях. Молодой воин заслужил похвалу своего военачальника в марте 1609 г. в походе на Пярну, захваченный шведами. В результате отчаянного ночного штурма, воинам Ходкевича удалось взорвать ворота города, и утром шведы поднесли Ходкевичу ключ от Пярну. Прекрасным воином и командиром показал себя Альбрехт Владислав и при осаде в сентябре этого же года рижского форпоста Динамюнде. Против немногочисленной армии Ходкевича выступали 14 тысяч шведов Мансфельда — наемники со всей Европы. Но Ходкевич применил интересный тактический ход. Немного подержав осаду, он вдруг скоординировал своим воинам отступить через Двину. Мансфельд пустил свое войско вдогонку, думая, что противник бежит. Но когда шведы стали переправляться через наведенный мост на другой берег, они попали в засаду. От внезапности они не смогли перестроиться и были сметены лавиной воинов Ходкевича в реку. В армии Мансфельда началась паника. Его воины побежали. В числе прочих молодой Радзивилл вошел в Динамюнде, а чуть позднее и в освобожденную Ригу. Еще несколько блестящих побед, и шведы предложили Речи Посполитой перемирие.

В 1611 году Радзивиллу довелось принять участие в другой войне. Король Польский и Великий князь Литовский Сигизмунд III Ваза решил воспользоваться "смутным временем" и вернуть земли, которые были потеряны в предыдущих войнах с Русью. А возможно, он вынашивал даже планы надеть на свою голову и русскую корону, хотя номинально царем русским считался его сын Владислав. В начале июля Сигизмунд III с огромным войском подошел под стены Смоленска. Ходкевичу же приказал идти на Псков, который незадолго до этого отделился от Москвы. Там рыцари Речи Посполитой в течение шести недель безрезультатно пытались захватить Печерский монастырь. Эта "тихая обитель" оказалась крепким орешком, была прекрасно укреплена и вооружена пушками. А ее гарнизон, состоявший из воинов, монахов и местных жителей, которые укрылись за ее могучими стенами, был крепко духом и полон отваги. Еще больше поднимала боевой дух защитников монастырская святыня — чудотворная икона Божьей матери, которую они выносили на стены, когда отбивали вражеские штурмы.

У многих воинов, осаждавших монастырь, зрело в душе недоумение — зачем они здесь, с кем пришли воевать? Кем считать своих противников? Врагами? Отступниками от крестного целования Владиславу? Со шведами было понятней. У них отвоёвывали земли,

которые были захвачены Швецией во время распада Ливонии. А поскольку Ливонский орден добровольно вошел в состав Речи Посполитой, то эти земли нужно было отобрать. А что полякам да литвинам делать на Псковщине? Неоднократно выказывал друзьям-соратникам подобные мысли и Радзивилл. Да и самому Ходкевичу не любо было участие в "Московской войне". Но он ведь был солдатом короля и вынужден был ему подчиняться.

Впрочем, монастырь устоял. Ходкевичу пришлось снять осаду. И вот Сигизмунду все-таки удалось взять Смоленск.

В это время на Руси политические силы, которые не признали избрание русским царем Владислава, поднялись на борьбу. В Рязанской земле было сформировано первое земское ополчение. К ополченцам примкнули служилые люди Нижнего Новгорода, Вологды, Ярославля, казацкие отряды. Возглавили их дворянин Прокопий Ляпунов, князь Дмитрий Трубецкой и казачий атаман Иван Заруцкий. Все это воинство осадило Москву с целью выбить оттуда сторонников Владислава и польско-литвинский гарнизон, который был у него на службе как у русского царя.

Сигизмунд III Ваза решил послать помощь осажденным. Доверил он это дело Яну Каролю Ходкевичу. Задачей гетмана было прорваться в Москву и, закрепившись в ней, продержаться до приезда туда королевича Владислава. Радзивилл со своим отрядом тоже принял участие в этом походе. Корпус Ходкевича насчитывал всего две тысячи человек. Ополчение же, что стояло под Москвой, превосходило его во много раз. Однако весть о приближении "поляков" довольно сильно обеспокоила его предводителей. Они разослали по городам гонцов с просьбой о помощи. Сами же решили начать штурм города. 15 сентября 1611 года они подкатили к стенам Китай-города 10 мортир¹⁴ и начали обстрел. От загоревшейся соломенной крыши одного из домов начался пожар. Он охватил целые кварталы. Среди защитников Москвы возникла паника. Ополченцы воспользовались этим и ворвались в Китай-город. Защитники его были вытеснены и вынуждены укрыться в Кремле, откуда начали из пушек обстреливать городские кварталы. Обстрел вел на нет попытки ополченцев потушить стремительно распространяющийся по городу пожар. Однако положение осажденных ухудшалось с каждым днем.

4 октября к Москве подошел Ходкевич. Его воины были измотаны долгой и трудной дорогой да к тому же разделились на два

¹⁴ Мортир — короткоствольное артиллерийское орудие, предназначенное для разрушения особо прочных оборонительных сооружений.

лагеря: одни являлись сторонниками гетмана, другие же поддерживали его недоброжелателя, Потоцкого, не желавшего, чтобы вся слава после взятия Москвы (в этом он, почему-то, даже не сомневался) досталась Ходкевичу. Кроме того, большинство польских воинов из корпуса были недовольны тем, что ими командует литвин. Альбрехта Владислава эти распри страшно раздражали. Он постоянно напоминал о том, что помощь землякам — это их долг, указывая, что отказ от этого святого дела запятнает их честь, заявляя, что плюнет на все и только со своим отрядом и с теми, в ком сохранился рыцарский дух, прорвется в город и доставит осажденным продовольствие и боеприпасы. Ибо, как доносила разведка, воины Владислава в Москве настолько оголодали, что питались уже дохлятиной, ели крыс, котов и собак.

Однако грозная опасность на время притупила эти противоречия. Русские ополченцы засели в укреплениях и траншеях и закрыли все подступы к городу. Ходкевич понимал, что для того, чтобы взять эти укрепления, у него не хватает ни людей (особенно пехоты), ни артиллерии. Однако решил все же попробовать прорваться. 5 октября корпус переправился через реку и вступил в бой. Его кавалерия несколько раз схватывалась с казаками в жестокой сече и откидывала их за укрепления. Однако сам лагерь взять не удалось. Казаки под командованием Заруцкого сражались с необычайным упорством, проявляя отвагу и героизм. Перелом в сражении наступил тогда, когда атаман лично повел их в контратаку, в результате которой неприятель был отогнан от лагерных укреплений.

Ходкевич вынужден был отказаться от намерений прорваться в Кремль. Он решил дожидаться подхода Сигизмунда III Вазы с сыном и войском. И все же гетман рассчитывал хотя бы доставить в Москву обоз с продуктами. Однако помешали этому опять казаки. Они напали на обоз и захватили большую часть телег. С трудом князь Корецкий смог с остатками доверенного ему груза прорваться к осажденным.

Тем временем не все благополучно было и в лагере русских. Ополченцы устали. Победа досталась им слишком большой ценой. Потери были велики. А среди командования начались разногласия и ссоры, в результате которых Ляпунов был убит. Узнав о событиях в лагере противника, хитрый Ходкевич решил этим воспользоваться и начал переговоры с Заруцким. Он предложил отважному атаману перейти на службу к царю Владиславу. О переговорах стало известно Трубецкому, и он попробовал схватить Заруцкого. Но атаман собрал своих казаков и покинул лагерь.

После этих событий ополченцы предприняли еще одну попытку взять Москву приступом. И вновь неудача, и вновь огромные потери.

Так распалось первое ополчение. Однако на его место к Москве подходило уже второе, во главе с Козьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским. Ходкевич же со своим поредевшим корпусом с наступлением холодов отошел к Рогачевскому монастырю, который находился в 20 километрах от Ржева, потом в Вязьму. Он увел с собой часть поляков из гарнизона Кремля и воинов усвятского воеводы Яна Павла Сапега, который еще в августе 1611 года пробился в Москву с продовольствием, и сам вскоре умер в ней.

Ходкевич ждал обещанной королем помощи. И тот вскоре прислал... всего несколько сотен кавалеристов и тысячу пехотинцев, немецких наемников. Правда, к Ходкевичу присоединились 8 тысяч запорожских казаков. Однако надежды на них не было никакой. "Вся трудность теперь нашей Литве достанется. То же самое Господь Бог видит, и ничего от казаков мы не видим, ибо они кровь проливать и церкви грабить будут, а дело это можно было бы свершить", — жаловался гетман Радзивиллу. Тот лишь молча вздыхал. Да и что было говорить, если против 30-тысячного ополчения Минина и Пожарского можно было выставить всего только 12 тысяч человек, включая запорожцев и тех воинов, которые были выведены из Кремля. Да к тому же под Москвой продолжал стоять лагерем князь Трубецкой, который, правда, с самого начала не поладил с командованием первого ополчения, однако представлял все же реальную опасность. Но помочь осажденным было необходимо. И поэтому войско Ходкевича вновь выступило на Москву.

Князь Пожарский, который знал о приближении гетмана, подготовился к битве. Первое столкновение произошло 22 августа близ Новодевичьего монастыря. Староста мозырский Язеп Будзила, участник тех событий, так описывал эту битву: "Гетман, вдохновленный мужеством, приказал всей немногочисленной своей коннице атаковать. Силы были неравными, потому что у гетмана было мало конницы, а московской — несколько десятков тысяч. Наши били множество московских людей и загнали их в речку Москву, одни даже вынуждены были прыгать с берега в воду, другие из них бежали из своего лагеря, третьи едва держались в лагере. Наши, преследуя их, врывались в самые лагера..." Уже казалось, победа близка, однако во фланг наступавшим неожиданно ударила конница князя Трубецкого, до этого не принимавшая участия в битве, и несколько сотен всадников, которых до начала столкновения придал им Пожарский. Внезапность сыграла свою роль. Войско Ходкевича вынуждено было отступить за реку.

Понимая, в каком безвыходном положении находятся осажденные, Ходкевич решился на отчаянный шаг. Вечером 23 августа он послал отряд своих воинов с целью попробовать налегке пробраться в Кремль. Более 500 человек сумели под покровом ночной тьмы добраться до своих земляков. На следующий день осажденные вместе с прибывшим подкреплением совершили дерзкую вылазку из ворот Китай-города и овладели позициями ополченцев. И это при том, что они от голода, по словам очевидцев, "качались на ветру". В это же время гетман, который рассчитывал на успех вылазки, ударил в направлении Донского монастыря. Завязалась кровопролитная рукопашная схватка. Ополченцы были вытеснены на противоположный берег Москвы-реки. Их преследовали и там. Видя катастрофичность положения, Минин прибыл в лагерь Трубцецкого и начал упрашивать казаков помочь. Те в это время пьянствовали, играли в кости и только посмеивались — мол, нам-то какое до всего этого дело? Тогда Минин пообещал, что в случае победы им будет принадлежать весь вражеский обоз. От такого предложения разгоряченные водкой казаки не отказались, тут же оседлали коней и ринулись в бой. Они смогли остановить наступление Ходкевича. А Минин в это время с отборным дворянским отрядом обошел наступающих и ударил им в спину. Этот удар привел к окончательному поражению литовско-польского войска. Оно начало отступать. Вдохновленная неожиданной удачей, пехота ополченцев покинула свои укрепления и перешла в наступление. Вслед за нею пошла в атаку конница. Только опыт и воинское мастерство гетмана спасло его воинов от окончательного разгрома. Залпами из мушкетов русских удалось остановить.

Потери были огромными. Альбрехт Владислав, к примеру, не досчитался половины своих кавалеристов и пехотинцев. Ходкевич дал приказ обозу отступить. Прикрывая его отход, и гетман, и Радзивилл, и другие командиры остались со своими воинами. Более часа сдерживали они натиск русских. И только, когда убедились, что обозу ничего не грозит, отступили сами. Их даже не преследовали.

Ночью войско было приведено в порядок. Подсчитаны потери. Стало ясно, что с такими силами продолжать дальнейшую борьбу бессмысленно. Взять Москву можно, только получив большое свежее подкрепление. Со слезами на глазах объявил гетман о своем решении. Плакал, не скрывая своих чувств, и Альбрехт Владислав. Ему было стыдно смотреть на стены русской столицы, понимая, что осажденные обречены, им так и не удалось помочь.

Поредевшее воинство направилось в Вязьму, где находились в это время Сигизмунд и Владислав. И Ходкевич, и Радзивилл, и даже

Потоцкий просили короля выступить со всем войском на Москву. Тот долго раздумывал, прикидывал, наконец, решился. Но помощь их к тому времени уже опоздала. Доведенные до отчаяния голодом (наблюдалась даже случаи людоедства) 28 октября осажденные сдались. В своем дневнике Язеп Будзила оставил в связи с этим такую запись: "Когда нас, несчастных осажденных, со всех сторон окружала беда, когда мы не могли получить никакой помощи от короля — нашего пана, когда колесо нашей удачи упало и наступил печальный конец наших дел, так счастливо нами начатых, и поддерживаемых долгое время нашей кровью, здоровьем и потерями, когда силы наши кончились, наша природа отказалась служить, тогда мы, чуть живые, с большим сожалением и плачем, взяв в свидетели Бога, что мы не виноваты ни в чем перед державой и отчизной, держали столицу до того времени, покуда хватало средств".

Альбрехт Владислав понимал, до какой степени страданий дошли бедные его земляки. Но своей вины в том, что помочь им не удалось, не видел. Виноват был другой. Если бы Сигизмунд III вовремя подошел к Москве или хотя бы прислал настоящее подкрепление, то результат был бы совсем иным. Радзивилл разочаровался в своем монархе и решил оставить армию.

Он вернулся домой и почти сразу же был избран на новогрудском сеймике послом на вальный (всеобщий) сейм княжества. Новость эту воспринял без особого энтузиазма. В 1614 году за свои военные заслуги был назначен старостой рижским. И хоть принял должность, но она принесла Альбрехту Владиславу одни только заботы. Стены Риги, которые пережили за последние десятилетия множество штурмов и осад, обветшали и были сильно повреждены. Город практически перестал быть крепостью. А между тем напряженные отношения со Швецией сохранялись. В любую минуту можно было ждать военных действий. Альбрехт Владислав неоднократно обращался по этому поводу к Сигизмунду III, пробовал воздействовать на него через решения местных сеймиков, обращался за поддержкой к своему влиятельному в военных кругах родственнику, представителю биржанской линии Радзивиллов гетману польному Криштофу. Наконец понял, что исчерпал все возможности и средства для решения этой проблемы и в конце 1619 года категорически отказался от должности. Правомерность опасений Альбрехта Владислава доказало то, что всего через два года после последнего события Рига была захвачена шведами.

28 февраля 1616 года Альбрехта Владислава постигло великое горе, умер его отец Миколай Криштоф Сиротка. В наследство

Альбрехт Владислав получил Шидловец в Сандомирском, Чернавчицы в Брестском, Лахву и Кореличи в Новогрудском воеводствах.

Еще до смерти отца Альбрехт Владислав влюбился в первую торуньскую красавицу, панну Пяменскую. Долго ухаживал за ней и, признавшись в любви, предложил руку и сердце. Панна ответила согласием. В мае 1616 года Радзивилл послал в Торунь сватов. Главным среди них был его родной брат Сигизмунд Кароль, человек, имевший большую известность и вес в обществе, первый в Великом княжестве Литовском кавалер Мальтийского Ордена, создатель и глава первого в Речи Посполитой территориально-административного подразделения этого Ордена — командорства, овеянный славой борьбы с берберийскими пиратами на Средиземноморье. Все были уверены в успехе сватовства. И все просчитались. Браку этому воспротивился отчим девушки, староста старгородский Матей Немаевский. Чтобы хоть как-то успокоить расстроенного жениха, Сигизмунд Кароль предложил ему действовать по методу "клин клином вышибают". Напомнил о планах его женитьбы, которые строил еще Сиротка. Заметил, что отец всегда желал всем своим сыновьям добра и редко ошибался. И предложил взять в жены ту девушку, которую для Альбрехта Владислава выбирал еще отец — дочку канцлера великого литовского Льва Сапега, Анну. Ее мать, Гальшка, кстати, была из рода Радзивиллов. Альбрехт Владислав согласился. Могущественный тесть начал продвигать зятя по служебной лестнице. Вероятно, при его поддержке Радзивилл получил в 1620 году должность стольника¹⁵ литовского, а в 1622 году — крайчего¹⁶ литовского.

1626 году, после смерти старшего брата Яна Ежи, Альбрехт Владислав получил привилей на каштелянство трокайское. Тем самым он стал членом сената Великого княжества Литовского — панов-рады. Однако большого интереса к государственной деятельности не проявил. Впервые побывал на совете в 1632 году и сразу же отказался от каштелянства. Вместо этого предпочел заниматься своими поместьями. После смерти бездетного Яна Ежи он стал одним из богатейших магнатов княжества. Принял на себя ординацию несвижскую, Мир, шикарный дом в Вильно и ... огромные долги покойного. Вначале Несвиж его и особенно его жену не обрадовал. В тот год во всем Великом княжестве Литовском и некоторых регионах Польши бушевала эпидемия чумы. В октябре она дошла и до Несви-

¹⁵ Стольник — наблюдал во время торжественных пиршеств за порядком при сервировке пиршественного стола.

¹⁶ Крайчий — наблюдал за обслуживанием пиршественного стола, разрезал и разделял кушанья и т.п.

жа. Когда начали умирать люди на Вольни, иезуитское руководство эвакуировало оттуда в Несвиж своих учеников-теологов, так что количество обучающихся в местном коллегииуме возросло до 73. С приближением же эпидемии к Несвижу иезуиты, оставив в городе только брата Яна Олянда с несколькими его учениками для отпевания и похорон умерших, разбежались по полесским деревням. В последних числах ноября эпидемия закончилась, унеся в могилу свыше 50 несвижцев.

Как боялась чумы жена Альбрехта Владислава! Как старалась уберечь себя! Как радовалась известию, что эпидемия пошла на убыль! Но вот парадокс судьбы — бедная Анна спаслась от чумы, а умерла через год от простого воспаления легких. Детей от брака с ней у Альбрехта Станислава не было. Да и любви к ней, судя по всему, тоже. Он никак не мог забыть ту, любимую, которая так и не стала его женой. Однако хотел иметь детей, оставить после себя наследника. Поэтому сразу же после окончания траура в 1628 году женился на Анне Зофье Зенович. В приданое от нее получил несколько поместий в Ошмянском повете. Три из них почти сразу же заложил за 60 тысяч золотых одному из бывших опекунов жены, мужу ее тетки каштеляну жмудскому Александру Служке. А в скором времени поконфликтовал с ним из-за проблем, связанных со снятием опеки над Анной Зофьей и получением ее поместий. Конфликт дошел до разбирательств через суд и тянулся до 1629 года.

Выплата долгов брата и судебные издержки во время процесса со Служкой ухудшили финансовое положение Альбрехта Владислава. Ему пришлось в 1628 году заложить Шидловец Александру Петру Тарло, а в 1631 то же поместье старосте варшавскому Дорогосту Грибовскому. Он получил за это более 100 тысяч золотых. В 1629 году Радзивилл заложил за 10 тысяч золотых еще одно владение — купленное в 1622 году за 14500 золотых поместье Блувеницы на Брестчине.

При этом Альбрехт Владислав не жалел "презренного металла" на благотворительность, фундаторство¹⁷ и меценатство. На его средства был сооружен алтарь св. Михаила и Всех ангелов в несвижском костеле св. Михаила. В завещании указал сумму в 10 тысяч золотых несвижским иезуитам и бенедиктинкам.

При своем дворе Радзивилл содержал целый штат художников, которые писали портреты его родственников. Таким образом, именно он явился создателем знаменитой в дальнейшем портретной галереи

¹⁷ * Фундаторство — то же самое, что на современном языке спонсорство.

Радзивиллов, которая, пополняясь при его последователях, на протяжении многих столетий являлась одним из главных украшений Несвижского замка.

Вторая жена Альбрехта Владислава оказалась молчаливой, очень набожной женщиной. Она много времени проводила во дворцовой молельне и в женском бенедиктинском монастыре. Быстро завела знакомство с аббатисой этого монастыря Кристиной-Эуфимией. Восхищалась ее умом и решительностью. Немного завидовала ей, ибо сама собиралась в молодости постричься в монахини, да так и не решилась. Благодаря Анне Зофье монастырь получал такие богатые пожертвования из казны Радзивиллов, как никогда. Обеих своих дочерей, Катажину и Альжбету Анастасию, мать воспитала в том же духе. Позднее они стали монахинями.

Альбрехт Владислав не мешал ей в этом. Он давно понял, что счастья в семейной жизни не найдет. Брак с любимой не состоялся. А браки по династическим соображениям — для продления рода — надежд не оправдали. Ни одна из жен наследника ему не дала.

И Радзивилл вернулся к политической жизни. Произошло это в 1632 году и связано было со смертью Сигизмунда III Вазы и с наступившим после этого очередным бескоролевьем. Альбрехт Владислав приехал в Варшаву сразу же после того, как узнал о кончине монарха. Он считал, что должен отдать этому человеку последние почести. Понимал, что как бы не относился к покойному при жизни, сейчас по-человечески, по-христиански его нужно уважить. Поэтому принял участие в погребальной церемонии. Затем окунулся в борьбу, которая развернулась среди магнатских группировок по вопросу о том, кто станет новым королем. Претендентов было, как обычно, много. Причем на этот раз не только из правящих династий Европы. Альбрехт Владислав во время этой кампании поддерживал католические слои княжества.

Новый король Польский и Великий князь Литовский Владислав вызывал у князя Радзивилла больше уважения, чем его отец. Альбрехт Владислав участвовал в элекционном сейме, на котором того выбирали. Затем присутствовал при обряде принесения новым монархом торжественной клятвы.

В 1633 году он согласился стать воеводой трокайским, а затем каштеляном виленским. Однако воевать больше не собирался. Поэтому, когда в связи с очередной войной за Смоленск возник план назначить его гетманом польным литовским (так как человек, который занимал этот пост — Криштоф Радзивилл — намеревался после внезапной смерти Яна Кароля Ходкевича стать гетманом вели-

ким литовским), Альбрехт Владислав наотрез отказался от такой перспективы. Не принимал он участия и в войне.

В 1665 году его выбрали на сейме сенатором-резидентом при короле. В этой должности он в том же году участвовал в заседаниях чрезвычайного сейма. Решительно выступал против женитьбы нового своего монарха Владислава IV на дочери курфюрста Фердинанда V Элизабет. Его недовольство, даже неприятие было вызвано тем, что она была кальвинисткой.

В следующем году Альбрехт Владислав умер. Его жена позже повторно вышла замуж. А поскольку наследников мужского пола у него не было, то Несвиж и несвижская ординация перешли к его младшему брату Александру Людвигу.

КОМАНДОР МАЛЬТИЙСКОГО ОРДЕНА

Восемнадцатилетний княжич стоял перед своим седьм отцом, выслушивая гневные упреки. Поза его была самой почтительной, уста — плотно сжаты, дабы с них не могло сорваться резкое слово. Но головы юноша не опускал. Взгляд княжича смело пересекался с отцовским и был полон спокойной убежденности и решительности.

Несвижский владетель, старый князь Миколай Криштоф Радзивилл Сиротка обрушивал громы на голову своего отпрыска Сигизмунда Кароля, который, внезапно прервав свое обучение в Болонье, вернулся под крышу родного дома просить у отца благословения для вступления в Орден Мальтийских рыцарей.

— Сигизмунд Кароль! Не иначе ты лишился разума! Что напелли тебе эти мальтийцы? Какими соблазнами прельстили? Знаешь ли ты, на что обрекаешь себя? Ты, сын князя, выросший в холе и неге, должен будешь дать обет бедности. У тебя не будет ничего своего. Каждая вещь, которой ты станешь пользоваться, будет принадлежать Ордену. Ты любишь красивую одежду, заморские безделушки, драгоценности — тебе придется проститься со всем этим. Мальтийцы — рыцари-монахи. Вступив в их ряды, ты навсегда откажешься от счастья семейной жизни. Никогда и никто не назовет тебя отцом, и тебе не будет дано изведать радости, которые испытывает мужчина, поднимая на руках своих первенца-сына. Мало того, для тебя станет запретной любая женщина. Ты молод еще, можешь не понимать, сколь много значит для каждого из нас чувство, называемое любовью. Но когда-нибудь сердце твое отчаянно забьется и устремится навстречу прекрасной даме. Тогда ты проклянешь тот час, когда решился принести Господу суровый обет целомудрия. Ты должен будешь дать также обет послушания, и беспрекословно следовать воле братьев, занимающих более высокое положение в Ордене, даже если приказы эти не будут казаться тебе мудрыми и достойными. Что же получишь ты взамен? Только одно страшное право — мучительнейшей смерти от рук неверных, ежели им удастся захватить тебя в плен. Ибо, знай, Сигизмунд Кароль, в мусульманских землях любой пленник может рассчитывать на милосердие своего пленителя, освободиться за богатый выкуп, или же совершить побег. Но только не мальтийский рыцарь. К ним не бывают милосердны в нехристианских странах, выкуп за них не назначают и охраняют так старательно, что даже думать о побеге не приходится. И если сразу же по пленении маль-

тийца мусульманин не предаст его одной из самых лютых казней, то удел несчастного рыцаря один — изнурительный труд на галерах до последнего вздоха.

Чем прельщает тебя, сын, Орден Мальтийских рыцарей? Служить Богу ты можешь и будучи светским человеком. Ведь богоугодные дела не означают непременно монашества. Добыть славу можно и на королевской службе. Как объяснить твой выбор?

Поток слов старого князя постепенно ослабевает. И тогда Сигизмунд Кароль тихо склоняет перед ним колени.

— Отец, — чуть слышно произносит он, — пути Господни неисповедимы. Мне не нужны ни слава, ни богатство, ни земная греховная страсть, мне не нужен покой, я не ищу удобств для себя. Хочу служить ближнему своему, как служили первые рыцари-госпитальеры. Защищать своим мечом слабых, утешать страждущих, заботиться о больных и раненых. У каждого свой путь, мой мне подсказан Богом. И путь мой почетен, потому что я буду первым рыцарем-мальтийцем в Великом княжестве Литовском.

Юноша еще долго говорит. Слова его тихи, но в них — великая сила убеждения. И с удивлением, ибо таким своего сына князь Сиротка никогда не знал и не видел, отец начинает сдаваться...

20 ноября 1610 года Миколай Криштоф Радзивилл благословил своего четвертого сына Сигизмунда Кароля на вступление в Мальтийский рыцарский орден. Князь смирился с его решением, но сердце обливалось кровью при мысли о том, что его ребенку предстоит полная лишений жизнь простого орденского брата.

Если бы Сигизмунд Кароль принял постриг в обычном монастыре, отец сделал бы все необходимое, чтобы его вскоре назначили аббатом. В Мальтийском ордене своего сына Радзивилл согласен был видеть только в качестве командора. Положение командора в Ордене было довольно высоким и почетным. Самыми главными должностными лицами после великого магистра у мальтийцев являлись бальи. Их было всего восемь, и они управляли орденскими братьями, разделяя их на национальному признаку. В непосредственном подчинении у бальи были приоры. Чуть ниже их по иерархической лестнице шли командоры. Командоры в то время были далеко не в каждой европейской стране. Не было их ни в Речи Посполитой, ни в соседней Австрии, ни в Венгрии, ни в Чехии. Для того же, чтобы занять командорское место в Германии, Франции, Италии или Испании, Сигизмунду Каролю потребовались бы долгие годы безупречной службы и могучие покровители из правящих домов этих стран. Но родительская любовь подсказала Сиротке выход из

положения. Он объявил о своем желании учредить командорство на своих землях в Великом княжестве Литовском. Для этой цели старый Радзивилл жертвовал Ордену имения Стволовичи и Потейки в Новогрудском воеводстве, "чтобы этот Орден и в нашей Отчизне, в Великом княжестве Литовском, получил достойную основу, как и в иных христианских державах света". Орден охотно согласился на предложение Радзивилла. В знак признательности любезному князю магистр подписал акт, в котором оговаривалось, что Радзивиллы как основатели командорства будут иметь право патронажа над ним и предпочтение в получении титула командора. Только в том случае, если никого из рода Радзивиллов на момент назначения Орденем нового командора не будет в рядах рыцарей-мальтийцев, право на командорство перейдет к кавалерам Ордена из числа шляхты Великого княжества Литовского. А ежели и таковых не окажется, — то на мальтийцев из числа польской шляхты.

9 декабря 1610 года Сигизмунд Кароль под опекой старого, верного слуги Сиротки, Матея Самуила Струбича, отправился на Мальту, чтобы пройти там посвящение в рыцари Ордена. Лишь короткая остановка в Кракове прервала их путешествие. В этом городе молодого Радзивилла ждали мальтийский кавалер Мартин Судо и один из приоров Ордена Костелетто. Это были как раз те люди, которые своей фанатичной верой и преданностью Ордену поспособствовали принятию решения Сигизмундом Каролем. Они вызвались сопровождать своего нового брата в столицу Мальты Валету.

Цитадель самого прославленного и самого могущественного рыцарского ордена поразила воображение Радзивилла. Его приняли торжественно, со всеми подобающими высокородной особе почестями. Великий магистр Альбрехт де Вильякур был искренне рад, что со вступлением в Орден нового рыцаря мальтийцы значительно расширят свое влияние в Европе. Будущему командору в качестве предварительного испытания было предложено принять участие в новой экспедиции против северо-африканских корсаров. Юноша был счастлив. Около месяца он с нетерпением готовился к этому событию. И вот уже быстходные галеры мальтийцев готовы к выходу в море. Ветер весело раздувает паруса, и Сигизмунд Кароль в предвкушении отчаянных схваток с пиратами, стоя на палубе, нетерпеливо глядится вдаль...

За год своего пребывания на Мальте Радзивиллу довелось стать участником нескольких славных походов мальтийцев, во время которых было пущено на дно более десяти корсарских кораблей. Он был смел, отважен, ловок и силен. Он заставил говорить о себе со

страхом местных пиратов и снискал искреннюю любовь и уважение рыцарей. Испытание закончилось более чем успешно. И 8 января 1612 года Сигизмунд Кароль, принеся Богу все необходимые обеты, был произведен в рыцари Мальтийского ордена. Через два месяца он покинул Мальту, чтобы, вернувшись на родину, принять в свои руки дела новооснованного командорства Стволовичского.

Начинать абсолютно новое дело всегда хлопотно. Забот было много, опыта мало, но все получалось благодаря стараниям и великой жажде деятельности. Обустроивая свое командорство, Сигизмунд Кароль и не заметил, как пролетело будто один день несколько лет. Литвины долго с недоверием смотрели на деятельность братьев-рыцарей в красных плащах с восьмиконечными белыми крестами. Крестonosцы, значит, враги? На Беларуси и в Литве еще жива была память о бесчинствах тевтонов и ливонцев, которые тоже носили на плащах кресты. Но эти рыцари посвятили себя благородному делу — действенной помощи больным и убогим. Не зря первоначально мальтийцы называли себя госпитальерами (от латинского слова "гостеприимство"). Кроме ратных дел они обязаны были согласно устава Ордена оказывать медицинскую помощь своим ближним, не обращая внимания на их вероисповедание. И вот на территории Стволовичского командорства возник госпиталь, где братья-рыцари добросовестно и квалифицированно лечили всех, кто обращался к ним. Мало-помалу симпатии к стволовичским мальтийцам стали распространяться по всему Великому княжеству Литовскому. Примеру Радзивилла захотели последовать многие его земляки. Но приняты в ряды Ордена были далеко не все. Ибо это была привилегированная рыцарская организация. Для посвящения в рыцари требовалось предоставить документальные доказательства своего дворянского происхождения в нескольких поколениях.

Впрочем, все-таки скоро у молодого командора появились братья по Ордену и среди соотечественников (начинал же деятельность свою он с помощью кавалеров-мальтийцев из Германии, Франции и Италии). Наиболее духовно близок он был с новообращенными рыцарями из шляхетского рода Юдицких — Базилем, Томашем и Миколаем. Эти его духовные братья являлись уроженцами Речицкого повета.

В эти, самые первые годы существования командорства, Сигизмунд Кароль был очень озабочен материальными проблемами. Ведь предполагалось, что каждое командорство должно приносить Ордену доход. А откуда же взять денег, если медицинская помощь страждущим согласно устава была абсолютно бескорыстной в финансовом плане? Естественно, земли Стволовичского командорства

ежегодно давали какой-то доход. Но его едва хватало на насущнейшие потребности самих стволовичских мальтийцев. Отсылать же на Мальту было пока нечего. Озабоченный этой проблемой, Сигизмунд Кароль стал прилагать все усилия для приобретения новых земель вокруг командорства, а также доходной недвижимости в городах и местечках Великого княжества Литовского.

Его сосредоточенность и погруженность в орденские дела на время развеяло печальное событие — смерть в 1616 году его старого отца. К концу жизни, наблюдая за успехами сына, слыша повсеместно лишь хвалебные отклики о нем и его командорстве, Сиротка наконец окончательно успокоился насчет правильности выбранного Сигизмундом Каролем пути. Он видел сына здоровым, энергичным, счастливым. Всегда, когда была в том потребность, он оказывался рядом с отцом, — и страшные сны об измученном неверными галерном гребце с обрывками мальтийского рыцарского плаща на печах совсем перестали посещать старого князя Радзивилла.

Предчувствуя скорую кончину, владетель Несвижа составил для своих сыновей завещание. В нем долей Сигизмунда Кароля назывались имение Деревная с местечком Хотово и прилегающими селами, а также имения Крошин и Колдычев. Все они находились в Новогрудском воеводстве и прилегали к землям командорства. Сигизмунд Кароль как рыцарь-монах не имел права на частную собственность. И отец осознавал, что все завещанные им сыну земли будут принадлежать Ордену. Поэтому сделал именно такой выбор, расширив этим границы Стволовичского командорства и решив отчасти его насущные материальные проблемы. Ибо и Деревная, и Крошин, и Колдычев были весьма богатыми имениями. Получив отцовское наследство, Сигизмунд Кароль обосновался в Крошине, превратив его в собственную резиденцию. Поселившись в крошинском княжеском замке, командор, конечно же, нарушал обет бедности, который он дал, вступая в Орден. Но нарушал он его произвольно и неосознанно, так как не забывал повторять и себе, и другим, что лично ему ничего из того, что его окружает, не принадлежит.

Авторитет Мальтийского командора Радзивилла в Речи Посполитой все возрастал. В мае 1616 года он был приглашен в Варшаву королевой Констанцией, ревностной католичкой, второй женой Сигизмунда III Вазы, которая за свои заслуги перед костелом получила от папы римского Урбана VIII самую высокую духовную награду — Золотую Розу, которая была специально учреждена для женщин, притом только королевской крови. Возможно, насыщенная о заслугах сына Сиротки, королева собиралась установить с ним,

выдающимся по ее разумению католическим деятелем Речи Посполитой, дружеские контакты для совместной пропаганды идей католической церкви в "еретическом и схизматическом" Великом княжестве Литовском. А может, (кто в конце концов это знает!) стареющая женщина хотела заполучить уникальную возможность открыто кокетничать с красивым молодым мужчиной, не рискуя быть никем обвиненной в непозволительном легкомыслии и оскорблении чести короля. Ведь о командоре Мальтийского ордена, давшем обет целомудрия, грешно даже думать дурное!

Как бы там ни было, после аудиенции с королевой Сигизмунд Кароль получил должность крайчего при ее дворе. С этого времени он был частым гостем в польской столице. А королева Констанция стала искренней заступницей и опекуницей братьев-мальтийцев в Речи Посполитой.

Узнав о неожиданном благоволении к их Ордену королевы, великий магистр с Мальты отправил к Радзивиллу своего посланника с письмом, в котором обсуждалась возможность создания первого командорства на территории Польши — Краковского. Если бы Радзивиллу удалось этого добиться, он бы мог возглавить его в качестве командора, передав сразу ставшее менее значительным командорство Стволовичское кому-нибудь из мальтийцев-соотечественников. Обрадованный открывающейся перспективе, Сигизмунд Кароль рьяно взялся наводить мосты между Мальтой и польским королевским двором. Королева сразу же увлеклась идеей и попробовала склонить на свою сторону Сигизмунда III. Но занятый в это время разработкой плана захвата русского престола, король не уделил достаточно внимания проекту великого магистра. Только через два года Радзивиллу и королеве Констанции удалось добиться от Сигизмунда III подписания документов для учреждения на "коронной" (польской) территории Речи Посполитой мальтийского командорства. Но короля почему-то не устроило предложение разместить польских мальтийцев в Кракове. Он выделил для них Познань. И к большому огорчению Радзивилла командорской должности тут он не получил. Король ходатайствовал перед великим магистром за польского рыцаря Мальтийского ордена Феликса Войановского. И Орден, не желая конфликтов с монархом, пошел на уступки, хотя все осознавали, что у Сигизмунда Кароля больше заслуг, чем у Войановского.

Чувствуя себя незаслуженно обиженным, Радзивилл направился на Мальту. Он был приветливо принят магистром Альбрехтом де Вильякуром, который в качестве компенсации за моральные страдания предложил ему почетнейшую миссию. Поскольку как раз в

это же время Орденом велись переговоры с австрийским императором Фердинандом II об основании первого командорства в его стране, Радзивилл вместе с герцогом Невэрским (позднее Мантуанским) Карлом III Гонзаго был послан в Вену в качестве уполномоченного Орденского посла (генерального комиссара).

Миссию свою князь выполнил блестяще. Для командорства император выделил богатейшие угодья в окрестностях Вены. Мало того, Радзивилл настолько сумел расположить к себе Фердинанда II, что тот предложил Сигизмунду Каролю поступить к нему на службу. Вскоре действительно представился случай услужить императору. В ноябре 1618 года в Чехии, Венгрии и Силезии вспыхнуло антигабсбургское восстание. Фердинанд II, который являлся ближайшим родственником королевы Констанции, написал ей отчаянное послание с просьбой о помощи. Посредником в этом деле австрийский император попросил быть двадцатисемилетнего стволовичского командора. Благодаря поддержке Радзивилла, его влиянию и авторитету, королеве Констанции удалось добиться от мужа и сената согласия на набор в Польше добровольцев для армии Фердинанда II. Наиболее же полезны австрийскому императору оказались польские стрелки, сформированные в отряд егерей. Возглавить этот отряд Фердинанд II сразу же предложил Сигизмунду Каролю. Но тот вынужден был отказаться, ибо как раз в это время дела командорства требовали его энергичного вмешательства.

После того, как Речь Посполитая пришла на помощь Фердинанду, ей следовало ожидать серьезных неприятностей со стороны Турции. Ведь турецкий султан был традиционным противником Габсбургов. Гроза над Польшей и в самом деле скоро разразилась. Турки выступили против поляков. И в 1620 году под Цецорой (Молдавия) войска султана разгромили армию польского гетману Жолкевского. Старый гетман погиб в бою.

Чувствуя себя в некотором роде причастным к печальным событиям, стволовичский командор поспешил вооружить отряд воинов и включился в борьбу против турок. В 1621 году (печальном для несвижских Радзивиллов, которым довелось только-только похоронить старшего брата, Януша Ежи) вместе с младшим братом Александром Людвигом Сигизмунд Кароль принимал участие в прославивших его соотечественников военных действиях под Хотинном. А когда четырехсоттысячное войско турков было разбито пятидесятитысячным войском Речи Посполитой, командор, вспомнив о предложении Фердинанда II, сделанном ему еще в 1618 году, принял командование над отрядом польских егерей, продолжавших успешно

участвовать в подавлении восстания в Чехии. Это произошло в июле 1622 года. Радзивилл был произведен императором в генералы. Ему назначили большое жалованье. На австрийской военной службе Сигизмунд Кароль находился аж до 1624 года. Будучи сторонником твердой и сильной монархии, он прославился в это время как гроза мятежников. И на жестокость его жаловались даже непричастные к событиям крестьяне и мещане с восставших территорий.

На родину Радзивилл вернулся только в 1624 году, когда узнал о внезапной смерти познаньского командора Вояновского. Но напрасно рассчитывал Сигизмунд Кароль на то, что займет место покойного брата по Ордену. Король ходатайствовал перед магистром за мальтийского кавалера Бартоломея Новодворского. Чтобы утешить своего друга, королева дала Радзивиллу должность подчашего при своем дворе. И отчаявшийся уже когда-либо сменить стволочичское командорство на более престижное, Сигизмунд Кароль занялся серьезным обустройством его имений. В Деревной он основал парафиальный костел, заложил на территориях стволочичского командорства 4 униатских церкви. В самих же Стволочичах начал строительство роскошного костела, который собирался посвятить всем рыцарям, погибшим в битвах с неверными.

Но Радзивилл рано отчаялся. Побыв командором совсем недолго, в январе 1625 года Бартоломей Новодворский скончался. И великий магистр смог, наконец, добиться для своего любимца Сигизмунда Кароля познаньского командорства. К вящей радости Радзивилла одновременно он оставался и стволочичским командором. Забот у него стало намного больше. Но это были уже приятные заботы. За время руководства Вояновским и Новодворским познаньское командорство потеряло часть своих земель, потому что не умея найти выхода из тяжелого финансового положения, познаньские командоры решились заложить несколько орденских имений. Радзивилл бросил все силы и средства для того, чтобы выкупить заложенные села и земли.хлопоты эти несколько подорвали его здоровье, и в целях восстановления его командор решил совершить поездку в Италию. Одновременно, кстати, можно было посетить ряд католических святынь. Сигизмунд Кароль получил разрешение на выезд от короля и уже предвкушал удовольствие от этого путешествия. Но совершить его на этот раз ему было не суждено.

В конце декабря 1627 года в очередной раз вспыхнул военный конфликт со Швецией. Тридцатишестилетний командор не нашел в себе достаточно сил для того, чтобы самому принять участие в боевом походе. Но свой отряд в район боевых действий он послал. Войны

обрушивались на Речь Посполитую одна за другой. После шведского похода — поход прусский, потом — русский. Командора Радзивилла как члена военного монашеского Ордена не могло это не касаться. Он вооружал людей и отправлял их воевать. Когда денег не хватало, занимал их у братьев по Ордену. В 1629 году для вооружения отряда, отправляемого в Пруссию, Сигизмунд Кароль занял большую сумму у Базиля Юдицкого. А в следующем году заимодатель умер. Родня мальтийского кавалера не преминула напомнить командору о долге и потребовала вернуть его. И напрасно Радзивилл пытался им объяснить, что деньги, одолженные ему Юдицким, не были собственностью рыцаря. Ведь Базиль давал обет бедности. То, чем он пользовался при жизни, в том числе и деньги, после его смерти переходили в пользование другим Орденским братьям. Дело дошло до суда, который тянулся три года. Еще одним серьезным потрясением для командора в это время стала смерть королевы Констанции, в которой он всегда находил участие и понимание. Монархиня умерла, получив солнечный удар во время религиозного шествия на праздник Тела Господня. А очень скоро за своей супругой последовал в мир иной и король Сигизмунд III. 24 января 1633 года вместе с братом Александром Людвигом командор Радзивилл участвовал в церемонии погребения королевской пары. А потом была коронация нового монарха, Владислава IV, после которой Сигизмунд Кароль получил должность крайчего Великого княжества Литовского и тысячу пехотинцев под личное командование. С этими воинами он участвовал в смоленском походе Владислава IV. Но особой славы себе там не снискал.

В 1636 году умер еще один брат Сигизмунда Кароля, несвижский ординат Альбрехт Владислав. Теперь ствольовичский командор становился старшим в семье и по обычаю, установленному его отцом, должен был принять на себя ординатство и поселиться в Несвиже. Но в таком случае родовая резиденция этой ветви Радзивиллов должна была стать собственностью Ордена. И младший брат командора Александр Людвик решительно воспротивился этому. Единственным выходом из положения был бы добровольный отказ Сигизмунда Кароля от прав первородства в пользу Александра Людвика. Но командору почему-то показалось это оскорбительным. Спор братьев дошел до судебного разбирательства. Их долго мирили и друзья, и родственники. В конце концов в октябре 1636 года Сигизмунда Кароля удалось убедить в необходимости отречения от своих наследственных прав. В качестве компенсации он (а через него и Орден) получил имение в Кареличах, Шидловец и Березовец. И это было тоже неплохо. Новые земли были тут же присоединены к

Стволовичскому командорству, и Сигизмунд Кароль с удовольствием занялся их управлением.

Годам к пятидесяти командор стволовичский и познаньский стал прихварывать. Особенно его волновало то, что пальцы правой руки все чаще немеи и отказывались подчиняться. В июле 1641 года он все-таки отправился в Италию, чтобы подлечиться. В Падуе Сигизмунд Кароль обращался к самым прославленным лекарям, но они не смогли ему помочь. В Риме попросился на аудиенцию к папе и после его благословения тщетно ожидал исцеления. Целительный средиземноморский климат тоже не избавил Радзивилла от недуга. Неосознанно возникло желание увидеть еще раз Мальту. Он не знал еще, что это будет в последний раз.

Следующий 1642 год также был потрачен на лечение. Сначала Радзивилл был на водах в Перунии, потом в отчаянии отправился в Ассиз, на родину святого Франциска, молить у его могилы о здоровье. Но час командора пробил. Уже в Ассизе Сигизмунд Кароль понял, что онемение руки и иные легкие недомогания были всего лишь первыми симптомами болезни более серьезной и неизлечимой.

Командор был болен раком.

5 ноября 1642 года он скончался в городе святого Франциска. Перед смертью Радзивилл успел вложить свой командорский крест в руку ближайшего друга и брата по Ордену Миколая Юдицкого, которому и суждено было стать после смерти Сигизмунда Кароля стволовичским командором.

Братья-мальтийцы считали Радзивилла достойным того, чтобы быть увековеченным в скульптуре, которую позднее установили в соборе св.Иоанна в Столице Мальты городе Валлетта. Такой чести добивались очень немногие.

МЛАДШИЙ БРАТ

В погожий весенний день 1626 года в березовой роще недалеко от Вильно встретились двое. Согласно дуэльного кодекса того времени их секунданты заранее подобрали подходящее место, уютную ровную поляну, укрытую от посторонних взглядов зарослями орешника. Сражаться дуэлянты должны были на саблях. Каждый из них дал своим людям подробные указания, что следует делать в случае их тяжелого ранения или гибели. И вот по сигналу секундантов противники с саблями в руках встали в позицию.

Один из них худощав и гибок, его можно было бы назвать даже красавцем, если бы не взгляд, свирепый и пугающий. Одет он в роскошный жупан, из тех, какие чужеземцы называют сарматскими, длинные усы по традиционной польской моде закручены. Это — пан Потоцкий. Рядом с ним противник его кажется очень грузным и неуклюжим. Из-под одежды, скроенной по последней французской моде и украшенной кружевами, лентами и бантами, смешно выпирает толстый живот. Сабля в пухлой его руке кажется ненастоящей, каким-то чужеродным предметом. Это — Александр Людвик Радзивилл, младший сын князя Миколая Криштофа Сиротки.

— Начинай же, пан! — в нетерпении выкрикивает Потоцкий. — Или ты робеешь?

— Ты затеял все это, тебе и начинать, — спокойно отвечает Радзивилл. — Но у тебя еще есть время, чтобы передумать. Только кивни головою, и я с радостью подам тебе руку.

— Да ты просто трус! И что только панна Текля нашла в тебе? — возмущенно восклицает противник Александра Людвика. — Готовься к смерти, сейчас я проткну твое жирное брюхо.

Первый удар эхом прокатился по роще. К удивлению немногочисленных, но очень заинтересованных зрителей, толстый, неповоротливый Радзивилл довольно легко парировал его. Но вместо того, чтобы сразу же ответить — отступил.

— Пан Потоцкий, я в последний раз предлагаю тебе свою руку, — сказал он, отражая один за другим новые выпады противника. — Ты говоришь, что любишь панну Теклю Волович. Но из нас двоих она выбрала меня. Так не лучше ли будет тебе отступить, желая ей счастья?

— Разве может прекрасная панна быть счастлива с тюфяком, который не умеет даже сабли держать в руках как следует? — рычит в ответ Потоцкий.

— Ну что ж, — вздыхает между выпадами Радзивилл, — я, кажется, сделал все, что мог, чтобы этого не произошло.

И тут его сабля, проделав легкое и почти неуловимое движение, два раза подряд прикоснулась к телу противника. И прежде, чем кто-нибудь хотя бы что-то сумел понять, Потоцкий зашатался и, выронив оружие, упал па землю. Только после этого кровь окрасила его одежду, проступив из двух глубоких ран на плече и груди.

— Матка Боска! Вы убили его! — воскликнул секундант Потоцкого.

— Если вы поспешите привести к ясновельможному пану лекаря, его жизнь будет вне опасности, — проговорил в ответ Радзивилл, вытирая свою саблю неизвестно откуда появившимся батистовым платочком. — Хотя, должен признаться, я действительно чересчур уж погорячился. Сам не знаю, как это вышло...

Князь Александр Людвик Радзивилл был очень своеобразной личностью. Младший ребенок в семье, потерявший в двухлетнем возрасте мать, он рос балуемый отцом и нежно опекаемый тремя старшими братьями. Наверное, именно всеобщая любовь и пристальное внимание со стороны самых близких к княжичу людей поспособствовали выявлению в его характере таких особенностей, как страсть к веселому времяпрепровождению в кругу друзей, модным нарядам, хорошеньким девушкам и вкусным обильным трапезам. Уже в десятилетнем возрасте было видно — Александр Людвик отнюдь не будет соответствовать идеалу мужественного юноши-рыцаря, воспеваемого в стихах и песнях. Он становился не по годам тучен и совершенно не мечтал в отличие от своих сверстников о боевых подвигах, о славе, о верном и доблестном служении королю.

Но старый отец его князь Радзивилл Сиротка не терял надежды. Ведь военное поприще было не единственным, которое могло принести молодому человеку успех, сделать завидную карьеру. У Александра Людвика мог еще проявиться талант в политике или страсть к наукам, что было бы тоже довольно похвально. Но для этого ему требовалось длительное и основательное обучение в Европе. Поэтому в 1610 году Сиротка отправил своего младшего сына на учебу в Германию, затем во Францию и Италию. Однако к великому сожалению своих близких, при всем старании заметных успехов в науках княжич не добился. И в искусстве дипломатии, по мнению своих наставников, преуспел не слишком. Зато Александр Людвик узнал все о новейшей моде, исписал целую тетрадь изысканными кулинарными рецептами и, благодаря своей доброй и общительной натуре, завел множество друзей. Единственным положительным

приобретением сына, по оценке Сиротки, было его знакомство с неким французским дворянином (имени его письменные свидетельства того времени для нас не сохранили), который научил неуклюжего и неловкого Александра Людвика прекрасно фехтовать. Освоив с помощью нового товарища искусство владения шпагой, в дальнейшем Радзивилл добавил к этому полезному умению также мастерство сабельного удара. А также научился метко стрелять, так что его внешний вид, "нестандартная комплекция" были очень обманчивы для противников.

Приятное во всех отношениях заграничное времяпровождение молодого Радзивилла прервала весть о смерти отца. Александр Людвик вернулся домой, чтобы вместе с тремя старшими братьями вступить во владение наследством. Было ему в то время двадцать шесть лет.

Именно в этом возрасте, по свидетельству современников, Александр Людвик встретился со своей будущей супругой, единственной дочерью старосты жмудского Геронима (Яроша) Воловича Теклей, и был очарован ею. Текля Волович была прелестна и свежа, рассудительна не по годам и, главное, имела доброе сердце. А это более всего ценил в людях добряк Радзивилл. Александр Людвик решил, что эта девушка просто создана Богом для того, чтобы принадлежать ему. Но засылать сватов к понравившейся панне он тем не менее не спешил — родители девушки могли не так понять его. Ведь Текле Волович было в то время всего ... десять лет. Александр Людвик решил набраться терпения и ждать ее совершеннолетия. Но ухаживать за панной все-таки начал. Это были очень необычные и трогательные ухаживания. Учитывая нежный возраст своей избранницы, Радзивилл дарил ей сладости, затейливые игрушки и ручных зверьков. Вскоре Текля привыкла к своему галантному кавалеру, он стал казаться ей просто добрым веселым родственником. Об истинных причинах внимания Радзивилла к девушке не догадывались и родители. Хотя будущее дочери они уже неоднократно обсуждали в семейном кругу. Она быстро выросла и расцвела. Уже было видно, что через год-два девушка станет ослепительной красавицей. К тому же она была единственным ребенком в богатой, повязанной родственными узами с влиятельными магнатскими родами Сапегов и Пацев, семье (не считая падчерицы своего отца, Катажины Войны, которая была дочкой первой супруги Геронима Воловича). И поэтому должна была стать одной из самых завидных невест в Великом княжестве Литовском. Тем более нужно было не просчитаться в выборе партии. На семейных советах

рассматривались уже возможные кандидатуры. Но к смешному и неловкому Александру Людвигу серьезно Воловичи пока не относились.

В 1621 году перед Радзивиллом впервые остро встал вопрос о необходимости пойти на королевскую службу. В стране было беспокойно: еще не были до конца улажены отношения с Москвой, продолжалась война со Швецией. И, в дополнение ко всему этому, турки перешли границу Речи Посполитой. Гетман великий литовский Ян Кароль Ходкевич, под началом которого старший брат нашего героя Альбрехт Владислав сражался со шведами и ходил походом под стены Москвы, прислал Александру Людвигу письмо с требованием собрать отряд в 200 человек и присоединиться к его войску. Но младший из несвижских Радзивиллов отказался служить у Ходкевича. Причиной было то, что старый гетман в это время находился в крупной ссоре с двоюродным братом несвижских Радзивиллов, биржанским представителем их рода князем Криштофом, который был счастливым соперником гетмана и уже серьезно теснил его на полях бранной славы.

Чтобы доказать, что отказ Ходкевичу никак не связан с трусостью, Александр Людвиг с помощью братьев Яна Ежи и Альбрехта Владислава сформировал отряд из ста гусар, ста казаков и ста пехотинцев и повел их в Варшаву, где передал под начало королевича Владислава. Тот в это время собирал силы для похода против турок.

7 июня 1621 года войско королевича, а с ним и Александр Людвиг, выступило из польской столицы в сторону крепости Хотин, осажденной армией султана. Военные действия продолжались до поздней осени. Осада с Хотина была снята. В битве с неверными Александр Людвиг получил свое первое боевое крещение. И стал лучшим другом королевича Владислава.

Вернувшись домой только в ноябре, младший Радзивилл не мог мечтать ни о чем другом, как только об отдыхе после ратных трудов. Поэтому он оставил без внимания призывы Криштофа Радзивила (после внезапной смерти старика Ходкевича во время Хотинской войны, он принял "большую булаву" гетмана великого литовского) идти с ним воевать со шведами в Инфлянты (Лифляндию). Доказав под Хотинском всем, что он не трус и отнюдь не неженка, теперь Александр Людвиг мог себе позволить выбор между новыми битвами и отдыхом. Он занялся обустройством доставшегося ему после отца в наследство имения Белая (начал там строительство красивого замка в западноевропейском стиле) и новыми ухаживаниями за Теклей Волович.

В декабре 1622 года на сеймике в Бресте шляхта впервые выдвинула кандидатуру Александра Людвика, снискавшего себе славу в борьбе против турок, послом на большой сейм. В дальнейшем он принимал участие в общегосударственных политических делах постоянно. Но особенно ярко себя в них не проявил. Политика не интересовала Радзивилла. Он жил полной и насыщенной жизнью человека, умеющего доставлять себе и своим близким маленькие каждодневные удовольствия и радости. Интриганство, склочность, вероломство, неискренность — эти черты, во все времена присущие политикам, были ему чужды. Зато Александр Людвик с радостью откликнулся на предложение своего царственного друга, королевича Владислава, совершить приятное путешествие в Италию, чтобы как следует отдохнуть и развлечься.

Выехав в разное время и из разных городов Речи Посполитой, королевич и Радзивилл встретились в Риме. Впрочем, путешествуя по прославленным итальянским городам в компании молодых веселых придворных из свиты Владислава, Александр Людвик вскоре понял, что у поездки этой кроме очевидной есть и иная, тайная цель. Совсем недавно показав себя рьяным защитником христианских подданных своего отца от турок, сейчас королевич проводил своеобразную личную рекламную кампанию. Ему необходимо было, чтобы в Европе о нем заговорили авторитетные особы, в первую очередь из окружения папы римского. Потому что старый король Сигизмунд III Ваза последнее время стал часто болеть, и вопрос о его преемнике на польском престоле мог встать в любую минуту.

Кроме Владислава, сына от первого брака, у короля Сигизмуида III были еще сыновья от второй жены. Их мать, в отличие от матери Владислава, была жива и имела огромное влияние в католическом свете. Поэтому не было никакой гарантии, что сейм выберет следующим королем Речи Посполитой именно Владислава. Тем более, что королевич, старший из наследников Сигизмунда III, все еще носил титул царя русского, хотя русские давно уже выбрали себе другого монарха.

Александр Людвик в свите путешествующего королевича должен был по его замыслу выполнять роль беспристрастного свидетеля воинской славы своего царственного друга под Хотином. Уразумев это, Радзивилл слегка охладел к итальянским забавам и даже намеревался под каким-либо благовидным предлогом покинуть Владислава.

Но это ему не удалось. Королевич очень нуждался в его присутствии. Зная, что как раз в это время в Италии отдыхает старший брат Александра Людвика, Януш Ежи, Владислав поспешил разыскать его

во Флоренции и сделал предложение присоединиться к их компании. Не видевший брата уже несколько лет, Александр Людвик не мог отказать себе в удовольствии пообщаться с ним в спокойной и беззаботной обстановке. Поэтому оставался в свите королевича еще некоторое время. Впрочем, в Болонье он все-таки отстал от Владислава, объяснив это желанием провести несколько недель в купленном тут его отцом дворце и по посещать лекции популярных преподавателей местного университета.

Домой Александр Людвик вернулся летом 1625 года. Там его ждало очередное послание Криштофа Радзивилла с призывом присоединиться к его армии, сражающейся со шведами. Радзивилл с досадой отложил письмо в сторону. Италия слегка расслабила его, и влекло сейчас Александра Людвика не в жаркий бой, а к нежным взорам прекрасной панны Текли.

За время его отсутствия она стала совсем взрослой. И теперь уже могла воспринять так как должно любовные признания. Тем более, что по мере приближения дня совершеннолетия Текли, вокруг нее появлялось все больше и больше воздыхателей. И один был сановитее другого. Было мгновение, когда Александр Людвик даже всерьез забеспокоился: а удастся ли ему одержать победу над всеми этими конкурентами?

К счастью, панна Волович не была из числа легкомысленных вертихвосток. Она очень осторожно относилась к расточаемым ей похвалам и комплиментам. Однако, принимая как должное ухаживания молодых людей, не давала возможности купить свое расположение ни внешним обаянием поклонников, ни лестью, ни богатыми подарками.

Александр Людвик с удивлением узнал, что юная Волович является членом францисканского братства святой Анны — своеобразной религиозной организации. Она участвовала во всех благотворительных делах этого братства, занималась религиозным просветительством, проповедовала идеи святого Франциска Ассизского: скромность в быту, сдержанность в поведении, терпимость к людским недостаткам. Как и все женщины, которые являлись членами братства святой Анны, она получила второе имя, Анна.

Сердце такой серьезной девушки, действительно, было нелегко завоевать. Но Александр Людвик все же решил попытаться. Пользуясь давними дружескими отношениями с Теклей, он стал выказывать теперь живейшую заинтересованность ее делами. Ходил вместе с ней проводить больных горожан, щедро раздавал деньги просящим милостыню, жертвовал большие суммы на костелы и монастыри. И добился-таки своего, вызвав неподдельное внимание к своей персоне

со стороны девушки. Но надо было также завоевать благосклонность и ее родителей. А это было ничуть не легче. Ведь богатый и знатный Радзивилл пока не имел никакой серьезной государственной должности. И это выглядело в глазах Геронима Воловича довольно предосудительным. А матери Текли, Альжбете Гольшанской, не слишком нравилась внешность кандидата в зятя. Чувствуя это, Александр Людвик понимал, что делать официальное предложение рано. Но и бездействовать было нельзя. И младший из несвижской линии Радзивиллов обратился за протекцией к братьям, родным и двоюродным.

Вскоре забрезжила возможность получить должность стольника литовского, и Александр Людвик ухватился за нее. Брат его, Альбрехт Владислав, получал каштелянство трокайское, и таким образом его предыдущая должность — стольника — высвободилась. Радзивиллы дружно повели борьбу за то, чтобы это место получил влюбленный Александр Людвик. Даже печальное событие, смерть в феврале 1626 года старшего из сыновей Сиротки, Януша Ежи (за несколько дней до свадьбы со сводной сестрой Текли Волович Катажиной Войной), не прервало этой борьбы. Наконец Александр Людвик на варшавском сейме получил привилей на стольничество. А очередной семейный раздел имущества после похорон бездетного Януша Ежи сделал его младшего брата еще более богатым.

Теперь самое время было просить руки очаровательной Текли. Александр Людвик так и поступил. Отказать ему веских причин у Воловичей не было. Но они надеялись, что, может быть, Текля предпочтет этому неуклюжему, толстому жениху кого-нибудь другого. Девушку поставили в известность о предложении, сделанном Радзивиллом. К удивлению всех, она ответила согласием. Свадьбу назначили на начало мая 1626 года.

Как только об этом стало широко известно, жениха атаквали отверженные претенденты на руку и сердце панны Текли. Он получил почти одновременно пять вызовов на дуэль. Впрочем, уже после первого поединка с Потоцким пыл остальных противников Александра Людвика значительно поохладел. И все они, одни более охотно, другие менее, согласились на примирение, которое каждому из вызвавших его перед дуэлью предлагал добродушный Радзивилл.

Молодые венчались в Гродно, любимом городе короля Стефана Батория, которого отец невесты считал идеальным правителем. Сразу же после свадьбы Текля отъехала в родовое имение Воловичей Соколки в Гродненском уезде, чтобы присматривать за больной матерью. Александр Людвик направился в Белую. Строительство замка, возложенное Радзивиллом еще в 1622 году на известного

люблинского архитектора Павла Мурина, подходило к концу. И Александр Людвик хотел распорядиться насчет внутреннего его оформления. С особенным старанием он подбирал обои, светильники, гардины и мебель для комнат, предназначенных для его юной красавицы-жены.

Наконец эти приятные хлопоты были закончены. К этому времени поправилась теща, и молодая хозяйка торжественно въехала в новый замок. Радости Александра Людвика не было границ. Он полностью погрузился в семейные дела, и был так нежен, внимателен, заботлив по отношению к своей супруге, что тесть, все это время продолжавший подозрительно приглядываться к Радзивиллу, вздохнул с облегчением — выбор его единственной дочери оказался счастливым. Правда, медовый месяц молодой пары чуть не был грубо прерван: в начале августа 1626 года король потребовал участия Александра Людвика в прусском походе. Но братья вовремя подсказали ему достойный выход из положения, и обрадованный молодожен откупился, послав королю хорошо вооруженный отряд пехоты, командир которого доставил и письмо с обязательствами Радзивилла полностью содержать их и даже регулярно платить солдатам жалованье.

6 июля 1627 года Текля родила первого сына. Потом почти каждый год красавица-жена дарила Александру Людвику детей. Всего за их совместную жизнь у них было восемь сыновей и дочерей. Выжило из них — трое. Но гордо поднимая на руках вверх своего первенца, в то лето 1627 года Александр Людвик не знал еще, сколько придется ему пролить слез над могилками своих детей. Он был счастлив своим отцовством.

Всерьез подумывая о будущем этого ребенка и тех, которые должны были появиться после него, Радзивилл принял решение о необходимости открытия в Белой солидного высшего учебного заведения, чтобы сыновьям его не пришлось слишком далеко от дома искать знаний. Ксендз Криштоф Вильский, человек деятельный, с прогрессивными взглядами, предложил договориться с руководством Краковского университета об открытии Вельской академии как его филиала. Краковским ученым предложение понравилось, и они дали согласие. Академия была открыта в 1629 году. Александр Людвик взял над ней опеку и впоследствии всячески помогал этому учебному заведению.

В 1630 году он стал крайчим великим литовским, и сфера его влияния при дворе еще более расширилась. Он неоднократно выбирался послом к шведскому двору, участвовал в обсуждении

важнейших государственных вопросов. Считаясь другом королевича Владислава, Александр Людвик часто теперь находился рядом с ним. И окружающие невольно сравнивали королевича и князя. Сравнения обычно оказывались не в пользу Владислава, неискренного и ненадежного. И одно время среди магнатов и шляхты на сеймах даже раздавались голоса, требующие, чтобы следующим королем после Сигизмунда III стал именно Александр Людвик, веселый и добрый человек, умеющий крепко и искренне дружить и без озлобления давать отпор врагам.

Однако, когда дело действительно дошло до элекции нового монарха (старый король Сигизмунд III отошел в лучший мир в 1632 году), Александр Людвик во избежание ненужных ему тревожений тактично отошел на второй план. Мысли о том, что из-за него может начаться усобица, были ему противны. Тем более, что время для этого было самым неподходящим. Воспользовавшись смертью польского монарха и временным бескоролевьем в стране, русский царь Михаил Романов начал против Речи Посполитой новую войну, с целью вернуть захваченный в период "смутного времени" Сигизмундом III Смоленск. В таких условиях с выбором короля нельзя было медлить. Однако проволочки в этом деле все же не удалось избежать. Русские войска двинулись в сторону Смоленска осенью 1632 года, но только 7 февраля 1633 года Александр Людвик вместе со своими братьями смог принести торжественную присягу новому монарху Владиславу IV.

Сразу же после коронации Владислав вынужден был всерьез заняться смоленскими делами. Город был осажден войсками русского воеводы Михаила Шеина, опытного, талантливого полководца, и потому промедление могло обернуться катастрофой. Первым под Смоленск был послан с частью войск гетман великий литовский Криштоф Радзивилл. За ним — гетман польный Павел Сапега. А 26 июля 1633 года из Варшавы с основным войском в направлении на Смоленск двинулся и сам король. Александр Людвик и его старший брат Сигизмунд Кароль со своими хоругвями входили в состав этого войска.

К осажденному городу подошли уже в августе. И стали свидетелями и участниками событий необыкновенных. Очевидец, иезуит Ян Велевицкий писал в своих воспоминаниях: "А какова была осада Смоленска русскими, можно было видеть из следующего: крепость Смоленская была окружена шестнадцатью сильными укреплениями и четырьмя по правилам военного искусства расположенными лагерями, так что осада Смоленска превосходила даже осаду Бремена и Утрехта, по мнению людей, бывших как при первых двух осадах, так и при осаде Смоленска... Иногда в

продолжение одного дня было бросаемо в крепость около 3500 неприятельских бомб. Приступ следовал за приступом"...

На следующий же день после прибытия к месту боевых действий король приказал построить мост через Днепр, который отделял его армию от войска Шеина, окружившего Смоленск. Строительство велось всю светлую часть суток. Зато ночью уже можно было через него переправляться.

28 августа Владислав IV дал первое свое сражение под Смоленском. Оно принесло разочарование — в город удалось провезти только обоз с продовольствием, но это было достигнуто ценою очень больших человеческих потерь. Русские хроники свидетельствуют, что в этом сражении, продолжавшемся с утра до позднего вечера, "много польских и литовских людей было побито, у них взяты знамена".

Два дня после этого король не возобновлял военных действий, ожидая подкрепления. И потом аж до 11 сентября войска его, уклоняясь от открытого столкновения, только маневрировали. Второе крупное сражение было еще более кровопролитным. В нем со своими хоругвями отличился Александр Людвик. Тот же Ян Велевицкий пишет: "Сначала король действовал легкими войсками, причем прошло около двух часов времени. Наконец, неприятель начал стрелять из пушек со степ укреплений, которые только что были возведены на горе. Королевская пехота, а также и конница, слезши с коней, вместе сделав нападение (это нападение было самое отчаянное в продолжение целой войны), заняла три укрепления, а потом произвела ужасный штурм при помощи складных лестниц и понтонных мостов". В результате была занята возвышенность в непосредственной близости от города — Покровская гора. Теперь почти каждый день шли бои. Воины обеих враждующих сторон сражались ожесточенно, проявляя мужество и героизм.

В перерывах между боями Александр Людвик писал жене нежные, проникновенные письма, опасаясь, что любое из них может стать последним. А иногда с окаяней доходили до него полные любви и понимания ответы княгини Текли.

18 сентября началась решительный штурм одного из укреплений русских, находящегося в непосредственной близости от городских валов. На противника обрушился двойной удар — со стороны войска Владислава IV и из осажденного Смоленска. "Эта битва с обеих сторон была самая ужасная, — пишет Велевицкий, — и в ней погибла половина неприятельской пехоты, находившейся в крепости, много было убитых и с нашей стороны, особенно между казаками". Захватить укрепление не удалось, но воины Речи Посполитой так

сильно потрепали отряд, защищавший его, что уцелевшие после боя под покровом ночи сами отступили к основным силам русских. Были оставлены и другие укрепления вокруг города. Узнав об этом, польские войска спокойно ночью захватили их все.

Осада с города Смоленска была фактически снята. Но изрядно поредевшие войска Шеина тем не менее далеко не отходили. Русский полководец предпринял еще несколько попыток вернуть утраченные позиции. Одно из самых серьезных столкновений противоборствующих сил произошло 9 октября в районе Жаворонковой горы. Русские потери тут составили около двух тысяч человек. Но полегли в этой битве и многие соотечественники Александра Людвика. В конце концов Владиславу IV удалось заблокировать войско воеводы Шеина, и война продолжалась уже совсем в ином измерении. Используя относительное затишье, войска Речи Посполитой восполняли потери, перегруппировывались, набирались сил для новых боев.

Во всем этом князь Александр Людвик Радзивилл участвовать не смог. Постоянное нервное напряжение, в котором он пребывал несколько месяцев, тяготы и лишения походной жизни серьезно повлияли на его здоровье. Врачеванием князя занялся обозный лекарь Матей Ворбек. Но, видимо, знаний и умения его не хватало для исцеления пациента. Когда в середине января 1634 года обозный эскулап объявил о своей бессилии что-либо сделать, Радзивилл попросил у короля дозволения покинуть лагерь, чтобы не быть обузой для своих товарищей по оружию. Владислав милостиво разрешил ему это, наградив перед отъездом больного рыцаря за его боевые подвиги в Смоленской кампании именем Воин в Брестской экономике.

В день, когда Александр Людвик покидал Смоленск, в лагере короля было тихо и спокойно. Исход войны уже был ясен. Действительно, ровно через месяц русские войска вынуждены были отказаться от надежды взять Смоленск. Россия и Речь Посполитая подписали перемирие. Смоленск остался за Владиславом IV. А русским удалось только добиться официального отказа короля Речи Посполитой от титула "царь русский", который он до сих пор носил.

Почти год после своего возвращения с войны Александр Людвик без особого успеха боролся со своей хворью. Испуганный резким ухудшением своего состояния, еще недавно считавший себя здоровяком, Радзивилл на время перестал даже интересоваться ходом политических событий в стране. Впрочем, одно известие из России все же вызвало его возмущение и заставило на время забыть личные проблемы. Недавнего достойного противника короля Владислава, воеводу Шеина за неудачу под Смоленском бояре объявили военным

преступником, а царь Михаил Романов подписал указ о предании его смертной казни. Более нелепого обвинения талантливому полководцу представить себе было невозможно. Тем более, что всем участникам Смоленской кампании было хорошо известно, что Шеин ни в чем перед своей державой и народом виновен не был. Как военачальник он сделал все, что мог. Руководимые им войска сражались мужественно, и не его вина, что Смоленск не был взят — у воеводы для этого было мало сил.

В марте 1635 года Радзивилл, наконец, почувствовавший себя более-менее удовлетворительно, был вызван в Варшаву для участия в тайном совете. Обсуждалась кандидатура невесты для короля Владислава IV. В королевские метили дочь палатина Фридриха V Элизабет, английская принцесса Элизабет Стюарт, дочь австрийского императора Фердинанда II Цецилия Рената и, как ниизет странно, дочь гетмана Криштофа Радзивилла. Мнения советников короля резко разошлись. Но все же большинство из них высказалось за двадцатипятилетнюю Цецилию Ренату. В качестве основного довода ее сторонники называли красоту девушки и покладистый характер, что, конечно же, было немаловажно для благополучной семейной жизни их монарха. Но Владислав IV долго колебался, поэтому сваты в Вену были посланы только летом 1637 года. Все это время Речь Посполитая жила в напряженном ожидании.

Для Александра Людвика этот период жизни был богат на события, и радостные, и печальные. 4 мая 1635 года при посредничестве двоюродного брата, канцлера великого литовского Альбрехта Станислава Радзивилла он получил должность маршалка надворного литовского, которая освободилась после перевода Криштофа Веселовского на должность маршалка великого литовского. На банкете, устроенном Александром Людвиком по этому поводу в Вельском замке, собрались Радзивиллы всех ветвей рода, а также представители других белорусско-литовских магнатских и шляхетских родов. Поздравляя Александра Людвика, все высказывали надежды, что на новом посту он покажет себя ревностным защитником прав литвинов перед поляками.

И младший из несвижских Радзивиллов полностью оправдал их надежды. Его раскатистый бас с этого времени почти постоянно на сеймах и сеймиках перекрывал шум споров, внося интересные предложения относительно прав и достоинств шляхты и магнатства Великого княжества Литовского. Впрочем, не только их приходилось защищать Александру Людвику.

В июне 1635 года его назначили в комиссию по делу о еврейских погромах, чинимых горожанами в Вильно. Некоторые сановитые члены комиссии важно разглагольствовали на заседаниях о якобы большой пользе таких погромов: они-де разряжают атмосферу напряженности в народе, заставляют евреев вести себя несколько скромнее и не очень-то выступать на первый план в делах торговых и, наконец, способствуют усилению в среде простого народа религиозных чувств (ведь евреи — иноверцы, не признающие Христа!). Александр Людвик с возмущением обрывал такие речи. Он яростно защищал права несчастных гонимых, утверждая, что раз еще Гедимин позволил евреям селиться на землях Великого княжества Литовского и заниматься тут ремеслами и торговлей, то они сейчас — такие же литвины, как и белорусы, и литовцы. И имеют право рассчитывать на защиту закона и своего государя.

Вняв убедительным доводам Радзивилла, члены комиссии приложили все усилия для того, чтобы погасить в Вильно межнациональный конфликт. В сентябре 1635 года их миссия была полностью выполнена.

В 1636 году умер второй брат Александра Людвика Альбрехт Владислав. Теперь из сыновей Сиротки в живых осталось только двое. И по старшинству ординатом Несвижским должен был стать Сигизмунд Кароль, командор Мальтийского Ордена. А это значило бы, что почти все владения их семьи должны были бы перейти в собственность Ордена. Больших усилий стоило Александру Людвику уговорить брата отказаться от прав первородства и уступить Несвижскую ординацию ему. Обычно покладистый и всепонимающий Сигизмунд Кароль вдруг стал злобным и упрямым. Нельзя сказать, чтобы он настаивал именно на передаче лучшей части отцовского наследства своему Мальтийскому братству. Но отказ от старшинства в семье больно бил по его гордости.

Едва уладив с братом эту проблему, Александру Людвику довелось пережить новое горе. В марте 1637 года во время неудачных родов умерла его горячо любимая жена. Ребенок тоже не выжил. После похорон Текли Александр Людвик слег. Смерть дорогого существа потрясла князя, он был по-настоящему безутешен, жить ему не хотелось.

Вдовца, как ребенка, выхаживали всей семьей. Обеспокоенные Радзивиллы приставили к нему лучших врачей. В его замке в Белой постоянно находился кто-нибудь из родственников. Александра Людвика не оставляли одного в комнате, опасаясь, что он может наложить на себя руки, постоянно разговаривали с ним на

отвлеченные темы, стремились возбудить его интерес хотя бы к чему-либо. В конце концов благодаря некоему немецкому повару, большому искуснику в своем ремесле, Александр Людвик стал выходить из глубокой депрессии. У князя появился аппетит, и первым удовольствием, которое он позволил себе после смерти Текли, было удовольствие, полученное от прекрасно приготовленного блюда. Потом постепенно стали возвращаться и иные чувства и желания.

Тем не менее, когда слухи о тяжелой болезни Радзивилла дошли до короля, он засомневался, что Александру Людвику удастся снова встать на ноги. Сомнения эти были настолько сильными, что когда после смерти Криштофа Веселовского освободилась должность маршалка великого литовского, Владислав, сознавая, что по всем законам ее должен занять Александр Людвик, все же отдал ее второму после Радзивилла кандидату, писарю великому литовскому Казимиру Леону Сапеге. Узнав об этом, уже почти выздоровевший Радзивилл обратился к королю с упреками и просьбой пересмотреть свое решение. И тому ничего не оставалось, как аннулировать указ относительно Сапеге. Александр Людвик стал маршалком великим литовским, а Сапеге занял освободившееся место маршалка надворного литовского.

Уже в этой должности в июне 1637 года князь Радзивилл принимал участие в работе Варшавского сейма, на котором обсуждалось посольство в Вену за невестой короля Цецилией Ренатой Габсбург. Так как принцесса совсем недавно потеряла отца и находилась в трауре, официальное посольство Речи Посполитой не могло выехать немедленно. Но договоренность с Веной была уже достигнута, и брачный контракт новый император Фердинанд III, брат невесты, подписал. Решено было направить послов в Вену в конце июля.

И уже в сентябре 1637 года Польша приветствовала свою новую королеву. Александр Людвик принимал непосредственное участие в организации свадебных торжеств, он же встречал невесту Владислава IV в местечке Уяздово и сопровождал ее в Варшаву. Радзивилл был восхищен хрупкой грациозной Цецилией Ренатой, которая внешностью своей, а также естественно-скромной манерой держаться среди шумной толпы напоминала любимую Теклю.

Но Владиславу IV принцесса совсем не понравилась. В его вкусе были женщины совсем иные — бойкие, задорные, смешливые. И добрый Александр Людвик очень переживал, что такой прекрасной и достойной женщине как Цецилия Рената не дано было Богом стать любимой.

Позднее у Александра Людвика появилось еще больше поводов уважать королеву. Не вмешиваясь в суетные дела политики, Цецилия Рената тем не менее много занималась делами благотворительности и милосердия и часто заступалась перед королем за обиженных. Видя, как она одинока при варшавском дворе, Александр Людвик попытался завоевать ее расположение и дружбу. Но королева была очень недоверчива и осторожна и никому не открывала своего сердца. Впрочем, в декабре 1637 года Цецилия Рената пригласила князя в Варшаву для участия в церемонии учреждения королем Ордена Непорочного зачатия Девы Марии.

В 1638 году на сейме в Варшаве Радзивилл был включен в комиссию по установлению границ между воеводствами Брестским, Подляшским и Люблинским.

Находясь в этот период своей жизни почти всегда в разъездах, Александр Людвик тем не менее не забывал и о делах своих имений. Получив по договору с Сигизмундом Каролем Несвиж, Мир и Шидловец, он в первую очередь занялся их обустройством по своему вкусу. Между прочим, в это же время в Несвиже Александром Людвиком был построен костел святого Креста для монастыря бенедиктинцев, а в селе Миколаевщина — костел парафиальный.

Но больше всего беспокойств доставляло ему воспитание детей. Умирая, Текля оставила трех сирот, девочек Анну и Иоанну и мальчика Михала Казимира. В 1639 году старшей из сестер было всего десять лет, а их братику — четыре года. Не чувствуя в себе достаточно сил и умения для того, чтобы вырастить и воспитать их в одиночку, Александр Людвик стал всерьез подумывать о новой женильбе.

Нет, его вовсе не интересовали молодые кокетливые шляхтянки, готовые в погоне за богатством и княжеским титулом без промедления повеситься ему на шею. Он прекрасно сознавал, что второй Текли Волович в его жизни уже не будет. Но надеялся найти достойную женщину, которая была бы ему другом и по возможности заменила его детям мать. Лучше всего, решил он, для этой цели подойдет почтенная вдова, у которой есть и свои дети.

Так взгляд его совершенно осознанно остановился на Эугении Катажине Тышкевич, вдове мечника коронного Януша Вишневецкого, сорокалетней матроне с тремя детьми от первого брака. Александр Людвик довольно легко получил ее согласие на новый брак. Венчание состоялось летом 1639 года, и сразу после него новая княгиня Радзивилл перебралась жить в Вельский замок.

Но, к удивлению Александра Людвика, родственники мужа детей ей не отдали. Брат покойного Вишневецкого, Иеремия, заявил, что сможет лучше Эугении Катажины позаботиться о наследниках Януша. И возложил на себя все опекунские заботы.

Сам выросший без материнской ласки, Александр Людвик недоумевал, каким черствым сердцем должен обладать человек, чтобы ради каких-то там личных амбиций разлучить детей с матерью, после смерти отца единственным близким им человеком. Эугения Катажина плакала не переставая. И Радзивилл решился вытребовать детей у Вишневецкого через суд. Он соглашался сам быть опекуном до их совершеннолетия.

Судебные разбирательства тянулись почти два года. Это были годы переживаний, волнений и бесконечных слез. Наконец в 1641 году этим делом занялся сам король. И в октябре вынес решение. Он назначил для сирот Януша Вишневецкого целый опекунский совет, куда вошли епископ познаньский Анджей Шолдрский, каштелян краковский Станислав Конецпольский, воевода Якуб Собесский, а также два Радзивилла — Александр Людвик и его двоюродный брат, канцлер великий литовский Альбрехт Станислав. Детям разрешено было жить с матерью в замке Александра Людвика. Но обиженный тем, что его имя в состав опекунского совета внесено не было, Иеремия Вишневецкий пришел в ярость и не отдал племянников новому мужу их матери. Имена, которые по наследству от отца перешли к детям, опекунам, назначенным королем, также не были переданы. Конфликт продолжался.

Исчерпав все дипломатические доводы, в конце февраля 1642 года Александр Людвик вновь обратился в суд. Тяжба могла продлиться еще неопределенно долгое время. И сердце матери не выдержало разлуки с детьми. Эугения Катажина кинулась в ноги жестокому деверю с просьбой дать ей возможность жить подле детей. И он согласился на условиях, что дело в суде против него будет прекращено, а сама Эугения Катажица, разведясь с Радзивиллом, согласится принять опеку не только над своими детьми, но и над собой. И несчастная женщина приняла эти условия.

Весной 1642 года она покинула замок Александра Людвика и уехала к детям. В июле епископ случкий Анджей Гембицкий, вероятно, подкупленный Иеремией Вишневецким, выискал повод для того, чтобы потребовать развода. Согласно его объяснениям выходило так, что Александр Людвик находится в третьей степени родства с покойным мужем Эугении Катажины. И, значит, является ее близким родственником. Ходатайство с изложением этих причин и просьбой о

разводе, подписанное дрожащей рукой напуганной, несчастной женщины, было послано папе римскому, и очень скоро пришел ответ. Папа разрешил развод.

При дворе короля все с удивлением и нездоровым любопытством следили за развитием событий частной жизни маршалка великого литовского. Придворные шептались и хихикали у него за спиной и со скорбным и постным видом выражали свое сочувствие, встречаясь с князем лицом к лицу.

И только один человек из этого окружения по-настоящему сочувствовал Александру Людвигу. Это была королева Цецилия Рената. Понимая, что в такие трудные минуты только женщина, пылкая и страстная, может поддержать мужчину, она нашла такую для Радзивилла и поспособствовала их сближению.

Ее звали Лукреция Мария Строчи. Она была итальянкой, придворной дамой королевы и, кажется, единственной доверенной подругой. Внешне сдержанная и даже высокомерная, на самом деле она была вся — огонь и страсть. Сравнивая эту экзотичную женщину с иными, Радзивилл с удивлением заметил для себя, что на ее фоне хорошенькие польки, скромные литвинки и холодновато-расчетливые австриячки, которых было немало среди придворных дам королевы, кажутся совсем безжизненными, лишенными всяческих чувств и желаний. И он влюбился в пылкую Лукрецию Марию. В сентябре Александр Людвиг просил руки итальянки, а в октябре того же года — венчался с нею в Варшаве.

Этот брак сблизил Александра Людвика с королевской семьей еще больше. Потому что став мужем задушевной подруги Цецилии Ренаты, Радзивилл превратился в друга королевы. Впрочем, дружбе этой не суждено было быть долгой.

Вскоре после замужества, беседуя с королевой, Лукреция Мария призналась ей, что ждет ребенка. Она была уверена, что родит Александру Людвигу наследника. Невольно заразившись оптимизмом и радостью подруги, королева воскликнула:

— Не будь я женщиной, если тоже не займю в этом году ребенка. Сын у меня уже есть, так пусть будет еще и дочка. Чтобы мы могли поженить наших детей, когда они вырастут. Подумай, как будет хорошо, если твой сын женится на настоящей королевне!

И Цецилия Рената действительно скоро забеременела. Это сблизило подруг еще больше. С улыбкой умиления наблюдал Александр Людвиг, как две будущие матери перешептывались украдкой во время встреч, поверяя одна другой те милые тайны, которыми насыщена жизнь любой женщины, ждущей появления ребенка.

В начале 1644 года Лукреция Мария родила здоровую дочку, которую назвали в честь королевы Цецилией.

— Что же, мы еще можем породниться, если у меня появится сын, — сказала своей подруге сияющая от счастья Цецилия Рената. Она решила рожать непременно в Вильно, чтобы быть поближе к подруге.

Схватки начались 23 марта. Роды протекали крайне тяжело. Королева очень страдала. Ребенок, мальчик, родился к концу следующих суток неживым. Роженица умерла через три часа после этого...

А скоро Александр Людвик потерял и дружбу Владислава IV. Это случилось через два года после смерти несчастной королевы. И связано было с планом турецкой кампании, задуманной королем. Эту идею Владислава IV охотно поддержали запорожские казаки, имевшие множество счетов с султаном. Казацкие старшины ездили специально в Варшаву на переговоры с королем и уже даже получили от него приказ готовиться к походу.

Но восторга запорожцев не разделяли польские и ряд литвинских подданных Владислава IV. Александр Людвик был в их числе. Считая, что еще одна война для обескровленной в боях со Швецией и Русью Речи Посполитой будет смерти подобна, они решили пойти на все, чтобы предотвратить ее. 20 мая 1646 года аудиенции у короля попросили Александр Людвик Радзивилл и каштелян краковский Якуб Собесский. Они умоляли Владислава отменить все свои распоряжения касательно турецкого похода, пытались убедить его в том, что это решение при всей внешней его привлекательности может привести страну на грань гибели. А когда никакие доводы не помогли, даже намекнули о возможности низложения монарха, ведущего своих подданных в бездну.

Король был взбешен. Радзивилл и Собесский попали в опалу. Александр Людвик вынужден был покинуть Варшаву. Впрочем турецкий поход все-таки сорвался. Потому что слишком многие подданные Владислава IV были против этого.

Скрепя сердце, под давлением общественного мнения король вынужден был в присутствии своего двора официально вернуть свое расположение двум опальным магнатам. Но прежнюю дружбу возродить уже было невозможно. Отношения между Александром Людвиком и Владиславом IV оставались прохладными до самой смерти последнего, произошедшей 20 мая 1648 года.

Не сложились отношения у князя Радзивилла и с новой королевой, мантуанской герцогиней Марией Гонзаго, которая прибыла в Речь Посполитую 8 февраля 1646 года и 15 июня 1647 года была

коронована. За этой женщиной из Франции, где она до замужества жила у родственников, проследовал шлейф таинственности и загадочности. Говорили, например, что страстно влюбленный в Марию младший брат французского короля Луи VIII Гастон Орлеанский собирался вопреки воле королевы-матери Марии Медичи тайно обвенчаться с нею. Но старой королеве вовремя донесли об этом, и она приказала арестовать прекрасную Марию Гонзаго. Герцогиню Мантуанскую держали под стражей в замке Венсан до тех пор, пока она не дала слово, что не будет пытаться восстановить свои отношения с Гастоном. Следующий возлюбленный Марии, дворянин Сен-Мар, добываясь герцогского титула от испанского короля (только так он мог жениться на принцессе), вступил в заговор против своего монарха и закончил жизнь на плахе. Еще рассказывали, что королевич Ян Казимир был очень давно безумно влюблен в нынешнюю супругу своего старшего брата и короля Владислава IV, с которой случайно познакомился в Париже еще в марте 1640 года.

Незадолго до смерти монарха его государство вновь было ввергнуто в войну. На этот раз — гражданскую. Богдан Хмельницкий поднял запорожских казаков "против польского магнатства". У запорожцев были веские причины для выступления. Они считали себя жестоко обманутыми Владиславом IV и его приверженцами. В год вступления короля на престол он сделал все возможное, чтобы привлечь на свою сторону казаков, что были серьезной военной силой, с помощью которой Владислав рассчитывал выиграть Смоленскую войну. Он знал, что самым большим вопросом на Украине был религиозный, ибо при его отце Сигизмунде III, яром католике, тут была ликвидирована православная митрополия. Идя навстречу интересам казаков, Владислав IV утвердил сразу две украинские митрополии — православную и униатскую. И запорожцы пошли с войском короля на Смоленск, и многие из них сложили там свои чубатые головы, отстаивая интересы Владислава. Но по окончании смоленской кампании вновь началось целенаправленное наступление католицизма на украинские земли. И король не только не противился этому, но и всячески поощрял насильственное насаждение догматов римской церкви, чуждых православному населению, особенно центральных и восточных регионов Украины.

Кроме этого казаков лишили многих их вольностей. Накаленная добела атмосфера взорвалась казацким восстанием под предводительством Павлюка в 1637 году. В следующем, 1638 году — новое восстание, поднятое Гуней и Острянином. Оба выступления были подавлены с большой жестокостью. Казаки на время притихли. Но вот ро-

вно через десять лет вспыхнула самая настоящая гражданская война. Казаки готовились к ней около двух лет. И масштабы ее потрясли Польшу.

В последний месяц жизни Владислава IV запорожцы вместе с союзным отрядом крымских татар разгромили шеститысячный авангард польских войск, ведомый сыном гетмана коронного Стефаном Потоцким. Чуть позже у города Корсуня та же участь постигла и самого коронного гетмана. Королевские войска потеряли около девяти тысяч человек, казаки захватили 40 пушек. Сам гетман коронный вместе с гетманом польным Каминским попал в плен.

После таких успехов к казакам присоединились украинские крестьяне и представители городских низов — так велики были их обиды на польских магнатов и католических священников. Гражданская война приобрела характер общенародный.

Период очередного бескоролья был казакам только на руку. Они продолжали одерживать одну блестящую победу за другой и захватывали теперь города, местечки, целые регионы страны. Большая часть Подольщины вместе с радзивиловской Белой тоже оказалась в их руках.

Александр Людвик вынужден был перевезти свою семью в Несвиж. Там он, по словам Владислава Сырокомли, "гостеприимно открывал ворота беженцам (с Вольни и Полесья — Авт.). Те, кого не удалось разместить в замке, бежали дальше. Словно ангел смерти пролетел по городу — так он обезюдел. Но на этот раз страхи были напрасными: неприятель не дошел так далеко".

А в это время всеобщей растерянности "Варшава была занята то выборами, то религиозными спорами, то ссорами магнатов".

В октябре 1648 года Радзивилл в сопровождении большого конного отряда въехал в Варшаву. На лице его была написана решимость. Он собирался сделать все возможное, чтобы элекционные споры, наконец, стихли, и был избран новый король Речи Посполитой. Только так еще и можно было навести в стране порядок. Его влияние и убедительные выступления на заседаниях сейма, во время которых он умолял соотечественников поскорее определиться с выбором, сыграли немаловажную роль. Окончательное голосование было назначено на 17 ноября. В этот день Александр Людвик отдал свой голос за Яна Казимира Вазу, младшего брата покойного короля (единственный сын Владислава IV и Цецилии Ренаты умер в 1647 году в семилетнем возрасте). Ведь с точки зрения всех западноевропейских стран он имел больше всех прав на престол как ближайший кровный родственник усопшего монарха.

Оказалось, что Яну Казимиру отдало предпочтение абсолютное большинство участников элекционного сейма. Он и был коронован в самом начале 1649 года. Первое, что сделал новый король Речи Посполитой, это поспешил разобраться с Хмельницким. После столкновения войска, ведомого Яном Казимиром, с казацкой армией под местечком Зборовом, обе стороны почувствовали, что следует, в конце концов, договариваться о перемирии. На какое-то время боевые действия прекратились. Потом — вспыхнули с новой силой.

Александр Людвик, который сначала очень верил в способности нового короля Яна Казимира Вазы покончить с кровопролитием в стране, разочаровался в нем. Он все больше и больше чувствовал усталость от того, что видел и слышал. Ярый противник войны с ее кровью и смертью, он болезненно переживал, что его страна никак не может достойно выйти из нее.

В атмосфере постоянного напряжения и ожидания чего-то недоброго князь, казалось, совсем уже разучился радоваться жизни и доставлять себе хотя бы мелкие каждодневные удовольствия. Это было губительно для такой личности, какой был Александр Людвик. И старая болезнь снова заявила о себе, да так властно, что не обратить на нее внимания было нельзя.

Весною 1651 года в связи с этим Радзивилл на Брестском сейме отказался от должности маршалка великого литовского. И всерьез занялся своим здоровьем. Когда ему слегка полегчало, жена предложила поехать к ней на родину, в Италию, и там продолжить лечение. И Александр Людвик засобирался в дорогу.

Из Несвижа семья выехала в конце декабря 1652 года. Кроме самого князя и Лукреции Марии в Италию поехал и единственный сын Александра Людвика от Текли Волович, шестнадцатилетний Михал Казимир. Их сопровождали десятки слуг, личный повар, парикмахер, священник-исповедник и несколько вооруженных охранников. Через Вену и Ниццу Радзивиллы добрались до северной Италии. И в конце марта были уже в Венеции, а в начале июня — в Риме. Посетив знакомые ему по годам далекой молодости достопримечательности этих городов, Александр Людвик в конце концов очутился в радзивилловском дворце в Болонье. Там он провел полтора года, пользуясь услугами лучших местных врачей. Здесь дано было ему изведать последнюю большую радость в своей жизни. В 1653 году Лукреция Мария родила ему мальчика, которого окрестили Домиником Миколаем. Теперь у Александра Людвика было пятеро детей и два наследника мужского пола.

Казалось, все хвори отступили, и, почувствовав возвращение былой силы и энергии, Радзивилл списался с двоюродным братом, канцлером великим литовским Альбрехтом Станиславом. Он просил выставить на очередном сейме его кандидатуру на должность воеводы виленского. Но в начале 1654 года болезнь снова обострилась. Почувствовав приближение неизбежного, 15 марта 1654 года Александр Людвик составил завещание, в котором солидную часть родовых богатств он оставлял жене. А недвижимость делил поровну между сыновьями. Через неделю после этого его не стало.

Лукреция Мария хотела похоронить мужа в Болонье, чтобы остаться жить во дворце подле его могилы. Но против этого резко выступил ее пасынок. Спор у тела покойного перерос в бурную ссору. Вдова отчаянно жестикулировала и сыпала проклятия на голову пасынка, а тот в свою очередь, не стесняясь в выражениях, высказывал все, что думает о кокетливой молодой женщине, вскружившей голову его седому отцу. Не договорившись полюбовно, они обратились в суд. Дело разбирал сам архиепископ Болоньи кардинал Ламелин. И он решил его в пользу Михала Казимира.

Тело покойного перевезли в Несвиж и погребли в родовой усыпальнице. После похорон старший сын Александра Людвика оспорил и завещание отца. Он заявил, что писалось оно под диктовку Лукреции Марии. И что иначе отец никогда бы не назначил сыновьям равной доли — ведь ординатом несвижским становился только он один.

Лукреция Мария судилась с Михалом Казимиром почти всю оставшуюся жизнь. Кое-что из завещанного мужем ей удалось отстоять, но большую часть наследства она и ее сын потеряли.

Король Речи Посполитой Ян Казимир, которому приходилось вникать в их тяжбы и выносить судебные решения, в своем окружении говорил, что правым никого из них считать нельзя. И сокрушался, что смерть доброго, всегда избегавшего ссор и конфликтов Александра привела к таким безобразным разборкам.

А о чем печалилась и чему радовалась в беспредельных небесных просторах душа самого Александра Людвика, человека, не сделавшего слишком яркой карьеры в политике, не стремившегося к воинской славе, но прожившего тем не менее прекрасную, насыщенную жизнь, — людям знать было не дано.

© OCR: Камунікат.org, 2013

© Інтернэт-версія: Камунікат.org, 2013

© PDF: Камунікат.org, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

О книге и ее авторах

Вступление

Друг короля Александра
(*Януш Радзивилл Бородач*)

Атлант кальвинизма
(*Миколай Радзивилл Черный*)

Джюльетта белорусского средневековья
(*Барбара Радзивилл*)

Светлейший пилигрим
(*Миколай Кръштоф Радзивилл Сиротка*)

"Княжна, ее милость панна аббатиса"
(*Кристина-Эуфимия Радзивилл*)

Пасынок фортуны
(*Януш Ежи Радзивилл*)

Рыцарь без страха и упрека
(*Альбрехт Владислав Радзивилл*)

Командор Мальтийского Ордена
(*Сигизмунд Кароль Радзивилл*)

Младший брат
(*Александр Людвик Радзивилл*)

Миниатюры "Друг короля Александра", "Джюльетта белорусского средневековья", "Пасынок фортуны", "Командор Мальтийского Ордена", "Младший брат" написаны Ириной Масленицыной.

Миниатюры "Атлант кальвинизма", "Рыцарь без страха и упрека" и глава "Вступление" написаны Николаем Богодзяжем.

Совместно авторами написаны миниатюры "Светлейший пилигрим" и "Княжна, ее милость панна аббатиса".

Литературно-художественное издание

Ирина Александровна Масленицына, Николай Константинович Богодзяж

РАДЗИВИЛЛЫ - НЕСВИЖСКИЕ КОРОЛИ

Редактор Н. Пимашков

Художественное оформление Л. Счастливая Оригинал-макет, компьютерная верстка Р. Михайловская

Издательство "Триоль". 220013, г. Минск, ул. П.Бровки, 22. Лицензия А В № 1192 от 28.08.95.

Подписано в печать с диапозитивов 25.08.97. Формат 70x100¹/₃₂. Гарнитура Times. Печать офсетная. Печ. л. 7. Тираж 5000 экз. Заказ № 2181.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, г. Минск, ул. Красная, 23. Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.